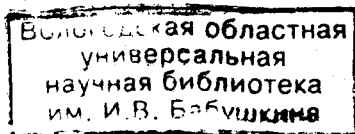

Л. О. ВОЛОДИНА

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ
ВОСПИТАНИЯ В РУССКОЙ СЕМЬЕ:
НАЦИОНАЛЬНЫЙ ОПЫТ
И РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

МОНОГРАФИЯ

1416315

Рецензенты:

С. С. Невская, доктор педагогических наук, ведущий научный сотрудник ЦРАО «Институт семьи и воспитания»;

А. А. Овчинников, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник лаборатории истории отечественной педагогики Учреждения РАО «Институт теории и истории педагогики»

В 68

Володина Л. О. Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье: национальный опыт и региональные особенности: монография. – Вологда: ВГПУ, издательство, 2010. – 208 с.

– ISBN 978-5-87822-411-6

В монографии актуализируется проблема духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье. Выстраивается система традиционных ценностей воспитания в общерусской и национально-региональной семье в разных эпохи становления Российской империи. Раскрываются опыт и условия преодоления трудностей и противоречий семейного воспитания во второй половине XIX – начале XX в. Доказывается позитивное значение согласованных действий различных социальных факторов для сохранения устойчивости национальных традиций семейного воспитания и их преемственного развития. Показывается историческая значимость единой системы ценностей семейной педагогики, понимаемой как духовное скрепление значительной части населения и семей на территории Российского государства.

Издание предназначено для государственных лиц, чья деятельность связана с семейным законодательством, педагогов, студентов, аспирантов, преподавателей вузов педагогического, исторического и юридического профилей, родителей, а также обычных читателей.

В настоящее время в современном российском обществе на одно из первых мест выдвигается задача сохранения и развития отечественной культуры. Эта задача является актуальной и в отношении семейного воспитания русского народа, культура которого складывалась веками.

Особую тревогу вызывает тенденция ослабления главных функций семьи – воспроизводства и социализации. Ухудшение демографической ситуации в стране (в 1990 г. естественный прирост населения составлял 332,9 тыс. человек, в 2008 отмечается убыль на 703, 4 тыс. человек), рост количества детей, рожденных вне брака (в 1990 г. – 14, 61%, в 2008 – 38,2 % от общего числа родившихся), количество разводов (с 3,8 промилле¹ на 1000 населения в 1997 г. до 5,0 промилле в 2008 г.) [141], а также существенные изменения во взглядах на брак, на роль матери и отца в духовном благополучии ребенка – все эти факторы носят устойчиво-регрессирующий характер.

Эта ситуация типичная, она наблюдается и в одном из крупных регионов России – Вологодской области. Уровень смертности по региону превышает уровень рождаемости (на 01.01. 2009 г. – на 5302 человека). Количество разводов (в 2008 г. – 6587, или 5,4 промилле) приближается к числу заключаемых браков (в 2008 г. – 9618, или 7,9 промилле). В 2008 г. вне брака было рождено 34% детей к общему числу родившихся. Увеличивается количество семей, в которых воспитание детей становится делом второстепенным [43]. Семья становится неспособной к полноценному воспитанию своих детей, граждан России.

Сложившаяся ситуация объясняется не столько экономической несостоятельностью семьи в период неустойчивой социальной ситуации, сколько размытостью общей стратегии социального развития страны, ослаблением традиционных духовных начал семейной жизни.

Сегодня в государственных законодательных документах, педагогической науке, общественной педагогической мысли, в православном учении не наблюдается принципиально одинаковой позиции в отношении главных ценностей семейного воспитания. Это лишает современную семью духовной опоры в ее воспитательной практике. На этом фоне остро ощущается потребность в анализе традиционного опыта отечественного семейного воспитания, условий, при которых преодоле-

¹ Промилле – (от лат. pro mille, букв. «к тысяче») – единица измерения, одна тысячная доля, 1/10 процента.

вались исторически возникавшие трудности воспитания и оценки значимости этого опыта для современной воспитательной практики семьи. Решению данной проблемы и посвящается настоящая книга.

В отечественной педагогике семейному воспитанию всегда уделялось серьезное внимание. В то же время остается недостаточно изученным целостный этногенез семейного воспитания, в центре которого – историческое развитие его национальных традиций, базирующихся на духовно-нравственных ценностях. Включение аксиологических идей в состав положений, объясняющих проблемы семейной педагогики, помогает глубже понять и обобщить исторический опыт духовно-нравственного воспитания, выделять в этом опыте ценностные приоритеты.

С позиции необходимости осмысления подходов для решения многочисленных проблем современного семейного воспитания следует обратить внимание на такой исторический период развития России, который по своим кризисным процессам и глубине социальных преобразований максимально бы приближался к социальным преобразованиям сегодняшней России. Таким периодом, на наш взгляд, является период второй половины XIX – начала XX века. Радикальные преобразования в государстве (отмена крепостной зависимости, реформы местного самоуправления, суда, армии, школ, университетов, цензуры, повлекшие за собой утверждение капиталистических отношений, формирование правового пространства) внесли существенную социальную новизну по многим позициям общественной жизни, затрагивая и проблему семейного воспитания. Своей остротой, противоречивостью данный период созвучен с современной социально-экономической и духовно-нравственной ситуацией российского общества. Условия, при которых были сохранены и развиты духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье в этот сложный период, заставляют внимательно отнестись к опыту ее воспитательной практики, так как это может иметь значение для анализа путей выхода из трудностей современного семейного воспитания.

Имеется значительное число работ, освещающих положение русской семьи до второй половины XIX в. и в период второй половины XIX – начала XX в. Большинство авторов утверждают тезис об универсальности и самодостаточности русской семьи в решении вопросов духовного и нравственного воспитания. Но теоретико-педагогический анализ сущности духовно-нравственного воспитания, условий устойчивости позитивных ценностей воспитания в русской семье отстает от по-

требностей современной воспитательной практики. По нашему мнению, в научно-педагогических исследованиях целесообразно обратить внимание на анализ позитивных традиционных ценностей воспитания в семье.

Отставание аксиологического анализа духовно-нравственного воспитания в русской семье определило недостаточное количество региональных исследований в этом направлении, что ослабляет фактологическую базу изучения традиционных семейных ценностей. В историко-педагогической науке накоплена информация, освещающая проблему регионального воспитания. Однако видится малоизученной роль регионального семейного опыта в становлении и преемственном развитии общих тенденций духовно-нравственного воспитания в русской семье.

Одним из благодатных регионов для исследования позитивных традиций семейного воспитания является территория бывшей Вологодской губернии – исконно русский край, своими историческими судьбами теснейшим образом связанный с историей России. Необходимо отметить, что изучение историко-культурного развития Вологодского края в рассматриваемый период имеет солидную источниковую и историографическую базу.

Этнографические рамки исследования ограничиваются русским этносом. По данным первой всеобщей переписи населения от 1897 г. численность русских на территории России составляла – 80, 05 % от всех проживающих [127, с. VII], в Вологодской губернии русские составляли 91,23% [125, с. 5].

Россия ко второй половине XIX века представляла собой многословное государство. В отечественной науке принято употреблять такое общее слово, как «русское»: русская душа (И. А. Ильин, И. Ф. Гончаров, Д. С. Лихачев), русская культура (И. А. Ильин, П. Н. Милюков), русская жизнь (И. Е. Забелин, В. Н. Шелгунов), русский нрав (Н. И. Костомаров), русский народ (А. Н. Афанасьев, В. И. Даль, В. О. Ключевский), русское воспитание (К. Д. Ушинский), русская семья (В. В. Розанов). Вслед за этими учеными в данной работе употребляется понятие «русская семья»; в духовно-нравственном воспитании, на основе научных источников, выделяем общие для всех условий духовные и нравственные ценности.

Для более подробного фактологического анализа семейного воспитания во второй главе приводятся материалы по русской крестьянской семье. В условиях многословного государства Россия представляла все же «мужицким царством» [62, с. 168–169], где крестьянство составляло

77,12 % [126, с. XIII]². На крестьянство Вологодской губернии ко второй половине XIX века приходилось 95,38 % от общего количества русского населения [125, с. 5], оно составило основную массу населения края вплоть до середины XX века. Именно крестьянство, как основу государства, ввиду своей многочисленности, исследователи называют главным хранителем самобытной преемственной науки национального сознания, русского духа (Н. С. Арсеньев, И. А. Ильин), русской народной педагогики (В. И. Белов, Т. А. Бернштам, М. М. Громыко, Н. И. Ильминский).

В данной монографии обосновываются методология и модель исследования проблемы. Уточняется и расширяется социоприродная характеристика русской семьи как сферы воспитания; она рассматривается в структуре рода, нации, общества, государства; как субъект национальной культуры, исторически развивающийся в определенной природно-географической и социально-политической среде, испытывающий влияние региональных особенностей.

На основе анализа первоисточников, архивных материалов выстраивается система позитивных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в общерусской и национально-региональной семье в разные эпохи становления Российской империи. Раскрываются опыт и условия преодоления трудностей и противоречий семейного воспитания в модернизационный период развития России. Доказывается позитивное значение согласованных действий различных социальных факторов для сохранения устойчивости национальных аксиологических традиций семейного воспитания и их преемственного развития. Показывается историческая значимость единой системы ценностей семейной педагогики, понимаемой как духовное скрепление значительной части населения и семей на территории российского государства. Вводится ряд новых понятий и систематизируются понятия, связанные с духовно-нравственными ценностями семейного воспитания.

Проблема, поднимаемая в данной книге, обращена к профессиональным педагогам, государственным лицам, чья деятельность связана с семейным законодательством, родителям и просто читателю. Автор будет признателен всем откликнувшимся на материалы монографии. Отзывы, критические замечания и рекомендации можно присылать на адрес электронной почты: volodina-l@mail.ru

² Для сравнения: по данным переписи населения в 2002 г., в сельской местности проживает 38 737 682 человек к общему количеству 145 166 731 населения России – 26,68 % [61, с. 10].

ГЛАВА 1

Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье как феномен российской действительности.

Методологические основания

В условиях ослабления духовных начал семейной жизни явственно наблюдается стремление все большего числа ученых, педагогов, родителей, общественных деятелей и священнослужителей обращаться к идее возрождения традиционных основ воспитания в семье, ее духовно-нравственных ценностей.

Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье могут быть представлены одним понятием – феномен, как исключительное явление российской действительности. Педагогическая ценность данного феномена заключается в том, что он позволяет определить сущность и содержание современного семейного воспитания, исходя из следующих, сложившихся в обществе, педагогической науке и практике, объективных противоречий:

- между современным социальным запросом на систему традиционных семейных ценностей и отсутствием их научно обоснованной системы;

- между необходимостью опоры в современном семейном воспитании на знание условий преодоления трудностей и противоречий семейного воспитания в модернизационный период развития России (вторая половина XIX – начало XX в.) и отсутствием научно-педагогического обоснования таких условий;

- между необходимостью наиболее достоверного изучения традиций национального семейного воспитания на основе синтеза общенациональных тенденций и национально-региональных особенностей воспитания и недостаточностью историко-педагогических исследований такого рода.

Названные противоречия позволили сформулировать проблему исследования: как и под влиянием каких факторов складывалась и изменялась ценностная основа духовно-нравственного воспитания в русской семье, представляющая сегодня феномен российской действительности. Решение обозначенной проблемы целесообразно осуществлять с опорой на методологию общенаучного познания. Методология, как система исходных теоретических положений, позволяет определить общий способ решения проблемы исследования, а также обосновать ее границы.

1.1. Опыт духовно-нравственного воспитания в русской семье с позиции культурологического подхода

В настоящее время перед педагогической наукой и практикой на одно из первых мест выдвигается задача обеспечения исторической преемственности в сохранении, распространении и развитии национальной культуры, воспитания бережного отношения к историко-культурному наследию народов России. Это дает возможность признать культурологический подход как ведущую методологическую основу при анализе духовно-нравственного воспитания в русской семье, опыт которого составляет органическую часть русской национальной культуры.

В современной науке культурологический подход в общем плане рассматривается как совокупность методов изучения культурных явлений. В данной работе *опыт духовно-нравственного воспитания в русской семье рассматривается как часть национальной культуры.*

В связи с этим возникает необходимость анализа соотношения понятия «культура» и проблемы «духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье», который может быть возможным в рамках культурологического подхода.

В отечественной культурологии единого толкования культуры не существует. Суммируя различные подходы к данному определению, мы исходим из классификации, включающей аксиологическую, антропологическую и информационно-знаковую концепции культуры. Каждая из концепций имеет различные варианты. Отметим наиболее важные из них для решения поставленной проблемы.

1.1.1. Положения аксиологической концепции культуры в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье

Аксиологическая концепция была предложена в начале шестидесятых годов прошлого столетия В. П. Тугариновым, который рассматривал культуру как совокупность ценностей [167].

Категория «ценность» относится к числу общенаучных понятий, сущность которой в общей аксиологии представлена как значимость, полезность, направленность, необходимость. «Ценностное» предстает как величайший итог предшествующей деятельности человека, яв-

ляющий собой сложную иерархию значимых духовных и материальных образований.

Включение ценностей в процесс воспитания в современной педагогике предстает одной из центральных проблем. Под ценностями воспитания в педагогической науке понимается объективная значимость явлений действительности, которая в процессе воспитания становится личностной значимостью.

Аксиологическая интерпретация культуры позволяет раскрыть следующие понятия: «духовность», «нравственность», сочетание «духовно-нравственное», «духовно-нравственное воспитание».

«Духовность» в научной литературе связывается с поиском основных и общих ценностных ориентиров в жизни. Нравственность выступает как результат личностного осмысления духовных ценностей. Нравственное и духовное объединяет наличие ценностного содержания [27]. Однако в смысловом отношении – это разные понятия, отличающиеся как объемом содержания, так и обобщенностью смысловых образований. Нравственные ценности имеют конкретный характер. Духовные ценности отражают обобщенные смысловые образования, осознанные личностью. Вследствие этого ценности духовного уровня регулируют все жизненные проявления личности. Сочетание «духовно-нравственное» отражает те ценности личности, которые связывают обобщенные и соответствующие им конкретные ценности. Например, «любовь» как духовная категория может проявляться в мире человеческих отношений через такие нравственные качества, как: духовная привязанность, заботливость, доверительность, жалостливость, искренность и т.д.

В соответствии с вышесказанным определим понятие «духовно-нравственное воспитание». Признавая органическую связь нравственного с духовным, где духовность, как главный ориентир человеческой жизни, становится исходным принципом формирования нравственных качеств личности и, в свою очередь, сама на них базируется, *духовно-нравственное воспитание будем рассматривать как процесс взаимодействия и взаимопревращения конкретных нравственных ценностей и обобщенных духовных ценностей в устойчивые личностные образования – ценностные ориентации – в определенных (специально либо стихийно созданных) условиях.*

Духовно-нравственное воспитание, таким образом, основывается на системе ценностей, в которую входят ценности обобщенного смысла (духовные) и конкретизирующие их нравственные ценности. Это

позволяет говорить о системе духовно-нравственных ценностей воспитания, носителем которой в соответствии с проблемой исследования выступает русская семья.

Культура – это своеобразный ценностный мир. Ценности во временном и пространственном отношении имеют свой особенный облик, свою специфику, поскольку всегда связаны с жизнью субъекта. Следовательно, характер и направленность системы ценностей воспитания в русской семье позволяют говорить о ценностных ориентациях ее воспитательной практики в разные историко-культурные периоды.

Итак, идея ценностного подхода к интерпретации культуры ориентирует исследование на изучение ценностного мира духовно-нравственного воспитания в русской семье, позволяет раскрыть содержание системы ценностей воспитания в русской семье в разные историко-культурные периоды, а также проанализировать взаимосвязь исторически сложившейся системы традиционных ценностей воспитания в русской семье и системы ценностей семейного воспитания в конкретный историко-культурный период.

1.1.2. Положения антропологической концепции культуры в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье

Антропологическая концепция в понимании культуры расширяет круг относящихся к ней явлений, предполагая, что культура охватывает различные стороны человеческого бытия. Данный подход имеет ряд вариантов толкований понятия «культура».

Согласно одному из них, культура – сумма всех человеческих достижений, все то, что создано людьми и характеризует их жизнь в определенных исторических условиях (П. С. Гуревич) [37, с. 57].

Главное внимание исследователей данного варианта антропологической концепции направлено на эмпирическое изучение конкретного историко-культурного материала. В результате возникло частное научное представление о культуре – этнографическое. С позиции этнографии под культурой понимается специфический для определенного этноса комплекс обычаев, верований, особенностей труда и быта людей; культура рассматривается в значении «цивилизация» (Э. А. Орлова) [119]. Следовательно, культуру в таком определении можно рассмотреть как поступательный процесс человеческого развития, воплощенный в продуктах интеллектуальной, художественной и ду-

ховной деятельности и имеющий ценностную основу для своего времени.

Данное представление о культуре при анализе нашей проблемы позволяет опираться на архивные материалы второй половины XIX – начала XX в., тем самым анализировать сходство и отличие ценностного мира русской семьи второй половины XIX – начала XX в. с ее ценностным миром в предшествующие эпохи.

В соответствии с другим вариантом антропологической концепции при определении сущностного элемента культуры берется человеческая деятельность. К середине 70-х гг. прошлого столетия появился ряд работ, авторы которых выдвинули идею анализа культуры в тесной связи с активностью людей в обществе. Согласно утверждению Э. С. Маркаряна, культура есть «специфический способ человеческой деятельности» [103, 97]. Он считает, что термин «способ деятельности» несводим лишь к навыкам и умениям. Структуру данного термина определяет адаптированный природными и социальными условиями «комплекс внебиологических выработанных средств», благодаря которому действия людей «стимулируются, программируются и воспроизводятся».

Исходной точкой такого рассуждения стало признание того факта, что любая система стремится к самовоспроизводству. Следовательно, если человеческая деятельность имеет адаптивную ориентацию, то и культура будет иметь соответствующую адаптивную функцию.

Из концепции Э. С. Маркаряна для нас важно признание и деятельностью, и адаптивной сущности культуры. В первом случае это позволяет рассматривать семью в качестве субъекта национальной культуры; во втором – понимать причины сохранения и изменения духовно-нравственных ценностей воспитания в семье в соответствии с объективной реальностью.

Несколько иное толкование деятельностной сущности культуры представлено в исследовании С. Н. Иконниковой. Введя понятие «инкультурация», автор рассматривает историческую преемственность культуры как объективную закономерность освоения духовных ценностей личностью [55, с. 34–35]. Ценностные доминанты культуры и ценностные доминанты личности в определенный исторический период имеют тенденцию к идентичности.

Значимость данной интерпретации культуры для решения нашей проблемы видится в том, что она позволяет объяснять схожесть ценностного мира общества и ценностей воспитания в русской семье.

Другим вариантом антропологической концепции культуры стали идеи динамики культуры, в частности понятие о «культурогенезе» как процессе постоянного самообновления культуры (А. Я. Флиер) [173, с. 246].

Культура рассматривается как процесс, признается ее гибкость и подвижность. Основная функция культуры – адаптивная. Посредством культуры происходит адаптация человека к окружающей среде как наиболее рациональный процесс приспособления для имеющихся географических и социальных условий.

Данный вариант антропологической концепции позволяет нам выделить ряд важных положений. Среди них:

1. Результатом первичной адаптации культуры выступают культурные ценности. Культурные ценности – «этнические константы», «устойчивые компоненты», «мировоззренческие универсалии» – формируют культурные традиции – «центральную зону культуры».

В этой связи важным является рассмотрение теории культурной традиции, предложенной Э. С. Маркаряном. В его интерпретации культурная традиция предстает как информационная характеристика культуры, которая выражает все сферы общественной жизни в той мере, в какой они несут в себе социально закреплённый опыт. Здесь интегрируются все социально организованные понятия: обычаи, обряды, ритуалы.

В дальнейшем культурная традиция осуществляет адаптирующую функцию – приспособление внешнего мира к своим потребностям. Цель данной функции – поддержание стабильности культуры.

Такой взгляд на культурную традицию позволяет рассматривать ценности семейного воспитания, приобретающие в процессе культурогенеза черты устойчивости как исторически сложившиеся, традиционные.

2. Среда (социальная, природная) признается первоначальным условием динамики культуры с последующим определением факторов ее преемственности и развития. Изменение жизнедеятельности субъектов социума происходит в соответствии с изменяющимися обстоятельствами жизни в конкретной среде. С помощью данного утверждения возникает возможность установления связи между социально-экономическими, природными условиями проживания русской семьи и ее воспитательными ценностями.

3. Адаптивная функция культуры выступает как средство обогащения, расширения и уточнения способов деятельности людей, фор-

мирования ценностей настоящего времени. Следовательно, культуре имманентно³, то есть в соответствии с ее внутренней природой, присуще такое деятельное качество, как творчество. Это та сила, которая обуславливает постоянное обновление культуры, зарождающая диалектическое отношение «традиция / новация» как закон существования культуры (М. С. Кагана) [63, с. 44].

С точки зрения современного научного мышления понятие «традиция» многоаспектно. Однако необходимо отметить общую и главную функцию этого феномена – обеспечение преемственности социального и духовного опыта.

В то же время культура, являясь следствием жизнедеятельности людей, представляет собой динамичную систему. Развиваются и изменяются ее ценности, находясь в диалектическом единстве с развитием общественных сил и общественных отношений. Причину этого можно искать в проверке актуальности культурной традиции временем или, как называет Б. М. Берштейн «коэффициентом актуальности», применяя это определение к развитию художественной культуры [11, с. 107–109].

Коэффициент актуальности находится между двумя предельными точками: «I» – когда все наследие актуально, ничего нового не создается (абсолютная консервация) и «0» – когда ничего из созданного ранее не потребляется (абсолютное новаторство). В обществе абсолютизации «I» и «0» не существует, в противном случае это может привести к ликвидации общества.

Культурная традиция – видоизменяющееся явление. Ни одна традиционная черта не присуща любому обществу искони, она имеет начало, следовательно, некогда была новацией. И то, что мы видим как новацию, либо не адаптируется в культуре, отомрет, либо усвоится, со временем перестанет рассматриваться в своем первоначальном предназначении, перейдя в традицию. Переход «новация – традиция» естествен, так как является свидетельством поступательного развития общества.

В основе новационной установки лежит принцип презумпции: рационально сконструированное может быть совершеннее унаследованного. Главным условием для новаций является неустойчивое состоя-

³ Под имманентностью понимается «свойство, присущее природе самого предмета, внутреннее» [63, с. 245].

ние цивилизационной системы, когда возникшие новшества служат ответом на вызовы социума.

В культурной традиции присутствуют в двуединстве консервативная и креативная составляющие, и наряду с самосохранением и воспроизводством она осуществляет регенерацию (обновление) этнической культуры. С. Н. Иконникова, называя устойчивость и изменчивость, преемственность и новаторство «общими контурами диалектики развития культурной традиции», говорит о «преемственном развитии» культурной традиции как объективной закономерности существования культуры [55, с. 54]. Данный вывод ученого позволяет рассматривать традиционные ценности воспитания в русской семье в преемственности и развитии.

Итак, выделенный нами ряд важных положений деятельностного варианта антропологической концепции культуры позволяет изучить проблему многосторонне, однако не затрагивает вопроса этнической культурной традиции. В связи с этим обратимся к исследованиям Л. Н. Гумилева, в частности к его теории этногенеза – этнической истории.

Автор рассматривал каждую культуру как особую систему, эволюция которой определяется потребностью адаптации к специфической для каждой культуры природной среде [36, с. 47]. Неравномерность биохимической энергии в разных регионах, затраченная на приспособление к окружающей действительности, позволила ученому рассмотреть межэтнические различия и особенности национального характера как вариации этой энергии. Данная аргументация понятия «культура» для нашего исследования помогает осознанию основ национального своеобразия ценностей воспитания в русской семье.

Теория этногенеза вносит ясность в выделение Э. С. Маркаряном общей и локальной составляющих культурной традиции. Под общей понимается социально-организованный опыт, поддерживающий устойчивость различных исторических общностей. Локальная же выражает специфику регионального опыта людей конкретной исторической общности. Общая составляющая культурной традиции может рассматриваться в значении «национальная культура». Локальная – «национально-региональная» со своими ценностями и представлениями – вступает в достаточно сложные взаимодействия с национальной.

С одной стороны, национальная культура, обладая относительной цельностью, выражает общее достояние исторического опыта людей, поэтому отражается в национально-региональной. С другой – нацио-

нально-региональная культура склонна устанавливать строгие границы, в рамках которых работают другие приоритеты. В таком случае национальная культура черпает в национально-региональной культуре новые элементы, имеющие потенциал широкого распространения. При этом национально-региональная культура придает общенациональной неповторимый облик.

Учет и анализ такого рода дифференциации и соотношения культур позволяют изучать региональные ценности семейного воспитания в сопоставлении с национальными ценностями воспитания.

Итак, методологические положения антропологической концепции культуры позволяют обосновать онтологию становления и преемственного развития системы традиционных национальных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье.

1.1.3. Положения информационно-знаковой концепции культуры в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье

Определенное место в общетеоретических исследованиях культуры занимает информационно-знаковая концепция, наиболее ярко представленная в трудах Ю. М. Лотмана.

Культура, в понимании автора, представляет собой систему значений, воплощенную в символической (знаковой) форме – культурных текстах. Они обладают семиотической сущностью, являются носителями определенных комплексов информации как о самих себе, так и об обществе, времени, религии [99, с. 34–45].

Подобная трактовка культуры представляет возможным интерпретировать художественные тексты и архивные материалы различных историко-культурных периодов России.

1.2. Частные методологические положения в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье

Из анализа культурологического подхода, как ведущего в данном исследовании, вытекает значимость других, относительно более частных методологических положений: деятельностного, средового, конкретно-исторического, системного, а также соотношения традиций и новаций, соотношения общего, особенного, единичного. Остановимся на них более подробно.

Важным для исследования является *деятельностный подход*.

Основная идея деятельностного подхода в воспитании связана не с самой деятельностью как таковой, а деятельностью как средством становления субъектности ребенка.

Всякий созданный человеком предмет обладает свойством удовлетворять определенную потребность. В культурном значении такой предмет предстает как способ связи между людьми, как звено, объединяющее их в процессе совместного существования. В предмете, стало быть, человек обнаруживает самого себя. Если в качестве такого предмета выступает смысложизненная ценность, мы имеем дело с духовной потребностью.

Ребенок воспринимает от родителей информацию о том, как надо вести себя в той или иной ситуации, но осмысливает и перерабатывает ее в процессе собственной деятельности. Соответственно этому утверждению, специфика предметной характеристики деятельности заключается в ее субъективной форме: предметы-объекты не непосредственно воздействуют на индивидуальное сознание, а тогда, когда они преобразованы в процессе их личностного переосмысления (переживания). Личностное переосмысление – это чувственное мировосприятие, формирующееся на основе ценностного отношения к предметам-объектам. Субъект находится в постоянных объективных отношениях с окружающей действительностью. Оценивая те или иные предметы и явления, человек определяет степень их значимости в соответствии со своими потребностями, возводя их в ранг той или иной ценности. Тем самым происходит духовно-нравственное становление и развитие личности. Эти идеи лежат в основе подхода к духовно-нравственному воспитанию как деятельностному усвоению культуры (Л. С. Выготский) [28].

Именно в человеческой деятельности создание личностных смыслов и ценностей (опредмечивание), а также присвоение культурного наследия (распредмечивание), направленных на преобразование действительности и передачу от поколения к поколению истинно «человеческого начала», и заключается педагогическое значение деятельностной сущности культуры. С позиций экзистенциальной философии культуротворчество людей предстает как сознательное принятие или отвержение тех или иных ценностей современного общества.

Это полностью относится и к семье как субъекту национальной культуры. Не случайно в науке принцип активности семьи рассматривается, как ее способность при изменяющихся условиях осуществлять

поиск рациональных способов организации воспитания в соответствии с имеющимся педагогическим опытом. Деятельностный подход утверждает имманентно присущую семье способность создания собственной системы ценностей в процессе повседневной жизнедеятельности в конкретных социальных условиях в результате сознательного принятия, отторжения и самотворения значимых предпочтений общественной жизни.

Обоснуем методологическую значимость *средового подхода* для решения поставленной проблемы исследования.

Еще в рамках характерного для России общественно-педагогического движения конца XIX века возникает и приобретает большую популярность социально-педагогический поиск, предполагающий, что воспитание личности определяется влиянием социума или социальной средой (Н. К. Грунский, П. Ф. Каптерев и др.). Общественная среда, по утверждению П. Ф. Каптерева, оказывает могучее давление на детей не частными сторонами своего быта, она влияет, прежде всего, «самыми основаниями своего устройства и организации», устоями, на которых держится жизнь данного народа [69, с. 105–106].

Не менее явственно подобные идеи имели место в русской философской традиции в начале XX в., представители которой попытались подойти к проблеме воспитательного значения исторически сложившейся среды (В. В. Розанов и др.).

В настоящее время под средовым подходом в педагогике понимаются теория и практика прогнозирования, моделирования стратегии воспитания через окружающую среду.

Средовой и культурологический подходы позволили ввести в научно-педагогический оборот такие термины, как «социокультурная среда», «культурно-бытовая среда». Так, в исследовании Т. С. Буториной понятие «социокультурная среда» используется для осмысления таких проблем, как преемственность системы народного воспитательного опыта, соотнесение развития ребенка с национальными ценностями [19, с. 264].

В работах Н. Б. Крыловой социокультурная среда представлена как конкретное социальное пространство, посредством которого происходит включение подрастающего поколения в культурные связи общества [92, с. 191]. В. С. Садовская с помощью термина «культурно-бытовая среда» анализирует на уровне житейской (семейной) практики ситуацию культурного развития человека [145, с. 14].

На основе средового подхода в нашем исследовании возникает возможность, во-первых, представить семью как объект, находящийся под воздействием условий внешней среды; во-вторых, в условиях внешней среды выделить наиболее значимые факторы, оказывающие непосредственное влияние на воспитательную практику семьи.

Средовой подход детерминирует взаимосвязь условий целостной социальной жизни и культуротворчества русской семьи в решении проблемы духовно-нравственного воспитания.

Соотношение традиций и новаций представляет интерес для осмысления доминирующих тенденций в содержании системы ценностей воспитания в русской семье, когда происходит ее преемственное развитие в разные историко-культурные периоды.

В этой связи актуальна точка зрения И. Д. Лушниковой, который утверждает, что современное есть определенный синтез традиционного и нового [101, с. 22]. Механизм формирования «современного» связан с разнообразным характером взаимодействия традиционного и нового: а) традиция исторически сохраняется, новое выступает как ее продолжение и развитие; б) сознательное возвращение к бывшей традиции; в) возрождение традиции через новое; г) возникновение новой традиции.

Диалектика культурного процесса состоит в постоянном переходе от прошлого к настоящему и будущему. Накопленному опыту противостоит повседневная практика, требующая его отбора, интерпретации и обогащения. Новационные процессы, происходящие в сфере духовно-нравственного воспитания во второй половине XIX – начале XX в., являются закономерным следствием динамичных преобразований жизни русской семьи, проявлением новых образовательных запросов, которые уже не могут в полной мере удовлетворить ранее сложившиеся ценности воспитания. Взаимодействие между традицией и новацией в системе ценностей воспитания в русской семье заложено в природе модернизационных процессов, присущих диалектически развивающемуся обществу.

Русская семья – социальный институт воспитания. Его необходимость обусловлена потребностью общества в физическом и духовном воспроизводстве населения. В настоящее время в связи с новыми реалиями жизни в государственной образовательной и семейной политике обращается внимание на воспитание молодого поколения, отвечающего современным требованиям: энергичного, способного к сотрудничеству, мобильности, динамизму, конструктивности.

В то же время передовые мыслители отмечали способность русской семьи сохранять «культуру национальных чувств» (И. А. Ильин). В критические моменты истории отечества ученые и общественность обращались к культурным традициям русской семьи. Не случайно с целью изменения сложной демографической и экономической ситуации в стране в выступлениях первых лиц Российского государства обращается внимание на возникшую необходимость восстановления «старинных ценностей семьи», «родного очага» [136, с. 2].

Русскую семью, как и другую национальную семью, отличает единство культуры, психики и самосознания. В этом выражается, по мнению педагога, ученого-этнографа Н. И. Ильминского, ее «крепость, непеременимость и всеобщая удачность и несомненность» [58, с. 164].

Характеристика русской семьи как «колыбели цивилизации», «сокровищницы отечественных ценностей» отражает ее способность передавать в процессе духовно-нравственного воспитания культурные традиции, обеспечивая тем самым процесс преемственности национального характера, национальных нравственных качеств личности в различные эпохи.

Идея соотношения традиций и новаций предусматривает понимание «современного» как оптимальное взаимодействие традиционных нравственно оправданных ценностей жизнедеятельности русской семьи и ценностей, возникших в процессе ее приспособления к меняющимся условиям среды. Позитивное воздействие традиционного на новое и нового на традиционное предотвращает как консерватизм ценностей воспитания в русской семье, так и их радикализм. Изучение соотношения традиций и новаций в нашем исследовании позволяет понять источники и факторы преемственного развития традиционной системы ценностей воспитания в русской семье в разные периоды истории России.

В состав объясняющих положений нашего историко-педагогического исследования входит *конкретно-исторический подход*.

Значимость конкретно-исторического подхода в изучении истории педагогики обосновывается объективной необходимостью, поскольку исследователи имеют дело с предметом, который на разных ступенях исторического развития подвергается существенным изменениям.

Сущность данного подхода отражается в его функциях: иллюстрация достоверными фактами выводов и заключений (иллюстративно-объяснительная); оценка истинности современных суждений (критериально-оценочная); построение на основе исторически повторяю-

щихся фактов гипотез о закономерных связях (гипотетическая); предсказания тенденций развития педагогической теории и практики (прогностическая); моделирование на основе ретроспективного анализа определенных педагогических систем (конструктивно-систематизирующая).

Конкретно-исторический подход позволяет нам: а) произвести анализ опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье в конкретный избранный период русской истории (вторая половина XIX – начало XX в.) во взаимосвязи этого опыта с новыми, столь же конкретными социальными изменениями; б) выдвинуть гипотезу о соотношении традиционных и новых духовно-нравственных ценностей воспитания в семье в данный исторический период.

В данном исследовании важным положением является *соотношение общего, особенного, единичного*.

Общее (единое во многом), особенное (единое в главном) и единичное (индивидуальная, качественная и количественная определенность) – соотносительные категории, выражающие взаимопереходы отражаемых предметов и процессов: в каждом единичном заключается общее как его сущность; единичное служит предпосылкой общего; единство общего и единичного создает особенное.

В нашем исследовании духовно-нравственное воспитание в русской семье изучается: а) на уровне общего и особенного во временном разрезе – в истории культурного развития России и в определенную историко-культурную эпоху; б) на уровне общего и особенного в пространственном разрезе – в истории России и одного из ее регионов; в) на уровне общего, особенного и единичного – в соотношении общенациональных, региональных тенденций и фактов духовно-нравственного воспитания в конкретной семье. Такой подход связан и с сущностью историко-педагогических исследований региональной тематики.

В своем исследовании мы опираемся и на общенаучную методологию *системного* подхода, широко применяемую в педагогике. Системный подход вместе с вышеобозначенными методологическими принципами позволяет обосновать систему духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во временных и территориальных рамках.

В логике исследования вытекает необходимость интерпретации таких понятий, как «нация» и «этнос».

В новой философской энциклопедии обращается внимание на семантические различия дефиниций «этнос» и «нация» (В. А. Тишков). Термин «нация» применяется для обозначения совокупности граждан как политического сообщества, имеющего территориально-государственные рамки, «этнос» – для выделения устойчивой совокупности граждан внутри нации на основе единства культуры, психики и самосознания [165, с. 41–43].

Ю. В. Бромлей понимал этнос как социокультурное явление, а этническое общество – как устойчивую многопоколенную совокупность людей, обладающую относительно стабильными особенностями культуры (включая язык) и психики, а также сознанием своего единства и отличия от всех других подобных образований (самосознанием), фиксированным в самоназвании (этнониме) [14].

В последнее время возникает тенденция к распространению понимания нации как этноса: нация – исторически возникшая и устойчивая этносоциальная общность людей с общей культурой, психологией и самосознанием. В нашем исследовании с понятием «нация» будут связываться термины: «русская (национальная) семья», «национальные (русские) ценности воспитания».

Итак, каждое методологическое положение оказывается необходимым в исследовании конкретных аспектов поставленной проблемы, позволяя:

а) рассмотреть имманентно присущую семье способность создания собственной системы ценностей в процессе повседневной жизнедеятельности в конкретных социальных условиях в результате сознательного принятия, отторжения и самотворения значимых предпочтений общественной жизни;

б) утверждением тезиса о социальной обусловленности духовно-нравственного воспитания в русской семье выделить факторы его преемственного развития;

в) методологически обосновывать духовно-нравственное воспитание в русской семье в логике исторической преемственности и развития его аксиологических основ;

г) проанализировать доминирующие в разные историко-культурные периоды духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье;

д) провести сравнительно-сопоставительный анализ духовно-нравственных ценностей семейного воспитания: в разные историко-культурные периоды (во временном отношении); в истории России и

одного из ее регионов (в пространственном отношении: общее и особенное); в национальной, национально-региональной и конкретной семье (в пространственном отношении: общее, особенное и единичное).

1.3. Модель исследования духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье

Обоснованная методология в рамках выбранной темы ориентирована на раскрытие следующих основных вопросов: содержание традиционных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.; факторы преемственности и развития традиционных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.; традиционные и новые ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.; роль региональных ценностей семейного воспитания в становлении, развитии и преемственности национальных ценностей семейного воспитания.

Избранная методология (культурологический, аксиологический, деятельностный, средовой, системный, конкретно-исторический подходы, принципы соотношения традиций и новаций, соотношения общего, особенного и единичного) в единстве с определяемыми ею вопросами и методами научного поиска позволила разработать *модель* исследования темы.

Модель содержит ключевые моменты исследовательского процесса. К ключевым моментам относятся: проблема исследования, его предмет, цель, методология, результаты (поэтапные и общие), связь между компонентами исследовательского процесса. Модель не включает в себя те моменты, которые зависимы от ключевых, например, задачи, зависящие от цели.

Связующими моментами являются содержательные линии: основные вопросы, изучаемые на определенных этапах исследования в их логической последовательности. С каждой содержательной линией соотносятся доминирующие методологические принципы, метод(ы) исследования, поэтапный ожидаемый результат. Общие результаты исследования соотносятся с его целью.

⁴ Модель (от французского – «образец») – это метод научного исследования, заключающийся в построении и изучении модели исследуемой проблемы. Особенностью модели является то, что она охватывает лишь существенное в определенном смысле.

Модель исследования темы отражает: а) общий исследовательский процесс, характерный для педагогической науки (последовательность и связь таких компонентов исследовательского аппарата, как проблема, предмет, цель, методология, методы и результаты); б) специфику исследования историко-педагогической темы (включение принципов конкретно-исторического подхода, единства общего, особенного и единичного; наличие такого содержательного аспекта, как историческая преемственность традиций семейного воспитания); в) специфику конкретной темы исследования, которая отражена не только в каждом компоненте исследовательского процесса, но особенно – в содержательных линиях в их логической последовательности.

Ниже представлена модель исследования темы «Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье: национальный опыт и региональные особенности».

Проблема исследования:

как и под влиянием каких условий складывалась и изменялась ценностная основа духовно-нравственного воспитания в русской семье в модернизационный период России второй половины XIX – начала XX в.?

Предмет исследования:

система позитивных ценностей духовно-нравственного воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. в соотношении ее традиционных и новых, национальных и национально-региональных компонентов.

Цель исследования:

изучить факторы и условия преемственного развития духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. с учетом региональных особенностей.

Процесс исследования

Содержательные линии исследования в их логической последовательности	Доминирующие методологические подходы	Методы исследования	Основные поэтапные результаты
1. Становление традиционных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	Культурологический. Аксиологический. Конкретно-исторический. Средовой. Деятельностный. Системный	Анализ научно-исторических источников для хронологического исследования вопроса. Единство логического и исторического	Система традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье
2. Развитие духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	Культурологический. Аксиологический. Средовой. Конкретно-исторический. Соотношение традиций и новаций	Анализ научно-исторических источников для исследуемого вопроса в изучаемый период. Пофакторный анализ развития духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье	Традиционные и новые духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.
3. Особенности исторического накопления региональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	Культурологический. Аксиологический. Конкретно-исторический. Средовой. Деятельностный. Системный. Соотношение общего, особенного и единичного	Анализ архивных материалов. Анализ краеведческой историографии для хронологического исследования вопроса. Сравнительно-сопоставительный анализ. Единство логического и исторического	а) Система традиционных национально-региональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в. б) Соотношение традиционных национальных и традиционных национально-региональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

4. Особенности развития региональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	Культурологический. Аксиологический. Средовой. Соотношение традиций и новаций. Деятельностный. Соотношение общего, особенного и единичного	Анализ архивных материалов. Анализ краеведческой историографии. Пофакторный анализ. Сравнительно-сопоставительный анализ	а) Традиционные и новые национально-региональные духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. б) Соотношение новых национальных и новых национально-региональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в изучаемый период
---	--	--	--

Общие ожидаемые результаты:

– общее и особенное в развитии: а) национальных и национально-региональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье; б) исторического и конкретно-исторического процесса накопления духовно-нравственных ценностей семейного воспитания;

– вклад региональных особенностей в систему национальных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье;

– условия, при которых сохраняются или изменяются традиционные духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье.

Разработанная модель исследования темы помогает определить *поле и логику исследования*:

– Как исторически складывалась система позитивных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье?

– При каких условиях эту систему ценностей можно квалифицировать как традиционную?

– Как кардинальные и резкие социальные изменения второй половины XIX – начала XX в. повлияли на соотношение традиционного и нового в системе духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье?

– Каким был результат совместных воздействий различных социальных факторов на семейное воспитание в сложный для России исторический период второй половины XIX – начала XX в.?

– Как влияли региональные особенности на систему традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье?

– Каково было соотношение национальных и национально-региональных духовно-нравственных ценностей в рассматриваемый период?

– Сохранялись ли позитивные традиционные ценности семейного воспитания в период резких социальных изменений в рассматриваемый период истории России, и если да, то какие условия и факторы этому способствовали?

Таким образом, обоснованная методология в единстве с определяемыми ею содержанием и методами научного поиска позволили сформулировать следующие *постулаты исследования*.

1. Любая педагогическая парадигма определяется системой ценностей. В основе парадигм воспитания, как моделей решения воспитательных проблем, лежат ценности.

2. Духовно-нравственное воспитание основывается на системе ценностей обобщенного (духовного) смысла и соответствующей ей системе конкретных (нравственных) ценностей.

3. Духовно-нравственные ценности – основа семейного воспитания (его процесса, методов, приемов, стиля взаимоотношений в семье).

4. Накопителем, носителем и генератором, воспринимающим, воспроизводящим и создающим духовно-нравственные ценности, является семья как субъект исторического развития нации, субъект национальной культуры.

5. Для России таким субъектом выступает прежде всего русская семья.

6. Семейное воспитание неразрывно с общим стилем и жизнедеятельностью семьи.

7. Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье в рассматриваемый период кардинальных социальных изменений (вторая половина XIX – начало XX в.) находились под влиянием многих условий и факторов, диалектически развивались, что не могло не отражаться на соотношении традиционных и новых, национальных и национально-региональных ценностей семейного воспитания

Историко-культурные предпосылки традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Раскроем генезис формирования системы ценностей воспитания в русской семье, тех ценностей, которые обеспечивали самодостаточность семьи как субъекта социума и ее статус как опоры государства. Исследование исторического развития духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье позволит более объективно изучить особенности воспитания в избранный конкретный исторический период (вторая половина XIX – начало XX в.).

Ниже предпринимается попытка проследить, как складывались позитивные традиционные ценности воспитания в русской семье до второй половины XIX в. В качестве исходных примем следующие утверждения.

1. Семья («семейство» у В. И. Даля) представляет собой кровное родство, духовное единение (моральная ответственность) которого обеспечивает ее целостность и сохранение. Стремясь к самосохранению, русская семья приобретает характер самооценности, становясь субъектом национальной культуры.

2. Величие русского народа создавалось заботой семьи о воспитании будущих полезных членов общества. Понятие «полезный член общества» соединяло в себя тесно слившиеся понятия «хорошего семьянина» и «хорошего гражданина» (Н. К. Грунский) [35, с. 35 – 36]. В системе духовных приоритетов русского народа семья выступала главной ценностью, сочетаясь с сущностью самого народа и государства.

3. Все нравственные принципы внешней жизни («зародыши и зачатки» великих исторических событий) неизбежно входят в основу жизни семьи (И. Е. Забелин, Н. В. Шелгунов).

4. Природно-географическая среда России имеет прямое отношение к истории русского народа, формируя особый национальный характер: «Великорусское племя – не только известный этнографический состав, но и ... даже особый национальный характер, и природа страны много поработала ... над этим характером» (В. О. Ключевский) [78, с. 310].

5. Среда, в которой исторически возникла, функционировала и развивалась всякая семья, в том числе и русская, включает: государство, общество, нацию и род. И в древности семья не составляла отдельной независимой единицы. Семья, прежде всего, была частью рода, воспринимаемого как единый организм, имеющего единый целостный образ. Она на протяжении всего своего исторического развития оставалась крепкой благодаря его идеалам. У каждой семьи, кроме родовых интересов, были интересы общественные. Семья имела значение не сама по себе («самостоятельное творческое единство»), а только в отношении к обществу – «могучему творческому единению людей» в общем творимом деле – в национальной духовной культуре (И. А. Ильин) [57]. Семья есть воплощение социальности, данное от природы. Семья составляла «органическую часть» государства. По своей социальной сущности она призвана воспринимать, поддерживать и передавать его традиции, благодаря чему в истории отечества развивался и сохранялся духовный смысл национального гражданства.

Семья по своей природе, источникам возникновения и развития, социальной роли естественно и органично встроена в структуру рода, нации, общества, государства и географические условия. Веками развиваясь в этой комплексной социоприродной среде и будучи неотрывной от нее, семейное сознание исторически осваивало компоненты среды в качестве наиболее значимых. Род, нация, общество, государство, географические условия непрерывно подпитывали такую направленность семейного сознания и становились наиболее значимыми факторами самосохранения семьи. Назовем их заглавными духовными ценностями семьи, которые могут выступать общей основой системы ценностей семьи и семейного воспитания.

В отечественной науке (философии, истории, культурологии) становление духовных основ национального самосознания связывается с конкретными историческими периодами. Деление русской истории на конкретные периоды не случайно: оно соответствует основным «фактам» исторического процесса (Г. В. Вернадский) [21, с. 37].

В научной литературе представлены различные периодизации исторического развития Российского государства. Считаем целесообразным придерживаться периодизации, предложенной А. Ф. Замалеевым: культура языческой Руси (VIII в. – 990-е гг.), христианская Русь (990-е гг. – 1240 гг.), монгольская эпоха (1241 – середина XV в.), Московская великокняжеская Русь (середина XV – XVII в.), эпоха формирования Российской империи (XVIII – первая половина XIX в.) [50].

В истории отечественной литературы, философии, мифологии, педагогики, религии, культуры проблема ценностного осмысления духовно-нравственного воспитания в семье отражалась в летописях, проповедях, поучениях, наставлениях, заветаниях, различных формах устного народного творчества.

2.1. Зарождение духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период культуры языческой Руси (VIII в. – 990-е гг.)

Своим основанием вопросы семейного воспитания в их духовно-нравственных потребностях и проявлениях имели самобытную **языческую культуру (VIII в. – 990-е гг.)**.

История славян зарождается мифом о Трояне, в котором повествование о первых строителях славянского быта начинается с понятия «Род».

Суждение о *роде, о кровном родстве*, известном только у восточных славян, первоначально имело космологическое значение – идея Вселенной, включающая в себя жизненно важные понятия: народ, родить, природа, Родина, урожай, родник. К концу IX в. род стал символизировать более узкое понятие, в понимании В. С. Соловьева, – «вечное продолжение своего временного существования» [158, с. 487]. Значение рода, кровного родства стало связываться с семьей, которая рассматривалась как «институт ... биологического и социального упорядочивания жизни рода» [10, с. 86].

Род давал первичное понятие о нравственных ценностях людей в пределах семейного гнезда (зачаточное воплощение целой нравственности). Родич – личность, имевшая в глазах сородичей гнездовое нравственное значение, отвечает нравственным признакам родства, утверждаясь в родословной семьи. Родовое чувство – это чувство гордости за принадлежность к своей семье, которое объясняет наличие семейной антропонимии в русской культуре X в. и последующих эпох.

С понятием рода было связано и понятие об *отце*. Пределами рода в мифологических преданиях, с одной стороны, был дед, с другой – внук. Отец выступал в качестве «серединной степени родства», составляя его силу и крепость (И. Е. Забелин). Его положение, как главы в нравственном, хозяйственном отношении, признавали все члены семьи. Выступая посредником в отношениях семьи и общества, он нес сознательную ответственность за сосуществование своего рода.

К особому ряду духовных приоритетов русской семьи древние славяне относили богинь «высшего порядка» – Макошь, Рожаницы, Лада. Их обособленность связывалась с природным началом существования, развития самой семьи. Реконструируя мир верований дохристианского периода русской семьи, исследователи представляли его следующим образом.

Мифологический образ Макошь – доброжелательная богиня, Мать счастья, Мать хорошего урожая, хозяйка символического рога изобилия знаменует в духовном мире древнерусской семьи ценность *матери* (матика, матушка) как всеобъемлющий источник бытия. Недаром первые слова Олега, севши княжить в Киеве, были: «Это будет мать городам русским». Макошь – одна из двух рожаниц. Многие изречения о матери нашли отражения в памятниках древнерусской письменности. Публикуя старинную пословицу: «Держи мать во чти и в матерстве», то есть почитай, чти ее. В. И. Даль слово «матерство» объясняет как достоинство матери [38, с. 308].

Лада – вторая рожаница, покровительница вегетативной силы и браков. Она – воплощение согласия, гармония, то, что дает представление о ценности *лада* в семье – *семейного лада*. В. С. Соловьев, рассматривая лад как внутреннюю согласованность, единение, сформулировал следующую аксиому: порядок, лад превращает род в семью [158, с. 292]. В Древней Руси организацией семейного лада в большинстве случаев ведала мать. По закону первого юридического документа «Русская Правда» ею определялся порядок наследования имущества, она принимала головное решение о многих сделках. Это было следствием, в первую очередь, матриархальной традиции социальной организации родовых племен, позволяло русской женщине в данный исторический период времени демонстрировать дух самостоятельности.

В данном ряду ценностей – Род, Мать, Семейный лад – вырисовывалась значимость *дитяти*, рождение которого олицетворяло саму жизнь. Наиболее четко эта ценность представлена в религиозном обряде древних славян – коляде. Празднование коляды в зимнее время, когда солнце возобновляет свою деятельность, означало в мифическом сознании плодотворную силу новорожденного младенца – смысл и высокое назначение семьи. Поэтому многодетность объяснялась не только необходимостью экономического благополучия, но и связывалась с продолжением семейного рода.

Существо култов древних славян было обусловлено природой. Природа олицетворяла «великий храм жизни», наполняя сознание

древнерусской семьи соответствующими духовными смыслами (И. Е. Забелин). Подтверждение тому – доминирующее положение в славянской мифологии трех языческих божеств: Стрибога – божества неба, воздуха и ветра, Дажьбога – солнца и живительной силы, Перелюта – почвы, корней растения, в своей совокупности составляющих мировое целое⁵. Они утверждали в русском народе и семье ценность самой *природы*, ее *богатств* как источника житнетворения. Традиции воспитания запрещали те действия, которые нарушали гармонию мироздания, фиксируемые в многочисленных запретах, тем самым учили почитанию родной природы, чуткости и состраданию.

Стремление человека отделить свой индивидуальный мир от космического пространства нашло воплощение в жилищах. Еще И.Е. Забелин писал, что словом «*семейный*» обозначался частный смысл жизни, который навсегда остался в быту человечества как естественный, физиологический закон жизни.

Индивидуальное жилище древних славян стало символизировать такое понятие, как *дом*, которое имело ценностное значение в духовно-нравственной атмосфере семьи. В представлении древних славян Дом нес в себе признак кровно-родственной локальности. Дом – выразитель духовного родства, эмоциональной поддержки, взаимной привязанности и солидарности, понимания и переживания. Он – источник зарождения таких нравственных качеств, как теплота, доброта, сердечность, дружелюбие по отношению друг к другу. В данном смысле слова дом выступал синонимом Родины – малой родины. Это обстоятельство объясняет наполнение охранительной символикой внешнего убранства дома, регламентирующее, с одной стороны, его охранительную функцию, с другой – необходимость его защиты со стороны домочадцев.

Обособление древнего славянина в рамках семьи шло также в процессе его трудовой деятельности и в соответствии с природным окружением.

Труд признавался главным условием существования семьи: трудящийся был достоин пропитания. Как первоначальный результат исторической адаптации великоросса к окружающей природной среде – ведение домашнего хозяйства. В основании всей организации хозяйственной семейной жизни был труд земледельческий. *Земля* и связанное с ней понятие о *хлебе* символизировали благополучие и достаток в доме.

⁵ Культ богов был официально учрежден князем Владимиром в 980 г.

В тяжелых природно-климатических условиях вырабатывалось отношение к труду как нравственной привычке и нравственному подвигу: оно было связано с упорной борьбой за освоение земельных угодий: «то была молчаливая черная работа над внешней природой, над лесом и диким полем» (В. О. Ключевский). В этой «черной работе» и формировалась привычка к непосильному, повседневному труду.

Вся жизнь древних славян была трудовым действием. Веками вырабатывались незыблемый ритм и нормы труда, которым неукоснительно следовали, – согласование отдельных этапов трудового процесса, режим дня, начало и завершение сезонных работ. Трудолюбие становилось национальной чертой, утверждая в духовно-нравственном воспитании потребность трудиться, о чем повествует достаточно большое количество русских пословиц, прославляющих добросовестность в труде.

Природные особенности русского климата и ландшафта придавали специфический оттенок воспитанию трудолюбия. Труд носил аритмический характер как следствие кратковременности страдной поры, приучая работать быстро, лихорадочно, с чрезмерным кратковременным напряжением сил. Суровый, неустойчивый климат требовал локализации физических сил как условия выживания, к которым не был способен ни один народ Европы. Отсюда – ориентация на настойчивость, старательность для достижения результата, что нашло отражение в русской народной пословице: «Капля камень точит».

Подготовка к труду определялась не только суммой приемов и навыков ведения земледелия. Всякий опыт включал наблюдение над природными явлениями. Так, В.О. Ключевский писал: «По самому свойству края каждый угол его, каждая местность задавали поселенцу трудную хозяйственную загадку: где бы здесь ни основался поселенец, ему прежде всего нужно было изучить свое место, все его условия, чтобы высмотреть угодье, разработка которого могла бы быть наиболее прибыльна» [78]. Формулировка стройной системы кратких изречений по поводу природных закономерностей провозглашала наблюдательность как важное качество трудового человека.

С трудом связывалась такая ценность в духовно-нравственном воспитании, как *здоровье*. Простудные заболевания редко поражали русского, приученного к долгой работе при постоянных переменах воздуха и температуры. Элементы гиперболизации богатырей в былинах воплощали представления об их работоспособности, выносливости и силе.

Символом здоровья признавалась вода. В народной поэзии описывается языческий обряд плескания как пожелание здоровья создающейся семье. Этот обряд долгое время замещал церковную форму бракосочетания.

С водой были связаны все навыки гигиены, которые поддерживались в древнерусской семье, по выражению Г. В. Вернадского, «здравым смыслом и народной традицией». Обычай «добровольному подвержению пытке хлестанья прутьями раскаленное тело с последующим обливанием студеной водой» приводила в изумление иноземцев, заставляя признавать крепость русского духа [20, с. 330].

Русская семья всю систему ценностей воспитания выстраивала в соответствии с природной действительностью, осмысление которой обожествлялось во всем ее многообразии. В духовно-нравственном воспитании получают осмысление такие ценности, как *вера, добро, надежда и красота*.

Природное окружение породило такую ценность духовного мира русской семьи, как *вера* – естественный поиск смысла жизни. Вера – первичная сила человеческой жизни, не что иное, как «ведущее тяготение человека» (И.А. Ильин), определяющее ценностные ориентации его жизни. Отсюда – зарождение мифологии и преданий, обрядов и обычаев, которые определяли жизненные идеалы древнерусской семьи. Вера в идеал позволяла выносить тяжести реальности.

Поиск смысла жизни, приятие веры происходили в постоянном сравнении добра (одухотворенная любовь) и зла (слепая сила ненависти). Культ упырей и берегинь олицетворял два противоположных начала – враждебное человеку и оберегающее его. На этом противостоянии выстраивались представления о нравственных антиподах в процессе воспитания в русской семье: трудолюбие – лень, терпение – неусидчивость, храбрость – трусость, бережливость – расточительность, искренность – лицемерие, правдивость – лживость, стыдливость – распутство, милосердие – жестокость, вежливость – грубость, великодушные – скупость, товарищество – эгоизм, выдержанность – раздражительность и др.

Со светлыми божествами славянин всегда чувствовал свое родство: боги становились добрыми семьянинами. Поэтому ценность *добра* превалировала в духовном мире русской семьи, на основе которого определялась степень нравственности поступков людей.

Добро в понимании славянина неразрывно было связано с оптимистической верой в торжество над силами зла, зарождая *надежду* в

возможности приближения к идеалам добра. Необходимым обстоятельством языческой культуры выступали праздники с песней, пляской, шутками и хороводами как проявление жизнерадостности. Подлинная действительность данного явления нашла выражение в известном изречении князя Владимира: «Руси есть веселие пити, не можем без того быти». Оптимистический взгляд в светлый завтрашний день зародил особую черту русского народа – терпение, связанное с трудовой деятельностью: «Терпение и труд все перетрут».

В языческом понимании каждый образ природы был предметом удивления, изумления и восхищения. Это поистине была эпоха *красоты* природы! Природа была поэтическим вдохновением и художественным воплощением красоты в вещественном мире русской семьи, то, что, доставляя чувственное наслаждение, завершало полноту и мощь жизни. Художественное восприятие особенностей красоты (лепоты) окружающего мира обусловило зарождение и качественное отличие тех или иных ремесел. Древнерусская семья стремилась к красоте внешнего и внутреннего убранства дома. Декоративное оформление способствовало не только смягчению «загрубелых понятий язычества», но и была мерой отражения и развития эстетических чувств (И. Е. Забелин).

Итак, культура Древней славянской Руси – важнейшая ступень в становлении ценностей воспитания в русской семье, дающая представление о значении кровного родства, отца, матери, дитяти, доме, семейного лада, природных богатств, труда, здоровья, красоты, веры, добра и надежды. Эти ценности несли первичное осмысление русской семьей доминант духовно-нравственного воспитания; именно в Древней Руси были заложены основы для формирования системы духовно-нравственных ценностей семейного воспитания.

2.2. Осмысление духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период христианизации Древней Руси (990 – 1240 гг.)

Дальнейшее развитие самобытной традиции духовно-нравственного воспитания было связано с периодом **христианизации Древней Руси (990-е гг. – 1240 гг.)**, наполняло новыми духовными смыслами систему ценностей воспитания в русской семье.

Выражением сущности единства Бога и человека выступало понятие *добра* и его высшее проявление – *благо*. Вера в Бога как Добро

(Благо) и путь к нему через Добро (Благо) определяли духовно-нравственное движение к Богу. Поэтому интерпретация всех главных ценностей через категорию «Добро» позволила признать новую веру на Руси как веру добротолубивую, отвечающую всем принципам православия.

Православная вера, вбирая в себя прежние оптимистические взгляды на жизнь, обогащала представление о ценностях воспитания в русской семье, формируя при этом понимание родительского долга и обязанностей. В этом отношении отметим «Поучения детям» выдающегося государственного деятеля Владимира Мономаха (1117 г.). В его толковании добро выступает в значении доброжелательности. Его призыв – душу держать ввысь посредством добра – подразумевал следующие сентенции для детей: не забывать убогих, больных, сильным не давать власти над слабыми и др. [110, с. 165, 167].

С позиции добра – добротоделания для себя и других Владимир Мономах раскрывает значение труда: «Добро творя, не ленитесь ни на что хорошее». Труд – высшее мерило богоугодности человека – основа деятельности, поставленная в организацию жизненного устройства. Деятельностная сущность человека приносит удовлетворенность собой, сплачивает людей, рождая идею общепольности дела. Понятие добра наполняет и ценностное значение дома, обосновывая обязательность гостеприимства: принимать гостя стало символом доброго расположения духа. Хотя высказывание Владимира Мономаха: «Больше других чтите гостя, откуда бы он к нам ни пришел» – содержит и образовательный характер «гостыбы», так как заезжий путник считался знающим человеком, приносящим просветительское начало.

Под влиянием начинающей формироваться особой области церковного права, регулирующей семейные отношения, сама семейная жизнь стала определяться взглядами церкви как жизнь «добротолубивая». Необходимо отметить, что на территории русского государства под воздействием Православной грековосточной церкви и Грекоримского брачно-семейного законодательства начинает действовать Номоканон – собрание византийского семейного права, состоящее из Канонических правил и светских постановлений византийских императоров, и создание определенных юридических положений для членов семьи. Одновременно в X – XI вв. появляются собственные правовые акты, связанные с постановлением русских князей и касающиеся вопросов регулирования брачно-семейных отношений. Наиболее значимыми из них представляются уставы Владимира Святославо-

вича и Ярослава Владимировича. Русский перевод с этими дополнениями получил название Кормчей книги, дошедшей до нас с многочисленными переизданиями. Несмотря на то, что данные акты носили светский характер, дела о семье передавались ведению церковного суда, который рассматривал вопросы, связанные как с отношениями между родителями, так и с отношениями между родителями и детьми. Он утверждал духовные завещания, разбирал преступления против нравственности.

Основу семьи по церковному праву составлял брак. Брак, в понимании церкви, – это и естественный, и нравственный союз. В браке каждая сторона должна проявлять лучшие свои качества. Именно в браке мужчина должен вести себя так, чтобы быть достойным уважения, а женщина – сохранять целомудрие. Если цель супружества – единство духовного, то условие успешности брака – нравственная неиспорченность. Счастливый брак налагает на каждого из супругов определенные обязанности. Муж и жена равны в своем достоинстве, однако на отца налагалась большая ответственность за состояние семьи.

По церковному праву брак – духовный союз – стал освящаться узами любви, правовой основой которого выступало «непринужденное согласие». Однако в Древней Руси непринужденное согласие оставалось лишь декларацией. Поэтому можно заключить: несмотря на то, что мотивы любви к ближнему имеют место в литературе (Владимир Мономах: «жену свою любите, но не давайте ей власти над собой»), ее ценностный смысл не находил должного отражения в практике духовно-нравственного воспитания.

В эпоху принятия и распространения христианства происходит осмысление понятия *Родины* – Святой Руси. Согласно исследованиям И. А. Ильина, период 990–1240 гг. – период относительного спокойствия. Главный залог благополучия Святой Руси в это время виделся в утверждении ее силы: «Святослав барсом скакал по этим местам, разнося славу и страх Русского имени» (И. Е. Забелин) [48, с. 199]. Не случайно в философско-политическом трактате «Слово о законе и благодати» первого русского митрополита Иллариона Киевского звучало обращение к мужеству, храбрости, которые позволяют сохранить и приумножить величие страны: «Мужеством же и храбрством в странах многах и крепостию поминаются ныне и словут».

Ценность Родины, гордость за ее богатства глубоко анализировались Владимиром Мономахом в «Поучениях». Пройдя школу отваги и выносливости в молодости, он заостряет внимание на развитии таких

нравственных качеств, как смелость, героизм и бесстрашие: «смерти ведь, дитя, не боясь, ни войны, ни зверя, дело исполняйте мужское».

В ценностном мире русской семьи закрепляются и такие понятия, как природа, красота, дитя, мать, появляется новое – *целомудрие*.

Период христианизации Древней Руси характеризуется неоднозначным отношением к ребенку. С одной стороны, распространение в русской иконописи изображения детей со строгим лицом как маленького взрослого, применение физической расправы, закреплённой законодательно в Кормчей книге, – свидетельство жесткого с ними обращения. С другой – идеал многодетности, использование термина «наказание» в значении дать наказ-поучение, сам факт возникновения наставлений к детям говорит в пользу признания и поддержания ценности дитяти.

Образ матери воспевался в исторических балладах на примере княгини Ольги. Восхваление ее материнской мудрости⁶, остроумия, доброты, ума и нрава, любви к детям находит подтверждение во многих древнерусских литературных памятниках. Необходимо отметить, что почти до XIV в. держалась на Руси традиция давать многим детям не «отчества», а «материнства». Эта отличительная черта древнерусских семейных отношений рассматривалась как одна из форм проявления уважения к матери.

В свете православной веры образ матери – Пресвятой Богородицы – с Предвечным младенцем в руках становится воплощением красоты Святой женственности. «Женское начало в Боге как сосредоточение света стало олицетворением чистоты души, скромности и стыдливости», – пишет С. Н. Булгаков [16, с. 253–276]. Эти нравственные качества, как охраняющие функции организма, закрепляются в духовно-нравственном воспитании в русской семье, зарождавая понятие о *целомудрии*.

Итак, период православного христианства на Руси обозначил следующие духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье: добро и связанное с ним понятие о добротолюбии, добротоделании; Родина и приумножение ее богатств, гордость за ее достижения, смелость, мужество, героизм; брак как признание духовной ответственности друг перед другом; целомудрие и нравственная чистота души, скромность; мать и мудрость матери, доброта нрава, любовь к детям; дом и гостеприимство, доброжелательность дома.

⁶ Так, материнскую мудрость В. С. Соловьев расценивает как «способность женщины целесообразного приложения своих умственных сил к предметам наиболее достойным».

2.3. Содержание духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период монгольской эпохи (1241 – середина XV в.)

Духовно-нравственная атмосфера русского общества XIII (1241 г.) – середина XV в. обуславливалась реалиями монголо-татарского нашествия. К этому времени страна столкнулась с труднейшей проблемой самосохранения и выживания. «Отечество наше, – писал Н. М. Карамзин, – более походило на темный лес, чем государство» [71, с. 148]. Ситуацию усугубляла неустойчивость государственных начал Московского княжества. Вследствие распада Киевской Руси произошло перемещение центра русской политической жизни и культуры на северо-восток. Однако социально-экономический упадок имел, по мнению Н. М. Карамзина, «несомнительные благотворительные следствия».

Прежде всего, утверждалась святость русской земли, своей Родины: «Мы выучились низким хитростям, ... прибегли к строгости, неизвестной древним россиянам, ... но не лишились любви к Отечеству, как стране Православия», – повествует Н. М. Карамзин. Это был в полной мере героический период, художественным отражением которого явилось величие древнего эпоса.

В период монголо-татарского ига отмечается заметное увеличение количества богатырских сказаний (именуемым в древности «богатырское слово»), которые несли в себе многие отзвуки исторической действительности (битва на реке Калке, нашествие Батыя и др.). Образ былинных богатырей – заступников русской земли – воспринимался моделью гражданского поведения, в которой воплощались представления о могуществе Святой Руси. «Неслыханное душевное потрясение» воспитало сильные стороны русского характера: неистощимое терпение, способность вынести самый низкий уровень жизни и при этом не падать духом. Патриотизм и отвага богатырей служили примером воспитания. В их поступках находили лучшие духовные качества, веру в торжество справедливости, силу русского духа.

Эта сила проявилась во внутреннем единении народа, которое исходило из необходимости сохранения национальной независимости. Это было то внутреннее единение, которое сглаживало противоположные образы жизни бедных и богатых, «чья натура становилась одна – русская» (Н. И. Костомаров) [86, с. 85] (разрядка наша. – Л.В.).

С позиции внутреннего единения русского народа система ценностей семейного воспитания дополнялась понятием *соборность* (братское единство по благодати Божьей), рассматриваемой как солидарная ответственность за сохранение нравственного здоровья перед Богом. Из такого «мирочувствования» берут свои корни отзывчивость, милосердие, эмпатический дар сопереживать и принимать близко к сердцу беды других. Соборным характером «дышит» в русском языке понятие «сострадание».

В этом отношении наиболее поучительными в русской семье становились Жития святых – произведения религиозного характера, содержащие историческую информацию. Так, на примере «Жития Сергия Радонежского» его забота об убогих и странниках расценивалась как патриотическая школа милосердия и терпимости: «... чувство дружного братства, духовной крепости вдохнул Сергей в русское общество» (В. О. Ключевский) [79, с. 317].

Итак, период монголо-татарского нашествия нес в себе осмысление таких позитивных духовных ценностей воспитания в русской семье, как Родина, соборность и связанные с ними понятия патриотизма, милосердия, сопереживания, терпимости, сострадания и отзывчивости.

2.4. Обогащение духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период Московской великокняжеской Руси (середина XV – XVII в.)

Следующий исторический этап – **Московская великокняжеская Русь (середина XV–XVII в.)** – был обусловлен отстаиванием иосифлянством⁷ теории централизованной единодержавной власти государя с опорой на православие.

После монгольского нашествия и разорения Киева роль центра восточнославянской государственности постепенно переходит к Москве. Созревшая идея особой миссии новой столицы Руси привела к появлению в начале XIV в. доктрины «Москва – третий Рим», согласно которой два Рима пали (поскольку они отошли от православной веры), Москва – третий Рим (представляет собой сосредоточение всего

⁷ Иосифлянство – идеология московской централизации, получившей свое название от основателя движения Иосифа Волоцкого (1439–1515 гг.), в миру Ивана Санина. Московский государь, заявлял Иосиф, лишь «естьством» подобен человеку, «властью же сана, яко от Бога»; оттого ему должны подчиняться все христиане, в том числе и духовные [60, с. 89].

христианского мира), четвертому — не бывать. Обоснование этой доктрины шло по разным направлениям, вплоть до сочинения легендарных родословных⁸. Иван Грозный считал себя потомком римского императора Августина (что было отражено в ряде его посланий и в сочинении «Духовное завешание своим любимым чадам»), он же первый венчался царем («царь» — сокращенное наименование титула «цезарь») по особому чину, составленному митрополитом Макарием. Резиденция правителей России — Московский Кремль — сознательно и целенаправленно с помощью итальянских зодчих была к тому времени превращена в величественный державный ансамбль, стоящий на одном из семи холмов, подобно римскому Капитолию.

Идея императорского величия связывалась, прежде всего, с ответственностью, самопожертвованием, долгом, которые прочно закрепились в русском характере. В единодержавии виделся главный залог единства и силы государства, его территориальной целостности. Понятие «*держава*» стало олицетворением мощи и силы государственного устройства. В свете этой задачи осмысливалось и укрепление христианской веры, которое должно было содействовать консолидации страны.

Усиленное влияние христианства, с одной стороны, и параллельное создание национального государства, с другой, обусловили интенсивный процесс складывания семейного быта. Утверждение выдающегося мыслителя и публициста И. С. Пересветова «не мощно царю без грозы царства держати» — постепенно вводило в русскую семью сильную власть главы дома, провозглашая ценность *отца-государя*, патриарха. По В. И. Далю, значение патриарха определялось как маскитого и уважаемого главы семейства [39, с. 24].

Достоверные факты значения понятия «патриарх» в русской семье дает памятник первой половины XVI в. Домострой, написанный священником Сильвестром и посвященный упорядочению семейной жизни

⁸ «Степенная книга царского родословия» митрополита Макария (1481–1563 гг.), последователя Иосифа Волоцкого. Цель данного крупнейшего литературного памятника XVI в. — историческое обоснование политики объединения русских земель в единое централизованное государство, возвеличивание института единодержавия. Вся история России излагалась в форме княжеских житий, каждое из которых представлялось в виде восходящих ступеней. Так, Владимир Святославович и Владимир Мономах названы царями. От них эта высокая титулатура переносится на московских государей: Иван III и Василий V — «государи и самодержавцы вся Руси», а Иван IV — «боговенчанный царь», «самодержавный государь».

ни – домостроительству. Данное произведение выразило тенденцию развития православных семейных ценностей, построенных на принципах единодержавия отцовской власти.

Социальный статус господства главы семейства в Домострое определялся его обязанностью «обеспечить дом экономически и устроить его обитателей нравственно». Отец нес за всех великую нравственную ответственность перед Богом. На этом наказе построена вся нравственная практическая философия русской семьи последующих эпох. Поэтому державность патриарха была основана на вере в законность и священность его власти⁹, что ориентировало всех домочадцев на послушание и покорность.

Роль отца усиливалась законодательно. Несмотря на то, что введение юридического элемента в личные отношения членов семьи представлялось большей частью не достигающим цели ввиду их «психологической неуловимости» для постороннего вмешательства, семейное право по Соборному уложению 1649 г. устанавливало беспрекословную власть мужа (Гл. 10 “О суде“, ст. 176) [157, с. 207].

Необходимо пояснить читателю, что в середине XVI в. была предпринята попытка создать свод всех юридических норм в области семейных отношений, получивших заверченный характер в Соборном уложении. Нововведениями, зафиксированными в законе, были: установление официального статуса жены по занимаемому социальному положению в обществе мужа, местожительство жены определялось местожительством мужа (Гл. 10, ст. 176, ст. 177) [Там же].

С точки зрения экономического и нравственного благополучия дома переосмыслению подвергаются такие понятия, как семейный лад и труд.

Семейный лад – гармония – строится на жестком соподчинении с разграничением между членами семей хозяйственных функций: забота о благосостоянии дома – обязанность отца-государя, знание домашней работы и рукоделия – жены, их общая забота – воспитание детей. В. О. Ключевский, называя Домострой программой древнерусского обучения и воспитания, пишет, что все здесь было обдуманно, испытано, выдержано, размерено, каждое слово логически определено и нравственно взвешено, каждый поступок предусмотрен [77, с. 228].

⁹ В сознании русского народа понятие «родительская власть» связывалось не столько с интересами родителей, сколько с интересами государства: «в родительской власти отражен характер власти государственной» [49, с. 269, 277].

Подобная организация семейного лада создавала такую нравственную атмосферу, которая позволяла ребенку впитывать в себя понятие о ценности семьи.

Вопросы семейного лада актуализировались крупнейшим общественным деятелем XVII в. Симеоном Полоцким (1629 – 1680 гг.)¹⁰ в «Наказании чадам», «Обеде» и «Вечере душевной». В соподчиненности домочадцев просветитель видел главное условие семейного лада, обеспечивающее достойное воспитание детей: отец должен быть в доме как солнце, мать как луна, чада как звезды [132, с. 345].

Значение труда расценивалось следующим образом. Основным ориентиром экономического состояния семьи становится *нестяжательство*, обоснованное Нилом Сорским (1433 – 1508 гг.)¹¹ как разумность достатка: «лишнего не бери, карман не дери, души не губи». Понятие же «достатка» связывалось с повседневным трудом и личными заслугами. Именно отсюда берет начало русская недоверчивость к быстро растущему капиталу: лучше ум копить, чем богатство лукавое. С нестяжательством в Домострое стали согласовываться бережливость и экономность, которые позволяли обеспечивать прожиточный минимум в случае материальной нестабильности семьи.

Одновременно с этим труд в Домострое стал приобретать так называемый «характер научной организации», особенности которого определялись вплоть до мелочей: как мыть, сушить, стирать и тому подобное. Источником такого направления труда можно назвать духовное завещание своим детям Ивана Грозного, где подробно очерчивались правила ведения домашнего хозяйства, все то, что должно создавать красоту и уют дома.

Особо хотелось бы отметить, что в данный исторический промежуток времени одним из направлений в воспитании детей (в первую очередь, дворянских) являлось соблюдение норм этикета. В начале XVIII в. в Петербурге вышел сборник под названием «Юности честное зеркало, или Показания к житейскому обхождению, собранное от разных авторов повелением Его Величества государя Петра Великого». Он состоял из двух частей: первая содержала таблицу слогов, цифр и религиозные наставления, вторая – правила поведения «молодому отроку». Обратим внимание на ст. 14 «Како младый отроки должен по-

¹⁰ В миру Самуил Емельянович Ситнианович–Петровский.

¹¹ Великий старец, выдвинувший лозунг религиозного и духовного обновления. Происходил из боярского рода Майковых, принял постриг в Кирилло-Белозерском монастыре.

ступать, когда оныи в беседе с другим сидит» и приведем дословно текст, поскольку считаем его содержание не только интересным для читателя, но и поучительным:

«Когда прилучится тебе с другими за столом сидеть, то содержи себя в порядке по всему правилу:

В первых, обрежь свои ногти, да не явится, якобы оные бархатом обшитые. Умой руки и сяди благочинно, сяди прямо и не хватай первый в блюдо, не жри как свиния и не дуй в ушное (суп. – *Л.В.*), чтобы везде брызгало, не сопи, когда ешь. Первый не пей, будь воздержен и избегай пьянства; Пий и яждь (ешь. – *Л.В.*), когда тебе потребно... Когда что тебе предложат, то возьми часть из того, прочее отдай другому и возблаговари его. Руки твои да не лежат долго на тарелке, ногами везде не мотай, когда тебе пить, не утирай губ рукою, но полотенцем, и не пей, пока еще пищи не проглотил. Не облизывай перстов и не грызи костей, но обрежь ножом. Зубов ножом не чисти, но зубочисткою, и одною рукою прикрой рот, когда зубы чистишь; хлеба приложи к грудям не режь, ешь, что пред тобою лежит, а инде не хватай. ... над ествою не чавкай, как свиния, а головы не чеши; не проглотя куска, не говори, ибо так делают крестьяне. Часто чихать, сморкать и кашлять непригоже. Когда яси яйцо, отрежь напередь хлеба и смотри, притом не вытекло, и яждь скоро. ... около своей тарелки не делай забора из костей, корок, хлеба и прочаго. Когда перестанешь ясти, возблаговари Бога, умой руки и лицо и выполощи рот» [185, с. 4–43].

В педагогических памятниках этого периода подтверждение получают такие ценности в русской семье, как мать, дитя, добро, дом, целомудрие. Однако их развитие шло противоречиво. В работах Н. И. Костомарова содержится высказывание относительно жестоких нравов семейных отношений. Автор пишет, что между родителями и детьми господствует дух рабства, насилия и страха [86, с. 139–145].

Данная позиция находит свое подтверждение и в Соборном уложении 1649 г. Признание полноты родительской власти позволяло родителям обладать правом распоряжаться свободой детей, употреблять различные меры наказания, убийство ребенка при этом не рассматривалось в качестве серьезного преступления. Так, в главе 22 «Указ за какие вины кому чинить смертная казнь и за какие вины смертию не казнить, а чинить наказание» в ст. 3 указывается, что за смерть детей к родителям применяется тюремное заключение сроком на один год и публичное покаяние у храма («и у церкви божии объявлять тот свой грех всем людям вслух»). В то же время за смерть родителей детей «казнить смертию безо всякой пощады» (гл. 22, ст. 1, 3) [157].

По мнению историка педагогики начала XX в. А. П. Медведкова, источником тому было последствие монголо-татарского ига, которое «снабдило кнутом и жезлом русское правосудие» [105, с. 9]. Однако необходимость такого рода наказания исходила из обязанности родителей отвечать за поступки детей перед Богом и государем. И этому есть свое доказательство. В конце XVIII в. в собрании законов Российской империи (далее – СЗРИ) «преступность детей» рассматривается как «плод систематического развращения их родителями», «ненадлежащего воспитания», за что они несли уголовную ответственность.

В исследовании современных ученых несколько сглаживается намеченная Н. И. Костомаровым позиция. Так, Д. С. Лихачев обращает внимание на становление именно в этот период традиции семейных торжеств (рождение и крещение ребенка), придание им особого («душевного») характера [98, с. 297]. В XV–XVII вв. к деторождению высказывалось особое отношение, прославление светочности и величия ребенка, мягкое понимание его неразумности. Подтверждение тому – текст Домостроя, весь пронизанный обращением к чаду. Забота о его воспитании, вскармливании, выхаживание, ограждение от заболеваний – предмет особых размышлений.

Красной нитью в Домострое проходит тема матери и материнской педагогики. Мать выступает регулятором эмоциональных отношений. Тема «сокрушения ребер» и «наложения ран» относилась только к отцу, матери запрещалось поднимать руку на ребенка. Нравственные постулаты – любовь к детям, мудрость, терпение – отражали ценностное значение понятия «мать». Данная мысль находит отражение в трактате «Гражданство обычаев детских» Епифания Славинецкого. Перечисленные мотивы присутствуют и в педагогических произведениях С. Полоцкого («Наказание чадам», «Вечеря душевная»). «Счастливы супружество, не лишаемое своего плода», – пишет просветитель, объясняя далее, что бездетность отнимает бесчисленные духовные богатства. Только материнская ласка, ее добрые слова и нрав могут воспитывать человеколюбие [132, с. 344].

Таким образом, несмотря на суровые нравы Средневековья, жено- и детоненавистные мотивы отсутствуют в литературе этого периода. И у Н. И. Костомарова в его рассказе из времен XVII в. в обращении друг к другу имеются слова: «дитятко мое», «сын мой любезный», «Натальюшка, друг мой», «женушка-голубушка» [87, с. 3, 37, 38, 53].

Свидетельством относительно мягких межличностных отношений является и нравственный идеал человека – добротолубивый. Право-

славный, не совершивший при жизни добра, по афоризмам XVII в., умирает не только телом, но и душой: «Не хвались родителями, хвались добродетелями». Анализируя понятие добра, Сильвестр в своем «Благословении сыну Анфиму» сформулировал кредо православного семьянина, получившее впоследствии название «Золотое правило нравственности»: «Имей любовь нелицемерную ко всем, не делай другому, чего сам не любишь». У Е. Славинецкого призыв – возрастить юность нравами благими, поясняет суть гражданства – это «обычаев благосклонности». Гостеприимство дома тоже рассматривается с позиции добра. «Обращать гостей на добро», – поясняет Сильвестр сыну обязанность кормить прохожих.

Появляется новое видение категории любви в семейной жизни. В ее интерпретации становится значимым духовное восприятие другого. В «Обеде душевной» С. Полоцкий (вслед за апостолом Павлом) признает любовь великой добродетелью: она милосердствует, не раздражается, не мыслит зла, не радуется неправде. Любовь к ближнему расценивается как любовь нелицемерная, привязанность сердечная.

Итак, период середины XV–XVII в. дополняет положительный ценностный мир воспитания в русской семье: зарождается новая духовная ценность – держава, в связи с этим появляются понятия о нравственной ответственности отца-государя за благополучие семьи, нестяжательстве, зарождаются элементы научной организации труда. Остальные ценности, из ранее обозначенных, находят свое преемственное развитие.

2.5. Становление духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в эпоху формирования Российской империи (XVIII – первая половина XIX в.)

Следующий этап становления системы ценностей воспитания в русской семье соотносится с эпохой **формирования Российской империи XVIII – первой половины XIX в.** Этот период – период поиска России своего места в мировом пространстве – происходил, во-первых, путем усиления государственной власти, во-вторых, путем проникновения гуманистических начал в русскую общественную жизнь, в-третьих, через стремление к научному обоснованию основных сфер жизнедеятельности.

Прогрессивные начала Российского государства нашли отражение в педагогической мысли, зарождая и развивая общественно-педагогическое, позднее – научно-педагогическое движение.

Прежде всего, в семейном воспитании отстаивалась идея полезности государству и законопослушания. Принцип полезности был основным, на котором базировались все реформы Петра I. В отношении к этому обстоятельству Петр I предпринимал достаточно жесткие меры. В его указах утверждается мысль о том, что только тот человек имеет полное право на пользование благами жизни, кто служит государству¹².

Эта идея наиболее четко представлена в начале XVIII в. в трудах первого русского экономиста И. Т. Посошкова и выдающегося русского ученого, государственного деятеля, историка В. Н. Татищева; в конце XVIII в. – в трудах известного деятеля русского просвещения, журналиста, издателя Н. И. Новикова и философа, писателя, публициста А. Н. Радищева.

В педагогическом сочинении «Завещание отеческое» И. Т. Посошков благонравие – достойное обществу поведение – признавал «основанием богатства и благосостояния государства». Работа В. Н. Татищева «Духовная моему сыну» вся пронизана наставлениями быть полезным, верным государству, отдавая «честь и повиновение Власти». Н. И. Новиков в трактате «О воспитании и наставлении детей» основной целью семейного воспитания наряду с формированием счастья будущих граждан называет и их полезность. Главным качеством в отношении к Отечеству А. И. Радищев в «Беседе о том, что есть сын Отечества» признает честолюбие, добропорядочность и жертвенность.

В рамках «полезности Родине» в системе ценностей воспитания начинает зарождаться идея просвещения «для ее нужности», что могло обеспечить силу и мощь государству.

Все другие ценности русской семьи, ранее появившиеся, в XVIII в. находят свое преемственное продолжение. Так, В. Н. Татищевым достаточно подробно подвергаются осмыслению такие понятия, как дом, труд, здоровье, мать, семейный лад, добро, вера, отец-государь, нестяжательство, что нашло отражение в его труде «Духовная моему сыну». Данное сочинение можно отнести к разряду Домостроя, в ко-

¹² В 1826 г. в обязанность родителям было законодательно «вменено обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей и стараться домашним воспитанием приуготовить нравы их и содействовать видам правительства» (СЗРИ, ст. 167).

тором излагаются практически все духовно-нравственные основы семейной жизни. К подобному виду педагогических работ относится «Воспитание и наставление детям» Н. И. Новикова и «Наставления к сыну» Г. Н. Теплова, одного из участников по разработке учебных реформ при дворе Елизаветы Петровны и Екатерины II.

Отдельной темой духовно-нравственного воспитания выступают такие категории, как любовь и целомудрие. Детей уводили от преждевременных увлечений, всячески предостерегая чистоту души и тела. Раннее половое опустошение расценивалось как потеря истинной, настоящей любви, на чем основывалась твердость семейной жизни. «Ежели твой сын с девицею будет шутить, – пишет в «Завещании отеческом» И. Т. Посошков, – то ты и ребра ему сокруши!». «Тело и душу свою не оскверни, – наставляет В. Н. Татищев, – кошунство с девицами не твори». «Образованием сердец» называет воспитание любви Н. И. Новиков.

В первой трети XIX в. появляется новый мотив ценностного отношения к Родине – наличие национальной гордости в связи с Отечественной войной 1812 г., которая проявлялась в осознании принадлежности к своему народу.

Еще в конце XVIII в. Н. И. Новиков глубоко негодовал против соотечественников, «наивно-доверчиво» внедрявших судьбу своих детей в руки иностранцев. В сатирической форме восклицая, что будущую подпору государства родители доверяют «сим побродягам» (французам), призывал к сохранению национального достоинства. В начале XIX в. эти тенденции отражаются в работах профессора Благородного университетского пансиона А. А. Прокоповича-Антонского, а позднее – писателя, публициста первой половины XIX в. Н. М. Карамзина. Ученые взывали прочувствовать всю силу и красоту своего Отечества.

В первой половине XIX в. в общественном сознании начинается осмысление личного достоинства человека, самой личности как ценности. Это время было началом открытых заявлений гуманных принципов.

Уже к концу XVIII в. в законодательных актах власть отца над детьми ослабевала в той же мере, как и власть мужа над женой. С 1787 г. оскорбление родителей детьми перестало быть уголовным преступлением, стало рассматриваться как обида, подлежащая юрисдикции Совестного суда. Постепенно увеличивались имущественные права женщин (указы от 1715 и 1753 гг.) [108, с. 243–244, 252–253].

Однако заметим, что законодательные документы высоко оценивали значение родительского авторитета в воспитании детей, в связи с этим предпринимался ряд мер. По нормам семейного права дети должны «оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь, и служить им самым делом, словами же и речами отзываться об них с величайшим почтением, сносить родительские поправки и увещания без ропота» (СЗРИ ст. 41). Для «обуздания» непослушных родители могли отдавать детей в смиренные дома¹³. В случае «обличения родителей» в «преступном злоупотреблении своей власти», ведущего за собой проступки «несмышленного отрока», «родителям должно быть сделано гражданским судом, при закрытых дверях, внушение и дано наставление о более кротком обращении» (разрядка наша. – Л.В.) [49, с. 313–314].

Под влиянием демократического движения формировалось новое представление о человеке, который стал рассматриваться как индивидуальность. Данная мысль находит подтверждение в сборнике законодательных документов 1782 г. «Уставы благочиния», где рассматривается вопрос об освобождении детей «от обязанности повиноваться родителям против своей совести, особенно в том, что требует собственного рассуждения их и воли» (разрядка наша. – Л.В.) [113, с. 336].

С этих позиций в русской семье усилилось осмысление ценности дитяти, которое наиболее последовательно представлено в труде выдающегося публициста, литературного критика 30–40-х гг. XIX в. В. Г. Белинского «О воспитании детей вообще и о детских книгах». Автор настаивал на бережном отношении к ребенку, душевное состояние которого в дальнейшем определяет уровень успешности социализации в обществе¹⁴. Индивидуальным началом наполняет В. Г. Белинский и категорию любви, рассматривая ее как проникновенную доверительность.

Наполняются новым нравственным содержанием и такие ценностные категории, как мать, здоровье. Так, публицист первой половины XIX в. М. И. Михайлов отмечает огромную роль матери в деле воспи-

¹³ Смирительные дома были введены Учреждением о губерниях 1775 г., которым повелевалось строить подобные заведения для детей, ведущих «непотребную и невоздержанную жизнь и ни к чему доброму несклонным» [113, с. 330].

¹⁴ Этот вопрос нашел отражение в СЗРИ: «Долг родителей – дать детям пропитание, одежду и воспитание доброе и честное, по состоянию, довести детей до возможности жить самостоятельно» [49, с. 280].

тания «самостоятельно мыслящего человека». Правовед, педагог, автор первой педагогической энциклопедии «Словарь физического и нравственного воспитания» П. Н. Енгальчев, провозглашая здоровье основным сокровищем духа, от которого зависит успех реализации имеющегося личностного потенциала, подходит к научной разработке физического воспитания и навыков гигиены в условиях семьи.

Таким образом, эпоха XVIII – первой половины XIX в. подвергала более глубокому осмыслению ряд духовных явлений. В первую очередь, это относится к понятиям «держава» и «Родина». Утверждались в духовно-нравственном воспитании законопослушание, национальная гордость, полезность государству; ценностные категории – дитя и любовь – рассматривались с учетом индивидуального значения; в остальном поддерживались ранее утвердившиеся ценности воспитания.

2.6. Система общенациональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Проведенный выше анализ позволяет заключить, что в разные историко-культурные периоды развития России появлялись разные доминирующие ценности семейного воспитания. Повторяющиеся в разные исторические периоды доминирующие ценности воспитания становились исторически устойчивыми, преемственно развивающимися, традиционными. Это позволяет подойти к пониманию определенной системы позитивных традиционных ценностей воспитания в русской семье, сложившихся ко второй половине XIX в.

Исходным моментом выстраиваемой системы, играющим роль ее интегративного качества, является представление о семье как субъекте национальной культуры.

В качестве субъекта национальной культуры русская семья характеризуется самоценностью, и в то же время она неотрывна от общественных и государственных процессов, а также от природно-географических условий, в которых нация исторически развивалась. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи, природно-географические условия жизни и общественно-государственные основы русской семьи являются общими факторами, влиявшими на становление системы духовно-нравственного воспитания в русской семье. Их функция двоякая: с одной стороны, они выполняют роль системообразующих факторов, с другой – образуют подсистемы

(их три) внутри единой системы духовно-нравственных ценностей. Мы назовем их системными основами духовно-нравственных ценностей семейного воспитания. Элементами же системы выступают ставшие традиционными положительными духовные ценности и соотносимые с ними нравственные ценности. Ниже представляется данная система.

Таблица 1

Система позитивных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
1. Культурно-национальная и кровная самооценочность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение
	Отец	Ответственность за семью, мудрость
	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушность, единение, приноравливание
	Брак	Моральная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за друга, доверительность, жалостливость
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души

2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание природы, чуткость, сострадание, бережливость
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородности
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, настойчивость
	Хлеб	Забота об урожае
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, мужество, жертвенность, верность Родине, национальная гордость
	Держава	Законопослушание, благонравие, быть полезным государству
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие
	Вера	Уверенность
	Надежда	Оптимистичность, жизнерадостность, терпимость
	Нестыжательство	Простота, бережливость, запасливость, экономность
	Красота	Стремление к красивому и изящному

Таким образом, изучение духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в процессе историко-культурного развития России показывает, что накопление этих ценностей не было линейным (непрерывно нарастаемым по одним и тем же линиям). В разные периоды развития страны доминирующими становились разные духовные ценности и их совокупности. Лишь целостный этногенез в сфере семейной аксиологии создает картину повторяющихся в разные культурные периоды русской истории доминирующих духовных ценностей, подпадающих под характеристику традиционных духовных ценностей семейного воспитания. Они имеют конкретное содержание в виде совокупности традиционных нравственных ценностей.

На этой основе нами определена система позитивных традиционных национальных духовно-нравственных ценностей воспитания в семье.

Влияние региональных особенностей на систему общенациональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в. (по материалам Вологодской губернии)

Данная глава посвящена анализу исторического накопления духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в региональных условиях. Структура среды, в которой исторически возникла, функционировала и развивалась региональная (вологодская) семья та же, что и для общенациональной семьи (род, нация, общество, государство, природа). Однако она имеет свою содержательную специфику: особые природные, особые общественные, особые этнические проявления. Важно посмотреть, приобретала ли национальная семья в конкретных региональных условиях какой-либо особый ценностный потенциал воспитания.

Этот вопрос изучался с опорой на данные северной региональной историографии, представленные в трудах исследователей XIX – начала XX в.: известного русского историка, политического деятеля А. А. Кизеветтера (1866–1933 гг.); известного русского этнографа Г. Н. Потанина; ученого-статистика И. Ф. Штукенберга; члена Русского географического общества и Общества истории и любителей древностей А. Е. Мерцалова (1847–1906 гг.); этнографов, писателей – Ф. А. Арсеньева (1832–1889 гг.), А. Аристархова, Н. П. Брусилова, Ф. Н. Булгарина, Н. А. Иваницкого (1845–1899 гг.), П. А. Обнорского (1844–1918 гг.), И. Пушкарева, А. А. Шустикова, этнографа, археолога П. И. Савваитова (1815–1895 гг.); современных ученых-историков: Е. Н. Баклановой, П. А. Колесникова, А. И. Копанева, А. В. Камкина, Т. И. Осьминского; этнографов – И. В. Власовой, М. М. Громыко; филологов – Г. В. Судакова, Ю. И. Чайкиной; известных вологодских писателей Р. А. Балакшина, В. И. Белова. Также были использованы статьи, опубликованные в дореволюционных периодических изданиях Вологодской губернии: «Вологодских губернских ведомостях» (ВГВ), «Вологодских епархиальных ведомостях» (ВЕВ). Обращаем внимание читателей на то, что цитаты приводятся в тексте дословно с сохранением авторской пунктуации и орфографии.

Территориальные рамки исследования охватывают ареал исторического проживания русских семей Вологодской губернии следующих

уездов: Великоустюгского, Вельского, Вологодского, Грязовецкого, Кадниковского, Никольского, Сольвычегодского, Тотемского, Яренского. Проанализированы архивные материалы по Белозерскому и Устюженскому уездам, вошедшим в состав Вологодской губернии в 1937 г. (постановление ЦИК СССР от 23 сентября 1937 г.).

Считаем необходимым пояснить, что Вологодская губерния как самостоятельная административная единица образовалась в 1796 г. Предшествовало этому событию учреждение в 1780 г. из трех провинций Архангелогородской губернии – Вологодской, Архангельской, Великоустюгской – Вологодского наместничества¹⁵, в котором Вологда стала административным центром.

В 1918 г. Великоустюгский, Никольский, Сольвычегодский, Усть-Сысольский и Яренский уезды отошли к вновь возникшей Северодвинской губернии, ставшей позднее Архангельской. К 1937 г. в этой губернии остались Сольвычегодский, Усть-Сысольский и Яренский уезды, а Великоустюгский и Никольский присоединились к Вологодской¹⁶.

К началу XX в. площадь территории Вологодской губернии составляла примерно 402 112 кв. км, а численность населения – 1 493 200 человек. Располагалась губерния на севере Европейской части России и по величине уступала в Европейской России только Архангельской губернии.

Региональные особенности применительно к теме исследования нами рассматриваются в следующих аспектах: природно-географическом, социальном, этническом, выступающих в тесном переплетении.

3.1. Природно-географическая среда в становлении системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Географическая среда создавала специфические условия деятельности края. Для территории Вологодской губернии характерны суровость климата, густая сеть рек и озер, необычайные массивы лесов, болот и торфяников, своеобразный растительный и животный мир.

¹⁵ В дореволюционной России (в XVIII в.) под наместничеством понималось административное объединение из двух или трех губерний.

¹⁶ См. <http://www.rusarchives.ru/guide/voanpi/126sia.shtml#327>.

В описаниях краеведов фиксировались следующие негативные природно-климатические факторы: истребляющие посевы и порождающие болезни проливные дожди в течение всего лета, убивающие хлеба холодные ветры в сочетании с восходящей до 30 градусов в тени жарой, заболоченность почв. В то же время отмечалось, что «...здесь никогда не бывает голода», «все хозяйства в цветущем состоянии». «Деревни тут прекрасны и помещичье село Кубенское, с 375 душами, с своими отличными пашнями и садами, может быть, одно из лучших в России», – заключает И. Ф. Штукенберг [182, с. 21, 24].

Данная противоречивость находит объяснение в одном существенном замечании исследователей: хорошее состояние земледелия в суровых климатических условиях достигалось благодаря чрезвычайному трудолюбию вологодских крестьян. Надлежащее возделывание земли, которое гарантировало «необходимое рождение хлеба», требовало ее неоднократного пропахивания и бороньбы с внесением большого количества органических удобрений. Сколько трудов, сколько навозной грязи и саж, в которых крестьянин должен был выпачкаться при возке навоза, и при всем при этом земля вознаграждала земледельца очень скудно [134, с. 141]. Поэтому важнейшей ценностью в крестьянской семье выступал *труд*, который представлял как нравственный долг, нравственный подвиг, становясь духовным воспитателем подрастающего поколения.

Наряду с трудолюбием выделяли и другие характеристики трудовых качеств вологжан. Прежде всего – энергичность, «выработанная самой природой», скупой «на нетрудовые дары людям» [40, с. 239]. Даже работы вологодских иконописцев, по данным исследований доктора искусствоведения А. А. Рыбакова, отличало «энергичное вохрение красок, с сильными белильными движками написания» [143, с. 104].

Неоднократно отмечались «поражающие невероятные терпение и настойчивость» при изнемогающих физических нагрузках во время сева зерновых и уборки хлебов. Сам факт житья в суровом климате, где земля ничего не давала даром, уже говорил в пользу рабочего населения края. Нигде нравственные силы русского человека не раскрывались так ярко, как на нашем севере. Все, что щедро доставляла природа человеку в других местах, здесь должен был он брать «мужественно с боя трудного и часто неверного» П. П. Рубцов [142, с. 225].

Вызывали удивление смекалка и находчивость, к которым прибегали крестьяне для получения более высоких урожаев. Так, в Кадниковском уезде отходами от гребенного промысла (обрезки от рогов и роговые опилки и стружки) удобрялись поля, «вследствие чего урожаи получались превосходные» [5, с. 17]. Эти трудовые качества сформировали в крестьянской среде «бросающееся в глаза» в условиях сурового климата «умение жить богато» (И. Ф. Штукенберг).

Вся жизнь крестьянина была подчинена трудовой деятельности. Анализ архивных материалов помог нам выделить более 30 видов работ, в которых младшие члены семьи были заняты в домашнем хозяйстве. Девочек 10–12-летнего возраста сажали за прялки, приучали мести избу, мыть посуду, прясть пряжу и шить иголкой, а также нянчиться с младшими. Мальчиков этого же возраста – колоть дров, чинить обувь и носить из сарая корма скоту. Подростков с 12 лет приучали ко всем работам без исключения¹⁷. К 18-летнему возрасту – работать на ниве наравне со взрослыми, за исключением запашки земли, чему обучали в возрасте 20 лет и старше [190].

Неслучайно понятие «нищие» среди крестьян воспринималось как признак лени и недобросовестности. Они понимали, что оскудение крестьянина происходит, в первую очередь, от «недостатку хозяйственной попечительности. И среди златых песков¹⁸ есть нищие» [15, с. 63] (разрядка наша. – Л. В.) Их публичное осуждение имело целью «разбраковать подобную братию», которая подавала «весьма плохой пример подрастающему поколению». «Друзья-тунеядцы! – обращались к ним. – Не пора ли вам перестать есть чужой хлеб, облитый потом ближних ваших. Принимайтесь-ка за работу со всем усердием, не жалея ни плеч, ни рук, а к тому же будите свой ум-разум» [118, с. 30].

Труд в тяжелых условиях упорядочивал целый комплекс духовных и нравственных ценностей, составляющих традиционную внутрисемейную этику. В первую очередь, ценность *природы*, которая утверждала надежную и спокойную трудовую традицию. Глубокое постижение ее *богатств* позволило создать свой календарь как

¹⁷ В другом архивном документе находим, что дети «с 15-ти лет считаются вполне годными для работ наравне со взрослыми». Этот возраст считался «вступлением малолетних в совершеннолетие и обозначался тем, что они допускались к участию в общих собраниях молодежи на беседах, вечеринках, играх» [201, л. 8].

¹⁸ Так Николай Брусилов называет рачительного хозяина земли Вологодской, восхищаясь «бросающейся в глаза зажиточности крестьян, которая есть плод труда благоустроенного».

своеобразную энциклопедию народной жизни, ставшую впоследствии очагом народной культуры северных земледельцев во всех ее проявлениях.

Для крестьянской семьи земледелие было не просто занятием или средством получения доходов; отношение к *земле* представляло суть образа ее жизни. Безусловно, земля давала главное – пропитание. Каждый мужичок чувствовал, что в *хлебе* все его богатство, и поэтому всеми силами старался как можно больше посеять [54, с. 1].

Хлеб в понимании крестьянина – дар Божий за усердные труды, символ достатка, изобилия и материального благополучия. Поэтому в семье требовали особого «трепетного», почтительного и почти религиозного с ним обращения. Каравай хлеба и каждый его кусок, особенно первый, воплощали собой долю человека; считалось, что от обращения с ними зависят его сила, здоровье и удача. Не разрешалось, чтобы один человек доедал хлеб за другим – забереешь его счастье. Дашь во время еды хлеб со стола собакам – постигнет бедность. Когда падает хлебная крошка, нужно поднять ее, поцеловать и съесть или бросить в огонь.

Хлеб часто использовали в качестве оберега: клали его в колыбель к новорожденному; брали с собой, отправляясь в дорогу, чтобы он охранял в пути. Хлеб использовали и в качестве ритуального дара: брали его с собой, отправляясь свататься; с хлебом и солью встречали гостей, молодых по возвращении из церкви после венчания; везли хлеб вместе с приданым невесты. Хлебом кормили и мертвых: клали его в гроб, сыпали крошки на могилу для птиц, воплощающих души покойных.

Сочетание хлеба и соли играло роль емкого символа: хлеб выражает пожелание благополучия, соль защищает от враждебных влияний. Угощение гостя хлебом-солью устанавливало между ним и хозяином доверительные отношения.

Все стороны жизни земледельца были подчинены единому сельскохозяйственному ритму: летом вставали рано, ложились поздно, чтобы успеть убрать сено, сжать и связать в снопы хлеб; осенью молотили хлеб; зимою занимались разными промыслами: пряли лен, коноплю и овечью шерсть; весною женщины ткали для домашнего потребления холсты, сукно, а мужчины готовили орудия к весенней пахоте [216, л. 10]. Важнейшие вопросы земледельческого хозяйства были связаны с природопользованием, в основе которого лежали рациональные знания и мифологические верования.

Рациональные народные знания – накопленные эмпирическим путем метеорологические наблюдения, используемые в повседневной практической деятельности. Следуя многовековому опыту выращивания культурных растений, земледельцы стремились сохранить аграрную культуру на высоком уровне. Это достигалось путем передачи из поколения в поколение навыков сельскохозяйственной работы через выработанную систему примет, получившую название народного календаря¹⁹. Наблюдательность, доведенная до степени привычки, помогала организовывать и упорядочивать хозяйственную деятельность, определяя ее ритм и цикличность в соответствии с закономерностями атмосферных явлений: оценка внешнего вида солнца, различных фаз луны и т.п. Например, светлый круг возле луны – к морозу; в ночь на Новый год мороз – к урожаю хлебов, снег или вообще тепло – к недороду; зарница играет на небе – к урожаю хлеба; черемухи (ягод) много – к урожаю хлеба, а рябины – к недороду.

Явления природы пробуждали и чисто языческие эмоции. Мифологическое видение мира наделяло сакральными чертами многие материальные предметы. Огромное количество заговоров, поверий, заклинаний было обусловлено верой «крестьянина-волочанина», сосредоточенной на матушке-земле.

Все обрядовые действия, связанные с посевом, уборкой и жатвой урожая, носили умиловительный оттенок. Таким образом крестьяне старались «разжалобить землю бедностью». Опишем один из инте-

¹⁹ В результате многовековой истории в XIX в. в России фактически существовало три календаря. Гражданский (так называемый юлианский, происходивший из Древнего Рима и менее точный, чем используемый нами сейчас григорианский – «новый стиль»), введенный Петром I с 1 января 1700 г. Гражданский календарь исходил из выработанной европейским Новым временем концепции прямолинейного, однородного временного потока – дни этого календаря разнятся лишь числами и названиями месяцев, праздники же в большинстве своем – память о каких-либо событиях религиозной или светской истории. Церковный календарь, тесно связанный в старой России как с гражданским, так и с народным, был подчинен преимущественно нуждам сохранения предания (памяти о многочисленных, часто мало известных подвижниках и мучениках, о событиях библейской истории) и установлению ритма духовной жизни верующего человека (чередование постов и мясоедов, праздников и будней, времени работы духа и времени отдыха тела). Народный календарь исходил из задач практических, где личность отдельного человека рассматривалась как потенциальный исполнитель общественно необходимых действий. Народный календарь был самый массовый, древний и до недавних лет фактически определял основное содержание крестьянской жизни.

реснейших обрядов – «завивание пожинальной бородки», представленный в исследовании М. К. Герасимова, изучающего обычаи, обряды и поверья Череповецкого уезда.

По окончании жнивья каждый крестьянин считал долгом «завить бородку». Бородкой называли оставленный несжатый клочок овса; клочок этот сжимали рукой в одно место, скручивали посредине так, чтобы колосья свешивались на землю. Кругом этого оставленного для бородки клочка овес обжинали и клали в последний сноп, который и назывался «пожинальник». Когда заканчивалась завивка бородки, старшая из семьи должна была проговорить три раза слова: «Николь борода, коню голова, пахарю коврижка, жнеюшке папышка, а хозяевам на доброе здоровье». В то же время она трижды кувыркалась на землю около «бородки».

Весь этот обряд совершался серьезно и торжественно. Совершающая обряд становилась на это время жницею, а остальные – жнецы и жницы – в молчании окружали ее. Сноп-«пожинальник» несли домой; по дороге сламывали три прута березы и втыкали в снопик; «пожинальник» хозяйка несла под левой рукой и корешками вперед; входя в дом, не открывала сама дверь; пройдя с «пожинальником» в передний угол, крестьянин вынимал прутики, а «пожинальник» ставился в передний угол под иконы. Прутиком хлестали всех семейных и различные предметы в избе с приговором: «мухи, клопы, блохи и тараканы, убирайтесь вон, а нам хозяевам дайте покой». Затем прутики сжигали в печке, которую затопляли в это время, и готовилась яичница-«пожинальница» для угощения жнецов [30].

С принятием христианства языческие представления не исчезли. Тесно переплетаясь с православными обычаями, они представляли впоследствии особую культуру нравственно-религиозной жизни крестьянской семьи: «О посеве здешние простолюдины говорят и верят в то, что každогодно на день Алексея, человека Божия, то есть на 17 марта, прилетают жаворонки. С этим связано сохранение обычая: в Великий пост печь множество птичек с усевшимися на спинку каждой из них крошечными детенышами. Первый услышанный голос жаворонка возвещает о скорой весенней пашне: по мнению жителей он поет: «сейте, жните, бороните» [131, с. 115]

Приравнивание к природно-климатическим условиям в процессе трудовой деятельности выработало особое понятие о такой ценности, как *здоровье*. В борьбе с природой за кусок хлеба формировались работоспособность и мужественность. В крестьянском понимании здо-

ровые связывалось не столько с физической мускульной силой, уместной только в драке, сколько с выносливостью и привычкой к долго-терпению, помогающими в упорной многочасовой работе. Так, крестьяне Фетининского общества²⁰ были очень привычны к холоду, жаре, к физическому труду. Тяжелые работы, такие как косьба, сушка сена, переносились ими с удивительным терпением и настойчивостью. Но особенно удивительно было видеть на полях во время жатвы хлебных злаков жниц, покрытых с головы до ног каплями крупного пота.

Умение работать терпеливо, сосредоточенно отмечалось не только относительно сельскохозяйственного труда. Это касалось и промысловых занятий, численность которых, по архивным данным, доходила до 20 единиц: кружевничество, чулочный, деревянной посуды, плотничество (Тотемский, Вологодский, Грязовецкий уезды), кушачный, корзиночный, производство рыболовных сетей и мереж (Сольвычегодский), гребенный, гончарный, войлочный (Кадниковский), щетинный, сундучный, шкатулочное производство (Великоустюгский) и другие. К примеру, чтобы спрясть один фунт шерсти в тонкую нитку, хорошей мастерице требовалось не менее 10 дней усидчивой работы. При этом все изделия отличались аккуратной вязкой, чрезвычайной прочностью материала, в чем непосредственно виделось их достоинство по сравнению с изделиями других губерний.

Отмечая физические данные, необходимо подчеркнуть крепкое телосложение, коим обладало население Вологодского края: мужчины, при среднем росте, имели широкие плечи, здоровую грудь и крепкие мускулы. В выборе невесты, как будущей работницы, в первую очередь обращали внимание не на ее красоту («красотой мало дорожат»), а на внешние физические данные: она должна была быть здоровой и расторопной, хилых и малосильных по возможности избегали [2, с. 316].

На формирование силы, ловкости, проворности были направлены и распространенные игры и забавы юношества. К примеру, «игра в шар» для мальчиков-подростков в Никольском уезде способствовала развитию «верности глаза и силы руки»: деревянный шар бросали вверх, а играющие попадали в него влет палкой, здешние охотники-белковщики пользовались приобретаемым в этой игре навыком, охотясь на белку [134, с. 142–143]. И известные по всей губернии славные

²⁰ Вологодского уезда (прим. наше. — Л. В.).

кулачные бои, где молодежь и даже старики выходили друг против друга потешиться в досужий зимний вечерок. «На стрелке двух здешних рек»²¹, между городищем и старинным деревянным собором, устюженская молодежь скоплялась сюда в праздничные дни испробовать свою силу и ловкость. Тут-то выказывалась сила и ловкость русского удалца. Почет был равный всем и всему... соблюдалось лишь правило: «лежачего не тронь!», в противном случае нарушителю доставалось вдоволь тут же и от своих, и от чужих. Устюжна умела сберечь и самое имя месту, где потешались ее предки: оно называлось и теперь зовется: «буй на бую» [216, л. 9].

Тяжелый труд не вызывал уныния и раздраженности. В процессе многовековой борьбы с капризами сурового континентального климата вырабатывалась такая духовная ценность, как *надежда*. Природные неурядицы становились школой воспитания оптимизма, чувства юмора и веселого нрава в крестьянской семье. «В несчастье не малодушны и терпеливы, — рассказывает В. Аврамов о жителях Яренского уезда. — С удивлением можно обнаружить как человек, находящийся в беде, терпеливо борется с ней, проявляя силу воли, твердость характера, решительность, смелость и мужественность» [2, с. 272–274].

Вера в свои способности противостоять возникшим трудностям, стремление преодолевать их спокойно, с достоинством формировали в процессе многовековой борьбы со стихией важное нравственное качество личности — умение радоваться жизни. Так, в Никольском уезде очень любили музыку. Даже на поле молодые люди ходили с гармонью и часто во время жатвы, присев отдохнуть, наигрывали. После работы, обязательно переодевшись в «цветастые наряды», с веселым здоровым смехом проходились по деревне, и не верилось, что они ночью вернулись с пожни «в поте лица» [184, с. 107]. Даже новые дома в Тотемском уезде отличались «веселой наружностью» [22, с. 234].

В крестьянской семье уважением пользовались весельчаки, готовые дать остроумный ответ на любой жизненный вопрос. Активным источником воспитания этих качеств был потешный фольклор, словесные игры и загадки. Используя их в процессе игрового общения в детской среде, ребенок учился без лишнего огорчения воспринимать сложные жизненные ситуации, с юмором оценивать свое поведение. В то же время меткие афоризмы, используемые родителями, ненавязчиво воспитывали добросовестное отношение к труду: «не потопашь

²¹ Речь идет о г. Устюжне.

– не полопаешь», «работать – так ребенок, а есть – так жеребенок», «хорошо чужими руками жар загребать». Особо хочется обратить внимание на следующее мудрое изречение, которое можно признать как одно из главных жизненных ориентаций современной молодежи: «к 30 годам ума нет, к 40 – богатства, ни тому, ни другому не бывать» (разрядка наша. – Л. В.).

Трудности, связанные с достаточной обработкой земли, ее целесообразным использованием, система мер по охране почвенного земледелия, скромность материальной жизни зарождали в духовно-нравственном воспитании понимание сущности *нестяжательства*. Сама мудрая и попечительная северная природа позаботилась о формировании в крестьянской семье экономичности и замечательной бережливости, умения довольствоваться малым, тщательно сберегая все нажитое и купленное. Пользование самыми умеренными желаниями относительно своего обеспечения отразилось в одной из главных задач воспитания: «наострить» мальчиков рационально вести хозяйство для сбережения трудов [177, с. 132–133; 118, с. 30]. На сохранение разумной связи личностных потребностей с природой был ориентирован и мир усадьбы крестьянской семьи, где все было продумано до деталей, строго отвечая своему назначению. Однако при всей своей экономичности крестьяне осуждали скупость: несколько самоваров у хозяина, но они стоят неподвижно; дом огромный, а он на всю зиму всех заточил в курную избу [22, с. 268].

Хозяйственно-экономические контакты с природой оказывали воздействие на эмоционально-чувственную сферу. «Величественная картина – бесконечное море хвойного леса, теряющегося в далекой синеве, – отмечает в путевых заметках исследователь восточной части Вологодской губернии, и далее: – Невольно испытываешь восторг при виде титанических сил природы» [205, л. 12]. Следуя стройному, гармоничному миропорядку, сельский труд, словами В. И. Белова, «обзавелся своей эстетикой» [8].

В процессе труда взрослые обращали внимание на *красоту* выполненной работы. Это развивало в детях не только любовь к красивому, но и художественный вкус, чувство гордости и радости за результаты своего труда. Взаимосвязь истинной красоты и пользы выливалась в народный талант и умение. Ранее мы писали о подмеченных исследователями достоинствах изделий различных промыслов. Кроме прочности, подчеркивались их изящество и совершенство. Так, высоким мастерством отличалось популярное в Вологодской губернии плотни-

чество. Это мастерство проявлялось в декорировании окон, фасадов избы, крылец. Скульптурной резьбой украшалась крыша, на концах которой красовались деревянные птицы, коньки и др., в результате чего постройки принимали живописный вид. Резьба присутствовала и во внутреннем убранстве жилища. Ее можно было встретить на божницах, различной домашней утвари (например, на прялках). В шкатулочном производстве выделялись «искусно гнутые коробки с секретными замками. Шкатулки околачивались жестью особенною разделкою в рисунке, который у здешних мастеров назывался морозом, по сходству его с узором, образуемым морозом на оконных стеклах» [5, с. 33].

Аккуратностью и изяществом отличалось и оформление пространства вокруг дома. Обязательный атрибут у каждого домохозяина – маленький яблоневый садик – «в общем характере» придавал «живописный вид всему селению» (Ф. Арсеньев) [4, с. 31–32]. Даже в советах по благоустройству школ предлагалось, «следуя домашней обстановке», создавать «возможность хоть небольшого изящества – небольшой сад и цветничок» с целью становления детской души, «окруженной зеленеющими и тихо пошептывающими деревьями, услаждающими благорастворенным воздухом и пахучестью цветов ... более мягкой, податливой благим намерениям» [118, с. 30].

Осуществление хозяйственной деятельности в экстремальных природно-климатических условиях наложило глубокий отпечаток на становление такой ценности в семейном воспитании, как *Родина*. Лишь с помощью топора и сохи к середине XVI в. было отвоевано у леса под пашню и сенокосы около 1 млн. гектаров земли.

Родина по преимуществу воспринималась как родная земля; первоначально в исконном смысле своего происхождения от *Земли-матушки*, в дальнейшем – в смысле отношений с поколениями предков, населявших и обрабатывавших эту землю. Из такого источника происходила горячая любовь и верность родительскому краю, «в каком бы захолустье он ни находился». Россию крестьяне любили как вековую кормилицу, как мать-землю, которая давала им за труды; по их убеждению, не было богаче и сильнее земли Русской [177, с. 157]. Выросшие дети, веря в «особенно-благотворное» действие благословения умерших родителей, всегда стремились строить свое жилище на том же самом месте; если им этого сделать не удавалось по какой-либо причине, они брали горсть родительской земли и бросали под углы нового дома.

П. А. Колесников при сопоставлении перечня селений XVII в. с более ранними источниками и со списками деревень XVIII – начала XX в. отмечает определенную устойчивость сельских поселений. По его подсчетам, не менее 90% всех деревень существовали с XIV – по XIX в. [83, с. 11]. Это является бесспорным доказательством, во-первых, привязанности крестьян к своей малой родине, во-вторых, отсутствия привычки к легкому труду. Неслучайно прозвища «питеряка», «скорее насмешливого, чем похвального», удостаивались односельчане, «привыкшие к бродячей жизни». Некоторые уходили в Петербург в надежде скорого и легкого обогащения, которое, однако, в большей части им не давалось. Возвратившись на Родину, они представляли собой жалкое явление: «нелюбовно» смотрели на сельское хозяйство, поэтому для своего общества (земледельческого) составляли «несносное бремя и тягость» [2, с. 248; 177, с. 157].

С русской землей связывался и такой признак проявления патриотизма, как знание своей истории. Крестьяне были достаточно неплохо осведомлены о внешней и внутренней политике государства. Так, объяснения крестьянами политических целей и задач России были весьма разумны и близки к реальному положению дел. Народные толки поражали четким инстинктивным схватыванием существа дела, не столько осознанием государства и государственной мощи, сколько ощущением государственности и смысла государственной политики: «великого князя земли», «государя великого князя дани давати и службу служити» и др. [84, с. 62, 67].

Источником информации для населения служили деревенская интеллигенция (священники, учителя), а также слухи и вести, которые приносили прохожие, оставшиеся на ночлег, и нищие. Многие из сведений обретали мифологический характер, но степень достоверности была достаточно велика. Исторические сведения в Вологодской губернии были запечатлены в устном народном творчестве, откуда черпали вологжане силу в борьбе за единение русского государства и будущую жизнь народа.

Близкое действительности отражение событий национального и государственного масштаба было положено в основу содержания разных жанров устного творчества: исторических песен и преданий, пословиц и поговорок. Они находят отражение и в поэзии пестования. В одной из колыбельных песен обрисована жестокость монголо-татарского ига и твердое убеждение «на будущее счастье»:

*Баю-баю,
Злые татары набегали, дома-терема сжигали,
Старых стариков убивали.
Баю-баю,
Разлучили тебя, дитяtko, с родимой матушкой.
Баю-баю,
Ты расти, дитяtko, ты скачи в орду Золотую,
Вывези батюшку родного.
Баю-баю,
На святую ли Русь вывези матушку родную [18, с. 415].*

Анализ первоисточников, в которых раскрывается содержание ретроспективной социальной информации, помог зафиксировать следующее: избирательность исторических знаний, позволяющую говорить о степени важности тех или иных исторических событий в крестьянском миропонимании; группировку исторических фактов вокруг конкретных исторических деятелей, как правило, значимых государственных лиц; последовательное изложение во времени – достаточно неплохую ориентацию крестьян в историческом развитии России. Так, в XVI в. внимание привлекает фигура Ивана Грозного, в начале XVIII в. – Петра I. Широкую волну слухов дала крестьянская война 1773–1775 гг. (восстание Пугачева) и т.д.

Осведомленность крестьян проявлялась и в знании законов, которыми они пользовались при оспаривании прав на собственный земельный участок. А. В. Камкин, изучая правосознание северных крестьян, утверждает, что в обращении с апелляционными жалобами к центральной власти, например от 1847 г., отражена живая реакция на новый закон, его осознанность и признание дееспособным для улучшения своих нужд [65].

Итак, русские в процессе расселения на территории Вологодской губернии, активно адаптируясь к ее природно-географическим условиям, развивали национальные духовные и нравственные ценности семейного воспитания. Важнейшей духовной ценностью семьи в данных географических условиях выступал труд, который упорядочивал многие духовные ценности (природные богатства, здоровье, вера, надежда, нестяжательство, красота, Родина) и обогащал содержание нравственных ценностей представлениями об энергичности, невероятном терпении и настойчивости, смекалке и находчивости, умении жить в достатке, выносливости и силе воли, умении радоваться жизни,

стремлении преодолевать возникшие трудности спокойно, замечательной бережливости, умении пользоваться малым, рационально вести хозяйство, горячей любви и верности родительскому краю и др.

3.2. Социальные особенности в определении системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Сложные природно-климатические условия региона детерминировали поиски оптимальной социально-экономической организации. Такой представлялась община. В целом община была русским явлением, то есть данный тип социальной организации существовал во многих регионах России. Однако на территории Европейского Севера, в том числе Вологодской губернии, она имела свою специфику: в силу природно-климатических особенностей здесь возникла особая социальная структура крестьянства и землевладения. Остановимся на этом подробнее, так как это имеет существенное значение для нашего исследования.

Холодный климат региона в сочетании с большой протяженностью лесополосы значительно осложнили на территории Вологодской губернии классическую боярско-дворянскую эксплуатацию крестьянства. А. А. Кизеветтер, анализируя историю края, утверждает, что его население не подвергалось действию «некоторых московских порядков, которые могли бы понизить и ослабить его духовную самостоятельность». История, по мнению автора, оберегла Северный край от крепостного права [73, с. 52–53].

Отсутствие эксплуатации впоследствии определило социальную структуру крестьянства. Крепостничество имело место в Вологодской губернии, но в большинстве ее волостей носило во многом формальный характер. Непроходимые дебри, которые обрабатывались по мере необходимости в упорной борьбе с природой «свободно-явочным путем» становились по праву личной собственностью (П. А. Колесников).

После вхождения Европейского Севера в состав Московского княжества и после ликвидации новгородской боярщины здесь сформировалось особое сословие государственных крестьян – «черносошное». Так, в 1628–1648 гг. черносошные крестьяне в разных уездах губернии составляли от 65,8% до 100% от других категорий (дворцовых, монастырских и церковных, частновладельческих) [82, с. 41]. Для северного государственного крестьянина это наименование было подтвержде-

нием исконных его прав быть «черным», или *свободным*, которое отстаивалось на протяжении всего исторического развития губерний: «Не зная цепей крепостной зависимости, местное население тем свободнее вырабатывало в себе дух самостоятельной предприимчивости, уверенности в своих силах, бодрой самостоятельности» (разрядка наша. — Л. В.) [73, с. 53].

Интересные доказательства этого явления имеются в исследованиях А. И. Копанева: в крестьянском мире расхожая формула «земля царя и великого князя, а владение наше» ставила под сомнение само понимание государя в качестве конкретного собственника крестьянских наделов, а формулировка «земля божья царя и великого князя» совсем его исключала [84, с. 63]. Показательны в этом вопросе данные юридических поземельных актов XVI в., в которых зафиксированы не только функциональные термины крестьянских выражений «продал»-«купил», «заложил», «завещал», но и формулы, говорящие о необратимости сделки: обменялись землями «в век без розмену», разделили «без переделу».

Свободное обсуждение крестьянами политических и социальных тем является подтверждением признания духовной самостоятельности как важной ценностной ориентации крестьянской жизни. Признавая *державу* одной из самых важных ценностей своей жизни («беспрельно чтят Батюшку Царя и с благоговением относятся к каждому закону» [177, с. 158])²², одновременно крестьянин считал вправе самому решать, что государству нужно от него, а что нет, и «никакие государственные учреждения переубедить его были не в состоянии» [100, с. 261]. В челобитных крестьян выражалось критическое отношение к закону, к правомерности закона в отношении крестьянских нужд. Правомерными считались лишь те законы, которые не нарушали права каждого получать результаты от своих трудов, вследствие чего многие крестьянские поземельные акты признавались правительством законными.

Понятие о *свободе* и связанное с ним понятие о *достоинстве* органично входили в крестьянскую семью, способствуя развитию таких нравственных качеств, как «простота воли» — свободолюбие, умение признавать в себе и в других положительные качества. Проявление

²² Даже в причитаниях невеста первый земной поклон кладет «За Государя милостивого и за Царицу благоверную и за Его малых деток», а уж затем « за родного батюшку, за родную матушку» [25, с. 274].

этих черт вызывало у краеведов «невольное восхищение». Корреспонденту А. Аристархову было «в диковинку», когда, кланяясь и снимая шапку перед ним, первый попавшийся крестьянин смело обратился к нему со словами приветствия: «здорово, родимый», не принижая при этом интонации голоса [188, л. 1]. Внутренняя свобода чувствовалась во всем: в плавности и певучести речи, походке и жестике.

Понятие свободолюбия, личного достоинства передавалось и детям. В крестьянской семье постоянная опека над подростками отсутствовала: дети очень рано начинали пользоваться самостоятельностью. Предоставляя им право распоряжаться личным временем для собственных нужд, родители тем самым стремились воспитывать в них не только «деловитость», но и рациональность, умение спланировать свой рабочий день, за результаты которого они всегда несли ответственность.

Свобода, достоинство воспринимались, прежде всего, как деятельность, неразрывно связанная с самоорганизацией и дисциплинированностью, ощущением собственной значимости в общественном деле. Старшие члены семьи смотрели на ребенка как на работника, поэтому и ребенок рано начинал ценить свой труд, приобретая право на участие в распоряжении имуществом. «Здесь бывает скупка тряпья... парень собирает тряпье по всему дому; родители видят это, но не возражают, говоря: “надо же ему на что-нибудь купить пряников”» [134, с. 142]. Такие качества отвечали требованиям сущности самой общины. Община, представляя собой гибкий организм, способный менять свои внешние формы и приспосабливаться к различным условиям, в то же время выделялась своей неизменной внутренней сутью – она была самоуправляющимся «миром», что накладывало отпечаток на духовный мир в крестьянской семье.

Одними из главных принципов общины как социальной системы были ответственность, обязательства друг перед другом, которые соотносились с понятием *коллективизм*. Коллективные формы социализации формировались под влиянием коллективного владения землей. Совмещение понятий «община» и «земля» рождало ощущение совместного бытия, что передано в русском крестьянском содержании понятия «мир»: «Ладом да миром все одолеем», «Мир – золотая гора».

Искренняя и глубокая привязанность к общинной жизни всегда служила источником многих действий в жизни крестьян: «Они дружнее решались на известные добрые дела» [177, с. 132]. Коллективизм наиболее ярко проявлялся в «помочах» (взаимопомощи), которые ис-

пользовались повсеместно: строили ли крестьяне бараки, качели, выжигали ли известь, убирали ли хлеба. Удивительное чувство взаимопомощи было очень развито в крестьянском быту. Если хозяин для помощи в своих работах приглашал 10–25 человек, то эта работа называлась помощью, но если число позванных «на помогу» лиц не превышало 10, то в таком случае общая работа носила название «позовушка».

Корреспондент А. Малинин так описывает весь ход данного вида деятельности в Шурбовском приходе Кадниковского уезда: «Хозяин накануне отправляется вечером в соседние деревни и зазывает там в каждом доме: “Большак и большухонька, не отпустите ли ково-нибудь из семейников ко мне завтра пожать”. А те отвечают: “Ведь и своей-то работы бы много, да надо подсобить мужику; придет кто-нибудь”. Просящий благодарит и уходит в другой дом. Помощники приходят жать утром часов в 6. Помогать идут обыкновенно всяки: мужики, бабы, девки и ребята. Сам хозяин жнет вместе с ними. В 11 часов помощники идут с хозяином обедать... После обеда помощники опять отправляются вместе с хозяином жать... После работы следует угощение, которое заканчивается песнями и плясками» [197, л. 13–14].

Чувство взаимопомощи породило традиционную черту северного землепользования – «складничество»²³, которое представляет собой такое удивительное явление артельной сельскохозяйственной организации, как реакция на необходимость огромных затрат труда в условиях реальных природно-климатических условий. Следует заметить, что в «Толковом словаре» В. И. Даля слово «артельно» («людно, народно») по своему происхождению относится к Вологодской губернии [210, л. 1].

В защите совместного дела формировался дух единодушия и солидарности, который упрочивался понятием православного христианства о *соборности*: «обыкновенные качества: услужливость и вспомоществование, хлебосольство и радушие...» [2, с. 272].

Общинное владение землей, экономические и духовные обязательства друг перед другом обусловили становление таких духовных ценностей семейного воспитания, как *правда* и *равенство*.

Община черносозных крестьян выступала как общественный институт с финансовой, фискальной, правовой, административной и судебной функциями. Подобная организация обеспечивала любому

²³ Складничество – форма объединения крестьян для совместного ведения, прежде всего, сельского хозяйства.

своему члену прожиточный минимум, не позволяя даже самым немощным умереть от голода. Как изначальная справедливость, коренящаяся в экономическом равноправии по отношению к земле, она обуславливала важность таких нравственных качеств, как безмерная честность²⁴ (при выборе жениха главное его нравственное качество определялось как «честное поведение — не вор, не буян и не прелюбодей»), искренность, прямоту, верность слову; все то, что помогало развить в крестьянском миропонимании «способность чутко и разгадывать сторону добра и правды» [177, с. 132]. Нельзя согласиться с мнением Н. А. Бердяева, что честность — западноевропейский идеал²⁵. В крестьянской семье было сильно сознание того, что честность связана с честью человека, она формирует личность.

Так, корреспондент ВГВ указывает на отличительные черты всех вологжан — «простота» и «доверчивость». «Было достаточно встречному сказать три ласковых, сочувственных слова, и он искренне рассказывал всю историю своей жизни в радости и печали. В речах с кем бы то ни было не позволял себе солгать и намеренно обмануть ни в одном слове. Они высказывались коротко, спокойно и без красивых слов. Лучшей похвалой крестьянину были слова — бесхитростный и прямой душой» [25]. Причину такого поведения автор видит в следующем: «Доверчивость к сторонникам проистекает у них из уважения к человеку: мало знакомые с лукавостями и двоедушием сами они мало допускают его и в других; во всяком другом они склонны видеть себя» (!!!) (разрядка наша. — Л. В.) [25]. Неслучайно в крестьянской семье существовала нравственно-юридическая поговорка: «язык на сговор» или «что на сговору положено, тому так и быть». В связи с этим, заключение между крестьянами взаимных сделок (продажа скота в долг, заем денег и хлеба) всегда обходилось без бумаг. Скреплением и верностью их взаимному договору считалось — «помолиться на церковь и ударить по рукам» [177, с. 132].

²⁴ В военно-статистическом обозрении Российской империи по Вологодской губернии было зафиксировано: «честность сельских жителей беспримерная, и рассказы о ней могут даже казаться преувеличенными тому, кому не случалось на опыте удостовериться в их справедливости. Можно смело оставить на столе, в любой избе, свой кошелек с деньгами, никто не тронет их» [25, с. 261].

²⁵ См.: Бердяев Н. А. Судьба России. — М., 1997. — С. 289.

Совместная трудовая деятельность, коллективное владение землей подразумевали в своем идеале и понятие о *добре*, «верный зародыш которого» было необходимо «потрудиться положить» в «сердце крестьянских детей» [118, с. 30]. Такие нравственные ценности, как «добрый нрав», «доброжелательность», нам встретились в 36 первоисточниках. А. А. Рыбаков, выделяя ряд иконографических особенностей написания ликов Богоматери вологодских икон, также отмечал «дух мягкого лиризма, душевную тонкость» [143, с. 28]. С ориентацией на добро встречали в крестьянской семье возникшие трудности, с которыми справлялись совместными усилиями, вызывая трепетные и нежные, проникновенные чувства по отношению к другим.

Природа происхождения таких нравственных качеств, как честность, справедливость, искренность, прямотушие, верность слову, доброжелательность была обусловлена близким личностным характером социально-экономических контактов, что отвечало естеству самой общины как порядку особого типа. Первоначально община представляла собой локальные сообщества кровного родства, насчитывавшие от нескольких десятков до нескольких сотен. В XVI–XVII вв. на территории Вологодской губернии имело распространение гнездовое расселение: поселение семьями родственников или совладельцев целыми гнездами с последующим их именовани^{ем} по фамилии. В конце XIX в. сохранившиеся названия деревень в Никольском уезде – Корнилята, Денисята, Ермаковщина – говорят о том, что в каждой находилось одно обширное семейство. Впоследствии из-за недостатка плодородных почв гнезда разрастались, превращаясь в небольшие селения нескольких групп, а общинный характер ведения сельского хозяйства, основанный на кровном родстве, сохранился сравнительно долго.

Крестьянские семьи по своему составу были достаточно сложными по структуре, разветвленными. Так, по данным исследований Е. Н. Баклановой, в 1717 г. в Кубенской трети Вологодского уезда 61,8% составляли семьи, объединенные по принципу боковых родственных связей, 38,2% – по принципу прямых родственных. Причем, в обеих категориях распространение получали семьи из двух и трех поколений, численность которых доходила до 9 человек (81,1% и 18,9% соответственно) [6, с. 170–181].

В сложноразветвленной крестьянской семье нравственно-трудовая атмосфера порождала особую систему родства. Знание характера сельскохозяйственных работ, их дифференциация применительно к климату – все это шло от старших. Только употребление опыта пред-

шественников гарантировало поддержание материального благополучия. Отсюда – важность поддержания преемственной связи своего *кровного родства* и стремление к сохранению его многопоколенного состава. Так, «самым живым народным чувством» называли исследователи уважение к умершим родственникам. В знак признательности, благодарности к прародителям чтили семейные реликвии. У многих хранились старинные вещи и показывались «любопытным детям» со словами «это твой прадед заводил, а из этого ковша пили на свадьбе у твоей бабки» [177, с. 133].

В крестьянском лексиконе бытовала достаточно большая родственная терминология (кровная и духовная), характеризующая весь многопоколенный состав. Для обозначения родства и свойства вообще существовали слова: «родня, родные, свои, родственники, свой, родной». Родной отец, называемый детьми «бабушка» и «тетя». Родную мать – «матушка, мама». Родные брат и сестра называли друг друга «братец», «сестрица». Духовный отец – «крестный» или «божатко» Духовная мать – «крестная» или «божатко» [194, л. 6].

Содержание родственной терминологии – свидетельство сплоченности близких по крови и духу людей. Старшими, со значением рода у которых связывалась вся жизнь, с «прискорбием» воспринимался раздел родственного семейства: «это не беда, как все дети под одной шубой, а то беда как надо будет каждому по шубе». Раздел родственного семейства на части они воспринимали как потерю богатыми, зажиточными домами своего значения и достоинства.

Сложносоставная семья требовала планомерной организации хозяйственной деятельности. Отсюда и ответственность каждого члена семьи за какой-то участок дворово-хозяйственного комплекса: «муж – полтину, жена – холстину – все в одно место складут, так и хорошо живут». Так, в обязанность старших входила забота о самодостаточности семьи, младших – посильная помощь в домашнем хозяйстве. Это привело к четкой иерархии семейных отношений. Упорядоченность внутрисемейных прав и долженствований позволяла говорить о ценности *семейного лада*.

Показательно в этом вопросе содержание свадебного обряда, одним из этапов которого были смотрины места (то есть хозяйства) жениха. «Придирчиво все оглядывая», будущие родственники со стороны невесты обращали особое внимание на согласие в его семье, понимая, что нарушение отношений грозило «в будущем их дочери» экономическим и духовным неблагополучием [76, с. 373–375]. Да и в причитаниях невесты гармонии в семье отводится особое внимание:

*Ты создай, Христос,
Истинный мир, согласие великое
На чужой, доброй стороне
С чужим добрым молодцем* (разрядка наша. – Л. В.)
[25, с. 274].

Необходимо также отметить, что в крестьянской семье дети воспитывались самой жизнью. Ничто от них не скрывалось: ни слова, ни дела, ни страсти. Родители везде являлись примером для подражания: увиденное в жизни старших переносилось в детский мир, поэтому они все скоро узнавали и рано становились серьезными. Взрослые это прекрасно понимали и старались взаимоотношения в семье выстроить таким образом, чтобы не нарушить гармонии ее порядка, стать примером для будущей семейной жизни ребенка.

Схема распределения работ диктовала принятие конкретных ежедневных решений в зависимости от сезона, реальных возможностей семьи, чем занимался самый опытный, традиционно – глава дома, *отец* («большак») ²⁶. В руках домохозяина, «будто в улье у пчел», сосредоточивалась функция управления хозяйством, где его права тесно переплетались с обязанностями. Остальные «без воли его и согласия» не могли начинать новую работу или покидать дом для заработка денег на стороне, понимая, что он руководствуется интересами семьи: «выгода жить кровным в одном большом благоустроенном семействе» [177, с. 133]. Патернализм власти отца имел своим основанием сам уклад крестьянской жизни. Авторитет его власти, требующий безоговорочного послушания и исполнения указаний, сводил к минимуму в таких семьях ссоры и беспорядки. Причем авторитет домохозяина держался не на страхе, а на доверии и уважении к нему.

Традиционная трудовая упорядоченность в крестьянской семье определяла и особое положение *матери* («большухи») – хозяйки-попечительницы. На ее долю приходилось повседневное руководство домашним хозяйством: «Как нет в улье матки, так нет и порядку». Многие виды сельскохозяйственной работы мать, по выражению А. Шустикова, «это воздушное создание», выполняла не только наравне с мужчинами, но и, «не тяготясь своим положением, прилежанием

²⁶ Исследователи отмечают, что в северных губерниях, в том числе и в Вологодский, в отличие от южных, в выборе главы опирались на «ценз мускульный», а не «нервный» (имеется в виду возрастная). Представительство принадлежало самому труду, поэтому предпочтения отдавались не старикам, а самым здоровым и трудоспособным [135, с. 181].

и терпением во многом их перешеголяла» [184, с. 107]. Не случайно отношение к ней мужа было «более гуманное», «мягкое и ласковое» [там же].

Одновременно женщина-мать воспринималась олицетворением таких нравственных качеств, как мудрость и доброта. Она являлась вечной и неустанной попечительницей и защитницей своих детей. Дети лет до 12 находились под опекой матери, на которой лежала вся забота и уход за ними. Отец мало имел с ними общения, так как они ему «пока не помощники». Что касается дочерей, то «эти» до самого замужества находились под опекой матери. Мать часто заступалась за них в случае обид со стороны братьев «или даже и отца» [191, л. 7–8].

Власть матери над ребенком сводилась к ее нравственному авторитету как родительницы и воспитательницы. Неподдельная нежность, глубокая привязанность, заботливость, предупредительность матери по отношению к детям – все эти качества впоследствии характеризовали и поведение повзрослевших детей.

Крестьянской семье, основанной на труде и экономических принципах, живущей в суровых климатических условиях, было важным иметь много *детей*. Понятен смысл распространенной поговорки демографического характера «один сын – не сын, два сына – полсына, три сына – сын». Обязанность семьи – вырастить себе смену – предполагала моральную ответственность за их духовное и физическое здоровье. Однако встречаются разные точки зрения по поводу отношения к рождению детей в Вологодской губернии.

В этнографических очерках имеются данные о том, что новорожденный ребенок в семье «не производит ни особой радости, ни особых хлопот». На него смотрели как на необходимое следствие супружеской жизни и скорее встречали с неудовольствием, признавая как обузу [2, с. 307]. В то же время высказывалось мнение, что дети были предметом общего поклонения.

Желание обеспечить нормальное деторождение диктовалось естественной любовью к детям, иначе как можно объяснить, что «появление на свет ребенка во всех семьях принимается как благословение Божье», а «неплодность женщины» воспринималась как большое несчастье, считалось, что это «Бог карает родителей за грехи их или отцов». Во-вторых, родители по обычаю употребляли всю свою жизнь и все свое старание на то, как бы больше нажить имущества для детей и с прилежанием кормить и содержать их до совершеннолетнего возраста,

постепенно приучая к крестьянским работам [190, л. 7; 195 л. 27; 194, л. 45].

Подтверждение тому находим и в статье В. Аврамова, где повествуется, как с особым «удовольствием» отец в свободное время мастерит игрушки «своему чаду», а также, «понимая, что будущность сына – быть хозяином семейства, с четырех лет приучает его сидеть на коне, с семи–восемью лет боронить и возить копны сена, с двенадцати лет – пахать, косить, рубить дрова» [2, с. 309]. Свидетельствует об этом и поэзия колыбельных песен, занимающих существенное место в вологодском фольклоре. Г. Потанин, сравнивая традиции воспитания в южнорусской семье и вологодской, указывает на отсутствие родительского деспотизма в Вологодской губернии, подчеркивая, что, «напротив, здешние отцы с большей нежностью относились к своим детям». Наказывать ребенка имел право только большак («довольно редкий случай»), суровость которого не исключала заботы. Мать ввиду своей «жалостливости», никогда не поднимала рук, всячески «оберегая от дурного взгляда». Поэтому вторая позиция нам кажется более обоснованной, типичной для русской семьи Вологодской губернии.

В трудовой организации семейной жизни особое место отводилось такой ценности, как *дом*, внешнее и внутреннее убранство которого определяло домовитые качества семейства. Понятие о «благоустроенности» дома включало в себя, с одной стороны, материально-хозяйственную структуризацию, с другой – связывалось с такой духовной атмосферой, которая позволяла воспринимать его в качестве домашнего очага.

В целом по губернии исследователи отмечали стремление крестьян к чистоплотности. Например, говорили о «прехорошеньком, чистеньком» полуселе Новленском [4, с. 31–32]. К подмеченному неряшеству сами крестьяне относились с «укоризной»: «Какой у него дом! – заячий лом». Привычку к неопрятности объясняли: «Худой плотник всегда остается без работы» [116].

Отцовский дом по своей духовно-нравственной значимости находился в ряду таких понятий, как совесть, бог, добро, родина, мать, отец. Наполненный «взаимно-сочувственной жизнью», он представлял собой источник доброты, терпимости, взаимного прощения обид, уступчивости, любви и согласия, позволяя переносить самые тяжелые несчастья «как-то особенно великодушно» [177, с. 158].

Важной духовной ценностью, регулирующей близкие семейные отношения, признавалась *любовь*. Нежные чувства в крестьянской

среде были сильно развиты. Нельзя согласиться со взглядом некоторых исследователей, которые утверждали отсутствие искренности в межличностном общении в семье. В качестве доказательств можно привести тексты песен, содержание которых могло вылиться только из сердца, «преисполненного искренней любовью». Так, в обращении старика к больной жене слышится: «ты моя крепкая дума», «размысленный твой разум», «сердечная подруга» и т.д. [52, с. 57–58]. Обращает на себя внимание и множество ласкательных эпитетов: женушка-жена, жена-барыня моя, маменька, родимая матушка и др.

Народ признавал любовь серьезным чувством и нравственным качеством, не позволял над ней насмешки, что нашло отражение в поговорах: «В чужую душу попадешь, так и своей не сбережешь» или «Не смейся, братец, над чужой сестрицей: своя в девицах». Поэтому с любовью в крестьянской семье тесно связывалось и понятие о *целомудрии*. «Срамно, — пишет корреспондент ВГВ, — видеть вольность и бессовестность в обращениях молодежи между собой: как сидят друг у друга на коленях, обнявшись, или «изволят» под ручку прогуливаться. Молодые парни и девки обращаются между собой слишком вольно и чересчур не совестливо» [118, с. 9]. «Хладнокровность» отца-матери к равнодушию «разгульной жизни», по мнению автора, не только приведут к потере авторитета родительского благословения; «самое страшное» — могут способствовать разрушению в «будущности» семейного союза — *брака*, который, «по традиции дедов», должен строиться на доверии и уважении: «Что проку в дочери, когда она неделю жила с парнем. Разгульная холостая жизнь нередко просачивается и в жизнь семейную, что бывает причиною ужасных измен» [118, с. 10].

Брак в крестьянском миропонимании представлялся как главное условие семейной жизни и расценивался, прежде всего, как моральная ответственность супругов друг перед другом. К его заключению молодых людей, достигших необходимого возраста, родители подводили осознанно. Отсюда происхождение молодежных развлечений²⁷ (посиделки, хороводы, игрища), цель которых виделась в том, чтобы «высмотреть тогда себе невесту или жениха».

О многих весельях неоднократно уже писалось как в научной, так и художественной литературе. Так, посиделками называли «собрание девиц с прялками», проходящее поочередно во всех домах. Они начинались с первых чисел октября и продолжались до Рождества, когда

²⁷ Необходимо заметить, — под обязательным наблюдением родителей.

«девицы уже не пряли, а играли». Такие собрания назывались игрищами [154, с. 303].

Нам хотелось бы обратить внимание читателя на один очень любопытный обычай, распространенный в Вологодском уезде, в селе Кубенском и окрестных селениях и получивший название «*заниматься*». Приведем содержание текста дословно.

«Молодой парень *занимается* с той девушкой, на которой хочет жениться. В этом *занятии* нет ничего предосудительного, и оно продолжается до 3 лет и более. *С ведома родителей*, они делают друг другу подарки: девица ежегодно ткёт парню пояс или вышивает ему полотенце, а он ей дарит кольцо или платье. На летних гуляньях ли зимних вечеринках, *занимающийся* должен плясать или вообще играть непременно с той девицей, с которой занимается. Невыполнение сего непременно влечет к разрыву занятия. В эти занятия жених и невеста *узнают характер друг друга*. Если находят в характерах такое несходство, что полагают невозможным жить в добром согласии, то занятия их прекращаются, и это прекращение ни в чьих глазах: ни родителей, ни деревни, ни всего околотка, не считается предосудительным» (курсив П. Левитинского) [95, с. 57].

Совместная жизнь крестьян в рамках единого социального пространства – общины – породила еще одну важную духовную ценность семейного воспитания – *репутацию*, как своеобразную формулу доверия в общественном мнении, значение которой в русской семье было велико: «Береги платье новое, а имя смолоду», «Дома – как хочу, а в людях – как велют» [196, л. 2].

Репутация играла решающую роль в решении многих вопросов: при избрании на должность в организационную структуру общины; была основополагающей для получения снисхождения к провинившемуся, если он был на хорошем счету у односельчан. Односельчанина, имеющего дурную славу, называя «в семье не без урода», «вовсе не щадили и при первом удобном случае выгоняли из общества» [2, с. 283]. Какие же проступки вызывали подобное отношение к провинившемуся? Анализ первоисточников позволил выяснить очень интересные факты по этому вопросу. Так, по данным местных официальных сведений от 1858 г.²⁸, подвергнуты общественному порицанию:

«За соблазн (распутство) и дурное поведение (пьянство) – 78 мужчин, 8 женщин.

²⁸ Сведения относятся к жителям Яренского уезда.

За проступки противоличной безопасности (ссоры, драки и т.п.) – 82 мужчин, 15 женщин.

За проступки против законов о праве на имущество (кражи) – 57 мужчин, 12 женщин» [2, с. 283].

На первом месте как самый тяжелый порок называется «страсть к горячим напиткам»: «Всего один дом во всем приходе²⁹, на котором надпись “распивочно и навынос”» (разрядка наша. – Л. В.) [22, с. 305]. Такое строгое осуждение пьянства крестьяне объясняют достаточно логично: «Следствие нетрезвой жизни – бедствие, недостатки и неплатеж податей; потому что трезвый домохозяин здесь всегда может нажить копейку» [2, с. 284]. На втором месте: «парни и девки, ведущие разгульный образ жизни» (там же). На третьем – туеядство: «Удивительно, отчего не придет никому в голову, что можно научиться ремеслу (а не звать столяра, плотника с других уездов). За свою не-предприимчивость и лежебокость в течение всей зимы многие подверглись голодной смерти» [26, с. 435].

Наряду с репутацией отдельного лица, в общине формировалась и довольно устойчиво сохранялась репутация семьи, переходившая из поколения в поколение: невесту старались выбрать из «умного рода, то есть честных и трудолюбивых» [193]. Да и не только семьи, но и целых поселений: «многие местности, где девицы не дорожат своей честностью, пользуются печальной известностью: таков погост Ше-жамский, деревня Айкинская, погосты Коквицкий и Устьвымский» [2, № 32 с. 284]. Или: «дурная волость Домшинская, где скитаются и живут бродяги с видом фанатического благочестия, не утруждая себя заняться в свободное время какой-либо работой» [22, с. 57].

Итак, социальные особенности Вологодского края оказывали достаточно сильное влияние на семейное воспитание. Основным из них была община, которую необходимо рассматривать как главный фактор преемственности и развития национальных ценностей воспитания в массовой семье. Представляя особый тип общественной самоуправляемой организации, община детерминировала как значимость, так и изменения следующих духовных ценностей: кровное родство, дитя, мать, отец, брак, семейный лад, дом, любовь, целомудрие, труд, Родина, держава, добро, коллективизм, соборность, свобода, правда, равенство, репутация, достоинство. Изменения относились к содержанию нравственных ценностей, таких как деловитость, дисциплинирован-

²⁹ Речь идет об одном из приходов Тотемского уезда.

ность, самоорганизация, умение спланировать рабочий день, обязательства друг перед другом, взаимопомощь, предупредительность матери, ее жалостливость и др.

3.3. Этнические условия в формировании системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Становление Вологодской губернии начинается со времени освоения данного пространства восточными славянами. В обозначении конкретного исторического времени проникновения славян у исследователей нет единого мнения. Так, И. И. Демкин, А. А. Кизеветтер называют середину XI в. В энциклопедии Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона упускается данное обстоятельство [181]. В работах известных историков – П. А. Колесникова, Т. И. Осьминского – указывается VI в., а конец IX в. характеризуется как начало массовой «славянизации» [83, с. 22–23; 121, с. 14].

Заселение славянами территории, позднее обозначенной как Вологодская губерния, обусловило смешение славянской культуры Новгородской и Ростово-Суздальской земель, а впоследствии и Московского государства с культурой местных народов (весь, меря, чудь и др.). Об этом свидетельствует многообразие местных говоров, специфика которых создавалась еще до XVI в. [162]. Архаичное новгородское цоканье, возникшее под ростовским влиянием оканье, да и само произношение и интонация («совершенно не русская: все гласные выговариваются необыкновенно на распев»), привели к обособлению северных наречий («поражает приезжего своей странностью»), сохранивших свою индивидуальность и до настоящего времени [25, с. 259].

Словообразующие модели некоторых этнотерминов имеют сходство у русских, коми, вепсов, карел, а также обусловлены финно-угорским происхождением [176, с. 74]. Напоминанием былого родства с Новгородом служит церковь Варлаама Хутынского, носящая имя новгородского святого [7, с. 6]. Бесспорным доказательством этнического многообразия Вологодской губернии являются антропологические данные этнографов о физическом облике местных жителей. Влияние «финского компонента» проявлялось в некоторых волостях Тотемского и Грязовецкого уездов (раскосые глаза, черные волосы, смуглость, низкий рост и т.д.). Со временем эти черты сгладились, но

к славянским (русоволосость, светлоглазость) добавились угловатость и скуластость [214, л. 10–12; 215, л. 9].

Смешение этнических культур обогатило содержание духовных и нравственных категорий в семейном воспитании. Прежде всего, действовало становлению новой духовной ценности – *гражданского мира*. Необходимо выделить одну из главных особенностей жителей Вологодской губернии – «миролюбивый нрав», как результат мирного характера ассимиляционных процессов, что подтверждается данными археологии о преобладании неукрепленных поселений – погостов – в период освоения территории.

Гражданский мир как ценность способствовал формированию следующих нравственных качеств: уважения чужой самобытности, терпимости к чужим мнениям, поведению, умения ладить с другими, миролюбия, дружелюбия, незлопамятности. Так, П. Левитинский писал, что крестьяне были «нрава миролюбивого, тихого и немстительного». При совещаниях поселян, при их разговорах и даже спорах «нетерпимой вспыльчивости не замечалось». «Добродушные и вежливые», они выслушивали чужие мнения и убеждения терпеливо. В случае, когда крестьянин осознавал свою неправоту, он охотно соглашался с доводами собеседника, особенно если собеседник говорил «без брани, ясно и отчетливо» [95, с. 54 – 57].

Понятие о гражданском мире дополняло ценностное значение добра представлением о добродушии. Смысл ценности дома конкретизировался понятиями о хлебосольстве, гостеприимстве («чрезвычайном», «широком»), радушии и услужливости. Чествуя гостя «поклоном в ноги» со словами «мир вам», старались исполнить «священный долг» – накормить прохожего, обогреть его и обласкать. Подобный характер «истинного северорусского радушия» выразительно проявлялся у детей через имитацию в игре между собой знаков приветствия и дружеских отношений. Дети любили стряпать пироги из глины и «гоститься», то есть ходить друг к другу в гости и угощать этими пирогами [135, с. 172].

Этнические особенности наложили отпечаток на содержание других духовных категорий. Так, понятие труда дополняется представлением о предприимчивости («врожденной»), которая осмысливалась как «сметливость, бойкое обращение», «продуктивность» [4, с. 31–32]. По мнению И. И. Демкина, предприимчивость была унаследована вологжанами от «смелых людей – новгородцев», которые первыми стали заселять эту территорию [41, с. 5].

Понятие дома в ценностном смысле расширяется таким нравственным качеством, как излишняя привязанность вологжан к своей обители, которая послужила развитию у них «чрезмерного домоседства» [177, с. 157]. В исследовании И. В. Власовой преобладание подобной черты в характере вологжан объясняется влиянием финского племени и древней чуди, от которых они унаследовали некоторую «обособленность»: к ним не проникало ничего чужого [27, с. 16]. По наблюдению А. А. Шустикова, от древней чуди вологжане унаследовали долготерпение и твердость характера, честность «в отношении к своему брату», от новгородцев – склонность к шуткам, житейскую отзывчивость и сострадание [184].

Итак, этнические особенности русских в регионе, выражающиеся в смешении разных этнических культур, дополняли духовные ценности семейного воспитания понятием о гражданском мире. Они обогащали содержание нравственных ценностей представлением о предприимчивости, сметливости, продуктивности, домоседстве, привязанности к своей обители, радушии, услужливости, хлебосольстве, долготерпении и твердости характера, житейской отзывчивости и сострадании, добродушии.

3.4. Система региональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Ценности воспитания в русской семье Вологодской губернии отвечали, прежде всего, ее духовно-нравственным потребностям, которые развивались и веками утверждались в конкретных региональных условиях.

Региональные условия жизнедеятельности русской семьи и семейного воспитания рассматриваются в природно-географических (умеренно-континентальный холодный климат, плотность лесных массивов, густая сеть рек, заболоченность почв), социальных (община как особый тип общественной самоуправляемой организации) и этнических (смешение славянской культуры с культурой ранее заселявших данную территорию народов) особенностях.

Каждая из особенностей имеет значение для формирования и проявления содержательной специфики отдельных базовых духовных ценностей семейного воспитания (особенности природно-географической среды – для содержания таких ценностей, как труд, природные богатства, земля, хлеб, здоровье, вера, надежда, нестяжательство, кра-

сота, Родина, держава; особенности социальных условий – для содержания таких ценностей, как кровное родство, дитя, мать, отец, брак, семейный лад, дом, любовь, целомудрие, добро, коллективизм, соборность, свобода, правда, равенство, репутация, достоинство; этнические особенности – для содержания таких ценностей, как гражданский мир, труд, дом, добро).

Эти базовые духовные ценности упорядочивали другие ценности семейного мира, определяли содержательные особенности и нюансы нравственных ценностей.

Видна закономерная связь между особенностями (природные, социальные, этнические) региональных условий, их наибольшим влиянием на формирование содержательной специфики отдельных базовых духовных ценностей и зависящим от последних содержательным своеобразием других духовных и нравственных ценностей семейного воспитания. Эта связь отражает механизм возникновения системы духовно-нравственных ценностей семейного воспитания в региональных условиях.

Отразим вышесказанное в таблице, взяв за основу систему позитивных традиционных ценностей воспитания в русской семье, представленную в таблице 1 (см. § 1.2).

Таблица 2

Система позитивных традиционных национально-региональных ценностей воспитания в русской семье Вологодской губернии до второй половины XIX в.

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
I. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье, воспитание в нем чувства собственного достоинства

	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, предупредительность, жалостливость
	Отец	Ответственность за семью, забота о самодостаточности семьи, мудрость
	Дом	Теплота, гостеприимство (чрезвычайное), доброжелательность, привязанность к своей обители, соседство, хлебосольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость, опрятность, чистоплотность
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушность, единение, приравнивание, уступчивость
	Брак	Моральная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная ,привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за друга, доверительность, жалостливость, искренность
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души

2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородности, знание законов природопользования
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, невероятное терпение и настойчивость, энергичность, смекалка, находчивость, мастерство, деловитость, чувство гордости за результаты своего труда, дисциплинированность, самоорганизация, умение спланировать рабочий день, рациональность, наблюдательность, умение жить в достатке
	Хлеб	Забота об урожае, трепетное отношение к хлебу
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, мужественность, ловкость, проворность, привычка к долготерпению

3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, жертвенность, мужество, полезность Родине, горячая любовь и верность родительскому краю, знание его истории, национальная гордость
	Держава	Знание законов государства, благонравие, добропорядочность, законопослушание при относительной автономии
	Коллективизм	Ответственность, обязательства друг перед другом
	Соборность	Милосердие, сопереживание, житейская отзывчивость, сострадание
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие, добродушие
	Вера	Уверенность
	Надежда	Оптимистичность, умение радоваться жизни, остроумие, терпение, вера в свои способности противостоять трудностям, умение преодолевать трудности спокойно, с достоинством, сила воли, твердость характера в преодолении трудностей
	Нестяжательство	Простота, умеренность желаний, умение довольствоваться малым, бережливость, запасливость, экономичность, рациональность в ведении домашнего хозяйства
	Красота	Стремление к красивому и изящному
	Свобода	Свободолюбие, духовная самостоятельность, простота души, чувство собственного достоинства
	Правда	Безмерная честность, бесхитростность, прямодушие, доверчивость, совестливость, верность слову, искренность, доверительность
	Равенство	Признание и уважение прав другого, справедливость
	Репутация	Стремление к положительному мнению в обществе о себе, поддержание положительной репутации о себе, высокие требования к себе
	Достоинство	Ощущение собственной значимости в общественном деле, умение признавать в себе и в других положительные качества
	Гражданский мир	Миролюбие, дружелюбие, уважение чужой самобытности, терпимость к чужим мнениям, поведению, умение ладить с другими, немстительность, незлопамятность

Сопоставим полученную систему позитивных традиционных национально-региональных духовно-нравственных ценностей воспитания с системой позитивных традиционных национальных духовно-нравственных ценностей воспитания (таблица 1 параграф 1.2) с целью анализа их общности и специфики для выявления влияния региональных особенностей на систему ценностей воспитания в национальной семье. Результаты зафиксируем в таблице 1 (см. приложение 2), где чертой выделим отличия.

Результаты сравнительного анализа показывают наличие общих и отличительных духовно-нравственных ценностей в национальной и национально-региональной системах ценностей семейного воспитания.

Таким образом, система позитивных, устойчивых национальных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания в региональных условиях может быть охарактеризована как традиционная национально-региональная система, сложившаяся ко второй половине XIX в. Она имеет как общие, так и особые черты по отношению к традиционной общенациональной:

а) сохраняет фундаментальные традиционные общерусские духовные и нравственные ценности;

б) содержательно обогащает традиционные национальные духовные ценности (кровное родство, мать, труд, дом, дитя, земля, хлеб, здоровье, Родина, любовь);

в) дополнительно культивирует другие духовные ценности (коллективизм, свобода, правда, равноправие, достоинство, репутация, гражданский мир);

г) дополняет совокупность нравственных ценностей другими ценностными смыслами воспитания (невероятное терпение, энергичность, смекалка, деловитость, дисциплинированность, самоорганизация, умение спланировать рабочий день, умение жить в достатке, предупредительность и попечительность матери, привычка к долготерпению, привязанность к своей обители, домоводство, хлебосольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость и др.).

Возникновение особого ценностного потенциала воспитания в региональных условиях отражает историческую роль конкретного региона в накоплении традиционных национальных ценностей русского семейного воспитания.

Факторы преемственного развития духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

Период коренных социальных изменений в России – вторая половина XIX – начало XX в. – делает особо значимым изучение вопроса о том, сохранялась ли преемственность традиционного семейного воспитания в это время и насколько новые социальные обстоятельства влияли на ценностный мир воспитания в русской семье.

Для изучения этого вопроса семья рассматривается нами в структуре социальных явлений, в связи с этим применяется метод пофакторного анализа.

Для начала актуализируем социальный фон изучаемого периода.

Историческое время с 1861 по 1916 г. для России было трудным и противоречивым. Попытка правительства изменить устоявшийся образ жизни с прерогативой на модернизацию была недостаточно последовательной. Далеко не все, что намечалось ранее, получило свое воплощение в законах. Действия многих принятых законов ограничивались последующими правительственными актами. Но в целом логическое единство осуществляемых реорганизаций утверждало в стране новые ценностные приоритеты жизни.

Преобразования охватили три основные сферы: социально-экономическую (освобождение крестьян и решение аграрного вопроса), политическую (введение местного самоуправления, реформа суда и армии), культурно-образовательную (реформа школ, университетов, цензуры). Главным явлением в экономике и социальных отношениях стала отмена крепостного права, создавшая объективные условия для утверждения капиталистических отношений в России.

В первые два пореформенных десятилетия, переходные, по мнению историков, в ходе проведения крестьянской реформы 1861 г. в жизнь происходила ломка феодальных отношений в сфере сельского хозяйства, создавался механизированный транспорт и складывалась новая, характерная для капиталистической страны, социальная структура населения. В конце XIX (80-е гг.) – начале XX в. в российской экономической политике все отчетливее проявлялись новые тенденции: создание мощных производственных и финансовых объединений, которые стали занимать господствующее положение в стране. Это

обеспечивало прочные позиции России в ряду крупнейших мировых держав.

С развитием капиталистических отношений более интенсивными становятся культурные интеграционные процессы, захватившие в значительной степени провинцию. Рост экономических связей между городом и деревней способствовал расширению культурного пространства.

Капитализм объективно требовал высокого культурного уровня общества, предполагавшего качественно более глубокую образованность граждан. Отмена крепостной зависимости основной массы населения, повлекшая за собой реформы суда и местного самоуправления, увеличивала социальные возможности для демократизации образования. В России создавались предпосылки становления гражданского общества, его образовательных, правовых элементов.

Естественно, семья не могла не испытывать на себе столь резких изменений. Все изменяющиеся социальные явления начинали по-особому влиять на семью и семейное воспитание. Рассмотрение семьи в структуре рода, нации, общества, государства и природы позволяет выделить социальные факторы, оказывавшие непосредственное воздействие на семейное воспитание. В роли таковых в нашем исследовании предстают: государство, религия, научная педагогика, общественно-педагогическое движение.

В процессе пофакторного анализа социального воздействия на семью будем обращать внимание на позитивные и приоритетные духовные и нравственные ценности, исходившие от того или иного социального фактора.

4.1. Роль государства в преемственном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

В сознании русского народа во второй половине XIX в. довольно четко присутствовала государственная парадигма. Так, литературный критик и публицист второй половины XIX – начала XX в. М. Н. Катков пишет, что на рубеже 60–70 гг. «все разнородное в общем составе России, все то, что может враждовать друг с другом, сливалось в одно целое, как только заговорит чувство государственного единства» [72, с. 111].

Государственная парадигма в русскую семью проникала через законы, постановления и нормативные документы. Стремление правительства к формированию единого правового пространства утверждало полное равенство всех перед законом. Еще в начале XIX в. Александр I, буквально в первые дни своего царствования, провозгласил утверждение законности задачей своей политики. Он писал княгине Голицыной: «Закон должен быть для всех единственен. Коль скоро я себе позволю нарушить законы, кто тогда почтет за обязанность наблюдать их?» [129, с. 447]. В резолюциях Николая I, начертанных на страницах журнал Комитета министров, постоянно присутствует: «Держаться закона и никогда его не забывать».

Это было началом позитивной деятельности государства в отношении гуманистических взглядов на человека, в развитии идеи о ценности *самостоятельной и независимой личности* как признание приоритета ее прав и свободы. Законопослушание, постепенно становясь гражданской обязанностью, уравнивало в своих правах представителей разных сословий. Сущность самого права, «как равенство в должном», стала олицетворением соблюдения формально-нравственных интересов личности и ее свободы (В. С. Соловьев) [159, с. 17, 33]. В государстве, как отмечал известный писатель второй половины XIX – начала XX в. П. Д. Боборыкин, создавались условия стать равноправно мыслящей *личностью*. Для этого требовались только личные усилия и интеллектуальный труд [13, с. 52–64].

Основным следствием подобного явления стал переход от фиксированных, по рождению, характеристик человека, непосредственно заданных в практике родственных отношений, к функциональным, достигаемым им в процессе личного опыта социальных отношений. Так, в энциклопедическом словаре Ф. А. Брокгауза и И. А. Эфрона отмечается, что правовые новации изменили характер межличностных связей крестьян уже к концу 80-х гг. XIX в. Солидарность, основанная на родстве и соседстве, стала заменяться обменом услуг на законном основании, содействуя развитию отношений общественного типа или рыночных [89, с. 724–725].

Сближение в правовом положении (утрата специфических привилегий дворянства, с одной стороны, и ликвидация правовой неполноценности мещанства и крестьянства – с другой) обусловило возникновение межсословных перемещений. Наивысший уровень социальной мобильности был достигнут в конце XIX в., когда дворянство пополнялось наиболее способными и энергичными представителями духо-

венства, купечества, мещанства и крестьянства. Данное обстоятельство развивало новый взгляд на человека, самоутверждающегося в набирающей силу социальной жизни общества.

Эти аксиологические новации находят отражение в семейном праве, затрагивая «нормативную модель семьи» (А. И. Загоровский). Под семейным правом в российском законодательстве данного периода понималась совокупность юридических норм, регулирующая личные и имущественные отношения в семье [49, с. 1]. С учетом происходивших в стране изменений в содержание семейного права от 1842 г. (СЗРИ) были внесены поправки и дополнения с последующей публикацией в Полном собрании законов Российской империи (ПСЗРИ). Обратимся к анализу государственно-правового упорядочивания брачно-семейных отношений.

С подтверждением прежних и установлением новых ограничений родительской власти провозглашалось право ребенка на жизнь: «Родители не имеют права на жизнь детей, и за убийство их судятся и наказываются по уголовным законам» (ст. 164). В случае злоупотребления своими полномочиями (эксплуатация детей – принуждение к прощению милостыни, присвоение и растрата принадлежащего детям по наследству имущества, умышленное развращение нравственности, умышленное вовлечение детей в преступление и др.) родители лишались родительских прав [66, с. 138, 141–142]. Более лояльным становится закон в отношении браков между христианами разных конфессий, именуемых в дальнейшем «гражданскими» [49, с. 51–52]. Это было следствием внешне- и внутривнутриполитической деятельности России. Стремясь занять прочные позиции на мировой арене после неудачного выступления в Крымской войне 1853–1856 гг. и с завершением Русско-турецкой войны 1877–1878 гг., регулирование отношений с европейскими державами и странами Востока осуществлялось на принципах партнерства и добрососедства.

Желание правительства укрепить институт брака способствовало наполнению межличностных семейных отношений «нравственными положениями» (Г. Ф. Шершеневич) [179, с. 437]. По своему содержанию они раскрывают на законодательном уровне ценностный смысл семьи. Посмотрим, в чем же виделся правительству данный смысл.

По закону принадлежащая *отцу* власть обязывала его обеспечивать дом экономически: «он обязан доставлять пропитание и содержание по состоянию и возможности своей» (ст. 108). Роль отца, таким образом, рассматривалась как роль главного домохозяина.

Долг взаимопомощи, материальная и моральная поддержка утверждали ценность *семейного лада*: «Муж обязан любить свою жену, как собственное тело, жить с нею в согласии, уважать, защищать, извинять ее недостатки и облегчать ее немощи» (ст. 108); «Жена обязана повиноваться мужу своему, как главе семейства; пребывать к нему в любви, почтении» (ст. 109); «Дети должны оказывать родителям чистосердечное почтение, послушание, покорность и любовь; ... отзываться об них с почтением» (ст. 171).

Истинность семейных отношений признавалась только при условии религиозного или гражданского бракосочетания³⁰, что утверждало значение *брака*. Брак как форма сожительства вводил обязанность совместного проживания при любых жизненных условиях (ст. 106).

Обязанность родителей давать детям «доброе и честное воспитание» провозглашала приоритет *добра* в межличностных отношениях (ст. 166).

Само обращение в ряде статей данного закона к нравственному и физическому здоровью детей можно интерпретировать как признание правительством ценности *ребенка*: «Родители обязаны давать несовершеннолетним детям пропитание, одежду и воспитание» (ст. 166); «Они должны обращать все свое внимание на нравственное образование своих детей» (ст. 167); «По достижению детьми надлежащего возраста родители пекутся об определении сыновей в службу или в промысел, соответственно их состоянию, и об отдаче дочерей в замужество» (ст. 168). Провозглашая обязанности родителей заботиться о духовном здоровье детей, закон не определял формы и методы его формирования. В основном они повторяли церковные нравоучения о безоговорочном (неограниченном) послушании.

Почтение к памяти усопших родителей, которое «должно продолжаться и по их кончине» как обязательный ритуал, актуализировало значение *кровного родства* (ст. 171). Да и сама интерпретация рода в законодательном документе свидетельствует об осознании государственными деятелями его сущностного предназначения как символа семейной силы: «Род есть связь всех членов семьи мужского и женского пола от одного общего родоначальника происходящих, хотя бы и не все из них носили его имя или прозвание» (ст. 190).

³⁰ Еще раз подчеркнем, что под «гражданским браком» понималось законодательное урегулирование семейных отношений между христианами разных конфессий, а не сожительство без регистрации.

Интересные сведения о смысле семейных ценностей имеются в содержании статей 52 и 161. В них фиксируются следующие требования к супружеской жизни: разрешение на усыновление только чужих незаконнорожденных детей, отречение родителей от «предавшейся распутной жизни» дочери, признание распутством внебрачного сожительства, обязанность верности супругов друг другу. Все перечисленные критерии подчеркивали важность сохранения *целомудрия* в межличностных отношениях.

Взаимная верность (физическое и нравственное единение), акцентирование внимания священнослужителей на согласии брачующихся во время свадебной церемонии, подтверждение этого согласия свидетелями со стороны жениха и невесты – все это свидетельствовало о признании *любви* как главного духовного источника рождения новой семьи (ст. 108, 109).

Стимулирование нравственного воспитания как «содействие видам и нравам правительства», а также обязанность родителей обучать детей только на территории государства провозглашала ценность *Державы* и *Родины* и связанные с ними понятия о полезности, национальном достоинстве и гражданском долге: «дети должны воспитываться от 10 до 18 лет внутри России» (ст. 167).

Признание брака законным только в случае церковного бракосочетания «во всем сообразно правилам и обрядам Православной церкви» – утверждение православной *веры* в семейном воспитании (ст. 28).

Можно заключить, что унифицированные государством законы нормативной модели семьи³¹ подтверждали ранее сложившиеся ценности воспитания в русской семье. Вместе с тем, на законодательной основе появляются и иные ценностные смыслы. Так, одним из условий вступления в брак становится необходимость приобретения знаний для управления имуществом.

Исходной закономерностью модернизационных процессов в Российской империи стала хозяйственная специализация регионов с развитием новых рыночных отношений на основе товарно-денежной

³¹ К сожалению, многие семейные ценности, зафиксированные в Своде законов Российской империи, исчезли из содержания современного Семейного кодекса РФ. Нет понятия об обязанностях отца, матери, мужа, жены (да и сами эти слова заменились другими – супруги, родители), родственников по отношению друг к другу; отсутствует интерпретация рода; не обращается внимание на сохранение национальных ценностей в кругу семьи и др. Однако надо отдать должное: достаточно подробно освещены права ребенка [150].

формы труда. Это требовало установления и поддержания тех качеств, без которых невозможно было полноценное сотрудничество социальных партнеров, — наличие профессиональных знаний и предприимчивости в трудовой деятельности.

Для усиления могущества страны государство стремилось поддерживать общественный авторитет предпринимательства, осуществляя различные программы: поощрялась деятельность сельскохозяйственных и промышленных обществ, организовывались всероссийские выставки для пропаганды передовых технологий. С учреждением в 1860 г. Государственного банка появилась сеть общественных и частных банков, не существовавших ранее. С 1863 г. в периодической печати систематически публиковалась сводка о финансовом состоянии государственного бюджета, а также смета доходов и расходов, ранее расценивавшаяся как экономическая тайна. Принудительная форма труда стала осознаться как «заминка» индустриального развития, в связи с чем организовывались биржи труда с прерогативой на квалификационную направленность.

В центр внимания хозяйственной культуры внедряется «облик добропорядочного хозяина» (Б. Е. Ерасов). Установка на данный образ, способный организовать материальный мир, заставить его продуктивно работать с выгодой для себя и других, определила восхождение ценностных ориентаций семейной жизни на высокий уровень общественной значимости и престижа. Во второй половине XIX в. главной ценностью семьи становится *образование*, обеспечивающее ее социально-экономическое благополучие.

Взросшая потребность в образованных людях для государственной службы, промышленности и торговли выдвигала перед государством задачу создания единой системы народного образования посредством деятельности Министерства просвещения и финансов. Учебная реформа 1864 г., поясняет М. Н. Катков, не была случайным придатком к другим реформам, она тесно связывалась с ними, как «душа с телом» [72, с. 288].

Правительством были приняты меры по повышению в семье престижа профессионального образования.

Систематическое устройство гимназий содействовало увеличению роли научных и просветительских обществ, библиотек, читален в жизни провинциальных городов и сельской местности. Расширялись возможности семей в повышении образовательного уровня ее членов. Усиливалась регламентация правительством внешкольного образова-

ния (вечерние школы, дополнительные классы для взрослых, народные дома и др.) с последующим законодательным закреплением в июне 1863 г. Осуществлялась поддержка властью набравшей силу сети земских учебных учреждений.

Пересмотр сложившейся в стране практики профессионально-технической подготовки, как отмечает главный министр финансов конца XIX – начала XX в. С. Ю. Витте, стимулировал развитие системы коммерческого школоведения [23, с. 255]. Каким было значение данного вида учебной деятельности в семейном воспитании, объясняет П. Д. Боборыкин: «Мы подросли в уважении к идее университетской науки» [13, с. 58]. Ориентация на квалификационную направленность просветительской работы помогала осознать значимость профессиональных знаний.

Новый взгляд на положение женщины и всеобщее распространение грамотности выразился в появлении системы женского образования, поддерживаемый государством. По мнению министра просвещения Д. А. Толстого (1866–1880 гг.), Россия нуждалась в «первоначальное образование юношества» могло быть благоприятным [138, с. 373–374]. Одновременно с этим авторитет женщины в семье возрастал в той мере, в какой становился притягательным ее образ как делового партнера, «снискивающей средства к жизни собственным трудом» (СЗРИ, ст. 211).

Ясно просматривается линия: образовательная реформа со стороны государства утверждала в семье ценность образования. Однако главной характеристикой образовательной реформы можно назвать практичность.

Государственная образовательная политика была нацелена на служение отечеству с опорой на понимаемые властью национальные ценности. Аксиологическая триада – «Православие, Самодержавие, Народность», провозглашенная в 1833 г. министром народного просвещения С. С. Уваровым в качестве государственной стратегии в сфере образования³², получила свое дальнейшее развитие. Русский

³² Аксиологическая триада – это сформулированная С. С. Уваровым теория официальной народности: понятия, в котором должен заключаться залог будущей судьбы России. В этом триединстве главным элементом С. С. Уваров признавал православие: «в настоящем ее (России) виде, какая она (церковь) есть, в том виде, в каком она (империя) существует» (уточнение наше. – Л. В.) [172, с. 71].

язык был провозглашен государственным, православие – господствующей идеологией³³.

Стремление правящих кругов строить внутривластную деятельность на великодержавных принципах позволяет объяснить желание правительства в лице Министерства просвещения поддерживать воспитание детей «как будущих благонадежных деятелей страны» с обязательным преподаванием на русском языке и строгим соблюдением традиций православия во всех типах учебных заведений. Интересы самой личности в образовательной сфере при этом недооценивались. В публицистике того времени категория «образование» представлялась через понятие «гражданственность». Это определило главную задачу семейного воспитания («личную обязанность родителей»): способствовать становлению образованного подданного и содействовать тем самым защите престола и отечества [109, с. I–VIII, 89; 106, с. 45, 65, 69].

Господствующее направление школьной реформы, таким образом, укрепляло в образовательной политике монархические основы российской государственности. Значимость образования – получить образованного и образцового подданного – исходила из потребностей государства, а не личности.

Освещая вопрос влияния государства на систему ценностей воспитания в русской семье, следует отметить еще один важный момент.

В конце XIX в. в связи с общим культурным подъемом в государственной политике появляется термин «здравоохранение» – «охранение народного здравия» – как показатель осознания властью значения полноценной жизни населения [80, с. 394]. Государством предпринимались различные меры по борьбе с эпидемиями, с этой целью привлекались центральные и местные органы управления, духовенство. Появлялись новые медицинские заведения государственного и частного финансирования. Активное участие в оказании медицинской помощи принимали члены императорской семьи. Их вклад выразился в пожертвованиях на заведение больниц, а позднее – научных медицинских центров и клиник, в организации императорских благотворительных обществ, получивших статус ведомств императрицы Марии и человеколюбивого общества.

³³ Однако здесь следует сделать некоторое уточнение. В исследованиях А. В. Овчинникова отмечается тот факт, что в новом законодательном акте было закреплено право детей нехристианского вероисповедания не сдавать экзамен по Закону Божьему [117, с. 106].

Государство сохраняло за собой право главенствующего положения в организации здравоохранения, обеспечении его кадрами. Одновременно с этим возникали и внесударственные типы врачебной помощи. Прогрессивным направлением было зарождение земской медицины, ставшей первой и единственной в Европе формой общественного бесплатного медицинского обслуживания малоимущих жителей. Благодаря проведенным мероприятиям наблюдалось снижение детской смертности, особенно в сельской местности.

С целью сохранения здорового потенциала семьи физическая и психическая готовность человека закрепляются в семейном праве как одно из условий вступления в брак.

Под физической и психической готовностью понимался «возрастной стандарт вступления в брак», то есть нижний и верхний предел бракоспособного возраста. Законодательные постановления постепенно отменяли традицию ранних браков. Согласно имеющимся данным, за 1780–1870 гг. средний возраст невест вырос с 14 до 18 лет, женихов – с 16 до 20–21 [108, с. 167–174]. Русские врачи считали, что вступление в брак до 18 лет преждевременно, так как во многих случаях полное физическое созревание еще не наступало, что сказывалось на здоровье, прежде всего, женщин и детей. В законодательных актах бракоспособный возраст, понимаемый как «церковное или гражданское совершеннолетие», определялся следующим образом: для лиц мужского пола – 18, женского – 16 лет (СЗРИ, ст. 3). Государство обязывало церковь соблюдать закон и штрафовало священников, его нарушавших (СЗРИ, ст. 62).

Итак, на государственном уровне поддерживаются ранее сложившиеся традиционные ценности воспитания в русской семье. Нам не встретилось ни одной духовной и нравственной ценности из ранее сложившихся, которые бы государством этого периода отрицались. Появляются и новые ценности воспитания. Новой духовной ценностью следует считать «образование»; она содержательно повлияла на ранее сложившиеся духовные ценности, наполняя их новым нравственным содержанием: по отношению к ценности «дитя» появилась забота родителей о его образовании; «труд» дополняется понятием о предприимчивости и профессионализме; «целомудрие» – представлением о психической и физической зрелости для осознанного вступления в брак; «семейный лад» – семейной солидарностью; приоритетными нравственными качествами матери становятся просвещенность и способность быть деловым партнером; отец выступает как просве-

ценный и добропорядочный хозяин. Другой новой духовной ценностью становится «личность», с которой в семейном воспитании утверждается признание прав и самостоятельности ребенка. В целом новые духовные ценности «образование» и «личность» носят черты национально-государственной идеи, направленной на просвещение благонадежного подданного государства.

Вышесказанное отражено в таблице 3. За основу построения данной таблицы взята система положительных традиционных ценностей воспитания в русской семье, представленная ранее в таблице 1 параграфа 1.2.

Таблица 3

Приоритетные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. с позиции государства

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
1. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье, забота об образовании
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, просвещенность, деловой партнер
	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина
	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность

	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушность, единение, приравнивание, семейная солидарность
	Брак	Духовная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за друга, доверительность, жалостливость, взаимная верность (физическое и нравственное единение)
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, сострадание, чуткость
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду
	Хлеб	Забота об урожае
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, мужество, жертвенность, полезность Родине, верность ей, национальная гордость, честолюбие, знание законов государства, благонравие, благонадежность
	Держава	Добропорядочность, законопослушание как гражданская обязанность, гражданственность
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие
	Вера	Уверенность
	Надежда	Оптимистичность, жизнерадостность, терпимость

	Нестяжательство	Простота, бережливость, заправливость, экономность
	Красота	Стремление к красивому и изящному
	Личность	Признание прав человека, инициативность, самостоятельность, активное участие в жизни общества
	Образование	Образованный, благонадежный подданный

4.2. Влияние религии в преемственном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

Особое влияние на семейное воспитание в данный период оказывала религия.

По свидетельству М. Н. Каткова, «огрубление нашего церковного быта» вследствие резкого перелома гражданской жизни повлекло за собой «психическую болезнь» молодого поколения 60-х гг. – массовую эмиграцию и непристойное поведение [72, с. 311, 326]. Общественное мнение полагало, что духовенство плохо справляется со своими социальными функциями: оно неудовлетворительно исполняло свою роль учителей и религиозных проповедников, а также роль стражей общественного и семейного порядков. В связи с этим в церковной и светской печати актуализируются вопросы об ответственности религии за нравственное благополучие общества, что связывалось с необходимостью установления прочных позиций самой церкви.

Со стороны государства в пользу разрешения проблемы «вялой имитации преобразований в церкви» предпринимались решительные меры [97, с. 357]. В 1860–1870-х гг. издается ряд указов, определяющих правовой статус духовенства³⁴ как свободной профессиональной группы: ликвидация наследственного духовного статуса, открытость духовных школ для детей всех слоев населения, отмена ограничений на свободу слова и печати для духовенства и др.

³⁴ Духовенство как сословие возникло в России в XVIII в., когда его особые права (прежде всего, наследственность социального статуса, а также освобождение от прямого налога, рекрутской повинности и др.) были закреплены законодательно [108, с. 100].

Благодаря данному обстоятельству в 1878 г. в Министерстве просвещения был поднят вопрос о расширении участия духовенства в народном образовании через организацию церковно-приходских школ³⁵. Значительные капиталовложения государства на субсидирование развития и содержания, по выражению политического деятеля П. Н. Милюкова (1859–1943), «своего любимого детища»³⁶, целью которого виделось «православное учение веры и нравственности христианской наряду с сообщением первоначальных полезных знаний», позволили занять церковно-приходской школе официальное положение в просветительской деятельности Министерства просвещения [107, с. 335–337].

К концу XIX в. церковно-приходские школы становятся «опасным конкурентом» земским, что подтверждается их высоким рейтингом [107, с. 336]. Несмотря на то, что обучение в данных школах носило консервативный характер, отстаивание своего статуса в соперничестве с земской школой позволило ей «сильно подтянуться»; был улучшен преподавательский состав и само качество обучения.

Характерной чертой жизни церкви в 80–90 гг. XIX в. стало заметное расширение церковной печати при материальной поддержке государства. С 1880 г. повсеместным органом епархии стали «Епархиальные ведомости». С 1887 г. регулярно выходит ежемесячный журнал «Церковно-приходская школа». Особенностью возникших изданий было стремление «войти в каждый дом» в качестве проповедника [97, с. 374]. Такую цель ставил себе журнал «Воскресный день», рассчитанный для чтения в семье. В семье любили слушать книги церковной печати, особенно жития святых, к которым проникались всем сердцем.

В целом во второй половине XIX — начале XX в. религия оставалась уважаемой и авторитетной. А. И. Загоровский пишет, что в семейном праве признание православной веры как основополагающей закреплялось рядом постановлений: учреждение брака законным только при церковном венчании, обязательство родителей приобщать детей к православной вере, с семилетнего возраста приучать к посещению церкви и исповеданию, обучать детей благопристойному поведению в духовных заведениях. «Отступления» от данных предписаний по уставу благочиния грозило лишением родительских прав [49].

³⁵ Духовенство признавалось самым образованным сословием: каждое духовное лицо должно быть грамотным. Значительное число священнослужителей получали не только среднее, но и высшее профессиональное образование [Там же, с. 104].

³⁶ Речь идет о церковно-приходских школах.

Религия выполняла и культурно-нравственную функцию. На семейное воспитание религия влияла через церкви, воскресные и приходские школы, публицистику.

На первоначальных этапах становления капитализма она сыграла значительную роль в развитии образования в сельской местности и становлении одного из направлений *предпринимательской деятельности* – благотворительности и меценатства. В документальной повести С. Т. Морозова «Дед умер молодым» показано, что стремление передовой части русской буржуазии к активной филантропии постепенно превращалось в семейную традицию: создавались крупные библиотеки, собрания картин, основывались театры. В молодом поколении «удивительно проявлялись гены благотворительности и меценатства», с которыми в семейном воспитании утверждались такие ценности, как соборность (стремление к милосердию, сочувствию) и Родина (патриотическая верность) [111, с. 341–353].

Учитель церковно-приходской школы А. О. Кичигин связывает значение благотворительности с нестяжательством. Деятельная сила человека не должна ставить своим образцом стремление к выгоде и накоплению. В этой связи и труд у него интерпретируется как деятельное великодушие, представляя собой подвиг бескорыстности и самоотверженного служения [74, с. 314].

Другие ценности православного воспитания в русской семье находили свое развитие в наставлениях церковнослужителей, проповедников, православных философов детям. Так, в трактате «Христианское воспитание детей» 1905 г., в поучениях Митрополита Макария «Ныне много знаний, но мало воспитания» заостряется внимание родителей на следующих понятиях:

- добро, осознание которого происходит через воспитание добропорядочности;
- мать, ее нежность, доброта, заботливость, великодушие;
- отец – владыка, обязательство которого – благочестие всего дома;
- ребенок – забота о его нравственном и физическом благе;
- здоровье – строжайшее соблюдение постов как «обуздание чрева», что развивает силу, выносливость, умеренность;
- соборность – помощь неимущим, проявляющаяся в милосердии, сострадании, сочувствии;
- природа – чуткость и почитание [102; 174].

Отдельной темой выступали понятия о целомудрии и любви. В учении протоиерея В. В. Зеньковского «Беседы с юношеством о воспитании пола» говорится, что физическая чистота – ценнейшее подспорье для жизненного расцвета личности, величайшее благо для человека, источник его духовных сил и красоты [51]. «Поэзией изящной безнравственности» называет он возникший в конце XIX в. культ внебрачной связи. Задача семьи, ограждая детей от плотских увлечений, воспитывать в них скромность, стыдливость, благочестивость. С понятием целомудрия философ тесно связывал любовь, суть которой – переживание душевного подъема, готовность помочь и утешить [Там же, с. 16].

С точки зрения православной этики В. В. Зеньковским поднимаются вопросы значения семейного рода (единство кровного родства), семейного лада (чувство цельности, согласованности, соподчиненности; в семье, построенной на гармонии, расцветает духовная сторона жизни человека), дома (теплота, заботливость), ребенка (дети в семье не просто предмет заботы, они дают ей смысл существования) [Там же, с. 23–24].

Необходимо обратить внимание еще на одну ценность воспитания конца XIX в., связанную с религией, – красоту. Сам облик храма как образец гармонии, красота богослужения оказывали сильное воздействие на умы и чувства детей.

Отмечая позитивное влияние религии на систему ценностей воспитания в русской семье, следует признать, что она выступала, прежде всего, фактическим дополнением политического прагматизма государства. Она несла ответственность за «насаждение верноподданнейших чувств» [171, с. 266]. Православная вера призывала к смирению, кротости, покорности и беспредельному терпению. «Утверждение законности православной веры в учебных заведениях, – пишет обер-прокурор Святейшего синода К. П. Победоносцев, – несет правильную и благонадежную гарантию государственного строя, державности» [130, с. 47–60].

В книге И. П. Корнилова «Задачи русского просвещения» (СПб., 1902) убедительно показано отстаивание православием принципов самодержавной власти в семейном воспитании: «Всякое Русское дело – особенно воспитание детей – надо делать надежными Русскими руками». «Надежность», в понимании автора, – ценности православия, утверждающие на Руси патриархальный тип отеческого монополизма в семье и царского самодержавия. Расценивая стремление молодежи к самоутверждению через образование как «себялюбие и материализм»,

автор говорит о задачах православного родителя – направить детей в русло полезности государственному престолу [85].

Христианство, утверждает В. В. Розанов, не могло в достаточной мере ответить на самые законные требования жизни, обнаруживая свою ограниченность и в вопросах семейного воспитания [139, с. 22–23]. Подтверждение тому – текст «Христианское воспитание детей» 1905 г., в котором индивидуальность, личность ребенка заменяется его божественной сущностью, отсюда – кротость и послушание. Отстаивается точка зрения необязательности матери-христианки получать научное образование для постижения главного закона жизни – Богопознания.

В работах И. П. Корнилова находим и такие ценности воспитания православной веры, как утверждение в семье отеческого единовластия, ориентирующего домочадцев на смирение и покорность. Великой силой называет автор семейный лад, построенный только на православной солидарности. Отсюда отрицание разноречивых браков, не дающих того искреннего единодушия воспитания, которое должно скреплять и поддерживать долговечность русского народа [85].

Итак, религия в изучаемый период отстаивала свои традиционные ценности воспитания в русской семье; в связи с этим ее влияние было противоречивым. Строгий консерватизм религии не позволил ей полностью адаптироваться к новым социальным условиям, вступал в противоречие с ними по ряду позиций: в осознании ценности личности, значении просвещения матери, в отстаивании семейной солидарности, понимаемой только как православной, с вытекающими отсюда представлениями о смирении, покорности и кротости. Положительной же была защита многих устоявшихся позитивных духовных и нравственных ценностей воспитания. Для православия в этот период характерно наличие определенных нравственных приоритетов воспитания, согласованных с государственными позициями: добропорядочность отца-хозяина, гражданская позиция по отношению к Родине, благонадежность просвещенного подданного, профессиональное отношение к труду. В таком единении религии с государством по духовным и нравственным ценностям, воспринимаемым русской семьей, также следует видеть позитивную роль религии по отношению к семейному воспитанию.

Вышесказанное зафиксировано в таблице 4.

Приоритетные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. с позиции религии

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
1. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за христианское миропонимание, забота о физическом здоровье
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение
	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина
	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность
	Семейный лад	Единение, приравнивание, уважительность, почтительность, послушность, православная семейная солидарность, смирение, покорность, кротость
	Брак	Духовная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость, верность (духовное и физическое единение)
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак благочестивость,
2. Природно-географические	Природные богатства	Почитание, бережливость, сострадание, чуткость

основы русской семьи и семейного воспитания	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, настойчивость, профессиональное отношение к труду, деятельное великодушие (активная филантропия, благотворительность), бескорыстность и самоотверженность в труде
	Хлеб	Забота об урожае
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность, умеренность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, мужество, жертвенность, полезность Родине, верность ей, национальная гордость
	Держава	Благонадежность, законопослушание, благонравие, гражданственность
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие
	Вера	Уверенность
	Надежда	Оптимистичность, жизнерадостность, терпимость
	Нестыжательство	Простота, бережливость, запасливость, экономность
	Красота	Стремление к красивому и изящному
	Образование	Образованный, благонадежный подданный

4.3. Значение научной педагогики в преемственном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

Обретение Россией, по выражению М. Н. Каткова, контуров современного цивилизованного государства сопровождалось «господствующей силой науки» [72, с. 267]. Характерной чертой прогрессивной педагогики можно назвать мощный подъем научного знания, особой областью которой выступала теория воспитания. Научная педагогика предпринимала конкретные шаги по критическому переос-

мыслению реальной практики семейного воспитания. Ее инновационные идеи доносились до сознания русской семьи через съезды по семейному воспитанию, научные издания, научно-публицистическую журналистику, публичные выступления перед родительскими комитетами и кружками.

Главной особенностью научного педагогического мышления являлось целостное восприятие личности, сочетающее в себе сознательное человеколюбие и критическое мышление. Такой подход обусловил развитие со второй половины XIX в. двух научных направлений семейного воспитания: антрополого-гуманистического и культурно-антропологического.

Антрополого-гуманистическое направление своей задачей ставило разработку общечеловеческих начал домашней педагогики. В свете культурно-антропологического подхода шел поиск самобытных идеалов и практических путей их достижения. Несмотря на различия этих подходов, их соединяют антропологические идеи, которые утверждали в научной педагогике особый стиль отношения к человеку – в каждом ценить свободного гражданина и самому быть *личностью* в любой сфере деятельности. Антропологические идеи особенно ярко выразились в педагогических учениях К. Д. Ушинского.

К. Д. Ушинский не рассматривает семейный вопрос как отдельную тему, однако основательно разработанные им проблемы – антропологический принцип построения образовательного процесса и методологическое обоснование истоков духовности русского народа – затрагивают практически все ценности воспитания в русской семье. Приведем одну выдержку из его работ, посвященную значению труда в семейной жизни: «В простой крестьянской семье, где муж выбирал в жены только работницу, а она искала в нем кормильца и хозяина, вы найдете часто гораздо более и чувства, и истинной супружеской привязанности... Их соединяет труд, и он-то свято поддерживает слабую искру взаимного сочувствия и проводит ее безопасно через все ссоры ... от алтаря до гробовой доски» [169, с. 16].

Вслед за К. Д. Ушинским антропологический принцип семейного воспитания отстаивается в работах П. Ф. Лесгафта. Рассматривая личность во всем богатстве и сложности ее природного и социального содержания, он представил типологию детей, обоснованную влиянием положительных и отрицательных факторов воспитания в семье. Считаем, что читателю будет небезынтересно познакомиться с краткой

характеристикой различных типов детей и причин, обуславливающих эти различия.

Лицемерный тип. Основными характеристиками такого ребенка являются ложь во всех ее проявлениях, а также хвастовство, хитрость, отсутствие глубоких чувствований, исключительное соблюдение личной выгоды. Причины такого поведения – ложь и лицемерие со стороны старших, чисто практическое направления жизни, мелкий расчет и стремление к легкой наживе, отсутствие заботы о детях, оставленных на собственное их попечение, отсутствие условий, побуждающих ребенка к самостоятельному принятию решений.

Честолюбивый тип. Такой ребенок страстно преследует свои цели, расчетливо, эгоистично, как будто все существует только для его прославления. Он развивается вследствие постоянных похвал и восхищения достоинствами ребенка.

Добродушный тип. Тихий спокойный, внимательный. Условия, при которых развивается такой ребенок, – спокойная обстановка, любящая добрая мать, отсутствие насилия в воспитании.

Мягко-забитый тип. Холодность, апатия, отсутствие всякой любви и привязанности, равнодушие. Любая деятельность ребенка предупреждается: все для него готово, и он не возбуждается к самостоятельному распоряжению своими действиями. Честолюбивая или раздражительная мать, не терпящая никаких противоречий, старается в угоду его чувствованиям сделать ребенка умным и послушным.

Злостно-забитый тип. Характеризуется подозрительностью, резкостью и угловатостью действий, замкнутостью, сдержанной реакцией на внешние впечатления, проявлением мелкого себялюбия, резкими выходками, сменяющимися апатичностью к жизни. Причины: запрещение рассуждать, применение различных насильственных мер для понуждения и укрощения ребенка, несправедливые требования.

Угнетенный тип. Скромный, трудолюбивый и стойкий, однако чрезмерно впечатлительный, причины всех бед склонный искать только в себе. Это ребенок, воспитывающийся в материально необеспеченной семье, постоянно испытывающей нужду. Его удел – ограничивать себя до самых крайних пределов [96].

Исследования П. Ф. Лесгафта убедительно показывают взаимосвязь стиля семейного воспитания и развития ребенка. Установка родителей, благодаря которой ребенок чувствует, что его любят или не любят, принимают или не принимают в семье, относятся или не относятся к нему с уважением, порождает у него аналогичную самоуста-

новку, приводящую к ощущению собственной ценности и успешности или неполноценности.

Ратуя за гуманные отношения к ребенку, ученые призывали к исследованию его индивидуальности. Анализируя последствия педагогических ошибок взрослых – замкнутость детей, их неспособность к самостоятельному жизненному творчеству и другое, – обращали внимание на роль активности и самостоятельности в нравственном становлении личности.

С проблемой активности ребенка в прогрессивной педагогике неразрывно связывалась проблема его физического здоровья. Разрабатывалась система физического воспитания в условиях семьи, которая строилась на анатомо-физиологических, гигиенических основах с учетом половозрастных особенностей детей. При этом задача физического образования не ограничивалась укреплением организма. Так, В. М. Бехтерев доказывает, что при научно-образовательном подходе к физическому воспитанию можно влиять на умственное развитие и эстетическое мировосприятие [12].

Центральным вопросом теории семейного воспитания являлся идеал личности как результат целенаправленного влияния на нее. П. Ф. Каптерев выступал за такое «идеалосообразное» воспитание, которое подготавливает «деятельного члена современного культурного общества» [69, с. 51].

Ведущую роль в духовно-нравственном воспитании ученые отводили таким традиционным ценностным категориям, как добро, семейный лад, дом, мать, отец, вера, целомудрие, брак и др.

Исходя из характера межличностных отношений, А. Н. Острогорский считал, что семейный лад становится определяющим для нравственного выбора ребенка. Пример матери, авторитет отца, его энергичность, уверенность в себе, сила, ум, деловитость, а также взаимная доверительность и доброжелательность отца и матери, их добротолковие и добротоделание – наиболее доступные для «понимания» образцы поведения [120, с. 54].

Аналогичных взглядов придерживается И. А. Сикорский. По мнению автора, из духовного сближения матери и ребенка вырастают в дальнейшем чувство человеческой солидарности и альтруизм [152].

Достаточно много педагогических работ посвящено образу и предназначению матери. Так, Н. К. Грунский писал, что сама судьба поставила ее ближе всех к детям. Самые лучшие воспоминания человека связываются с воспоминаниями его далекого детства, если особенно

они согреты теплой материнской лаской. Материнская любовь – первый источник нравственных чувств человека. Любящая мать – самое дорогое и самое близкое для ребенка существо. Сам детский мир – это царство матери (!!!). Власть матери над «крошечным подданным» могуча и беспредельна; она держится на глубоком авторитете, данном самой природой. Поэтому, «чтобы стоять на высоте своего великого предназначения», матери необходимо быть разумной и способной воспитательницей [35, с. 53]. Что такое «разумность» в понимании педагога? Это, прежде всего, женственность – источник и эстетическая сторона воспитания. Теплота и забота со стороны матери, ее терпимость, способность к эмоциональной поддержке и сопереживанию благоприятно влияет на «становление детской души». Мать, которая позволяет себе физически наказывать ребенка, подавлять его эмоционально, формирует у ребенка искаженное представление о женщинах вообще.

П. Ф. Каптерев, В. Н. Жук в ряде работ обосновывают значимость образа жизни будущих родителей, их «телесную чистоту» для здорового продолжения своего рода [68, с. 338; 47, с. 17].

В свете «идеалосообразности» воспитания обсуждению подлежало и понятие о вере. Преобладание теологических взглядов в трудах П. Ф. Каптерева, с одной стороны, объяснялось стремлением к эталону нравственного самосовершенствования – Богу, с другой – исходило из попыток переноса идеала личности на национальные основы [67]. Еще К. Д. Ушинский связывал идеал личности с тем религиозным началом, которое определяет национальное существо человека. Изучение диалектики взаимосвязи общественного и личного позволило исследователям обосновать идею национального семейного воспитания, в основу которой было заложено понимание ценности Родины.

Воспитание в русском духе, как утверждает М. И. Демков, это, прежде всего, привитие отважности и мужественности, чувства национальной гордости и достоинства [42]. Патриотизм, гражданское самосознание – нравственные качества, необходимые верному сыну Отечества.

Теоретическое обоснование получили следующие ценности: кровное родство – знание генеалогии (В. Я. Стоюнин), природные богатства (М. И. Демков) и красота (П. Ф. Каптерев).

Ученые высоко ценили воспитательные возможности образования. По мнению П. Ф. Каптерева, нравственное и умственное развитие имеет одинаковые цели и стремления, прежде всего, когда дело каса-

ется «умственно-нравственного приложения истины к жизни». Важным является вывод педагогической науки о том, что семейное воспитание будет целенаправленным при условии осмысления всех его ценностей и сознательного отношения к ним. С этой позиции в семейной педагогике обосновывались все ценностные категории.

Достижения в области теории и практики семейного воспитания аккумулировал проходивший в декабре 1912 – январе 1913 г. первый Всероссийский съезд по семейному воспитанию, на котором обобщение опыта передовых мыслителей того времени позволило П. Ф. Каптереву озвучить «дидактику семьи» [70]. В выступлениях ученых постулировался принцип единства научности и светскости в деле семейного воспитания. С этих позиций шел поиск компромиссов в вопросах семейного воспитания между правительством, религией и общественно-педагогическим движением. Обосновывался тезис о том, что именно научное понимание проблем семейной жизни должно стать отправным элементом дальнейшего развития домашней педагогики.

Важной основой научной семейной педагогики второй половины XIX – начала XX в. признавались философско-мировоззренческие идеи, к которым обращались крупнейшие русские педагоги. Н. А. Бердяев, И. А. Ильин, В. В. Розанов, В. С. Соловьев в контексте христианско-православной антропологии провозглашали в качестве непреходящих семейных ценностей брак, веру, соборность, нестяжательство, Родину, державу, надежду, красоту. Добро, по В. С. Соловьеву, объединено с благоговением. Любовь неразрывно связывалась с целомудрием – чувственной красотой [158]. Н. А. Бердяев донжуанство расценивал как потерю цельной личности в любви: трагичность любви в ее дроблении во временном состоянии плотских утех [9, с. 225]. В. В. Розанов отмечал главное качество в русской матери – гениальность ее хозяйственной распорядительности [140, с. 622, 714]. Все философы сходились во мнении, что образ отца всегда представляет собой идеал благого хозяина, дающего питание, справедливость и разумение.

Философский анализ духовных начал семейной жизни помогал понять ценностную воспитательную функциональность русской семьи в истории России.

Итак, научная педагогика в рассматриваемый период поддерживала и сохраняла традиционные духовные и нравственные ценности семейного воспитания. Одновременно она актуализировала значимость новых духовных ценностей – образования и личности. Образование

вызывало (с точки зрения науки) новые нравственные ценности: просвещенность отца и матери, ответственность родителей за умственное развитие детей, гражданское самосознание, нравственную осознанность психической и физической готовности вступления в брак, профессиональное отношение к труду, осмысленное получение ребенком знаний; просвещенной матери предъявлялось требование хозяйственной распорядительности. Научная педагогика, исходя из сознательного (профессионального) человеколюбия, отстаивала воспитание чувства собственного достоинства, жизненной активности и самостоятельности ребенка, чувства национальной гордости и национального достоинства, отважности и мужественности, личностных идеалов. В целом научная педагогика стремилась придать семейному воспитанию сознательный и устойчивый характер.

Данная информация отражена в таблице 5.

Таблица 5

Приоритетные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. с позиции научной педагогики

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
1. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду, знание и сохранение генеалогии
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом, умственном здоровье, воспитание в нем чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самостоятельности
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, просвещенность, хозяйственная распорядительность
	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность семье, просвещенность, добропорядочность хозяина

	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушность, единение, приноравливание, семейная солидарность
	Брак	Моральная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за друга, доверительность, жалостливость, верность (нравственное и физическое единение)
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду
	Хлеб	Забота об урожае
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, мужество, жертвенность, полезность Родине, верность ей, национальная гордость
	Держава	Законопослушание, благонравие, гражданственность
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость, сознательное человеколюбие, альтруизм
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие
	Вера	Уверенность
	Надежда	Оптимистичность, терпимость, активная жизнерадостность
	Нестыжательство	Простота, бережливость, запасливость, экономность
	Красота	Стремление к красивому и изящному

	Личность	Признание прав человека, инициативность, самостоятельность, активное участие в жизни общества, личная независимость
	Образование	Образованная личность, сознательное просвещение

4.4. Воздействие общественно-педагогического движения на преемственное развитие духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

Общественно-педагогическое движение, окрепшее к концу XIX в. и обладавшее значительной самостоятельностью, отражало прогрессивные требования народной жизни.

Среди ведущих направлений общественно-педагогического движения были педагогические общества (Санкт-Петербургское педагогическое общество – с 1860 г., педагогическое общество при Московском университете – с 1893 г.) и просветительские организации (Петербургский комитет грамотности – с 1861 г., комитет грамотности при Московском обществе – с 1859 г.).

Общества и организации, плодотворно развернувшие свою деятельность с 1890-х гг., содействовали развитию различных видов образования (коммерческого, сельскохозяйственного, женского и др.). Они разрабатывали вопросы приложения педагогической теории к школьной практике (распространение в массах прогрессивных идей научной педагогики, программ самообразования), инициировали созывы ряда съездов по народному образованию.

В работе педагогических обществ и организаций принимали участие учителя, педагоги-методисты, ученые, а также прогрессивная родительская общественность. Русский деятель в области общественно-педагогического движения В. К. Чарнолуский писал, что большое число родителей было задействовано в службе отделения семейного воспитания при Московском университете, впоследствии ставшим важным центром общественной жизни. На этом отделении детально разрабатывался широкий круг вопросов педагогического просвещения родителей: изучение индивидуальности ребенка, гигиенический аспект воспитания, организация досуга с детьми дома, ошибки родителей в воспитании и др. [176, с. 52].

С конца 1890-х гг. распространение получают родительские кружки, открывавшиеся совместными усилиями педагогов, родителей и интеллигенции. Большинство из них предоставляли возможность родителям вместе с прогрессивным учительством включиться в обсуждение волновавших проблем семейного воспитания. Публицист Н. Ф. Арепьев, активно участвующий в общественно-педагогическом движении, писал, что заслугой родительских кружков стало осуществление культурно-просветительской помощи семьям в провинции; организация публичных лекций, научных докладов открывала доступ многим семьям, интересующимся педагогическими новшествами в области семейного воспитания [3, с. 5].

Одной из важных форм общественно-педагогического движения на рубеже XIX и XX вв. стали съезды учителей, инициаторами которых выступали передовые земства. Съезды, начало которым положил русский педагог, методист начального обучения Н. А. Корф, не только повышали специальную подготовку преподавателей, но и привлекали общественность к проблемам семейного воспитания. В первую очередь обсуждалась значимость *образования*, толкование которого с позиций *личностных* интересов человека ставило задачу формирования сознательности и ответственности каждого члена семьи в получении знаний.

Так, в докладе представителя общественного движения педагога Д. Д. Галанина на Первом всероссийском съезде деятелей обществ народных университетов в 1908 г. прозвучало: активная позиция Московского и Петербургского комитетов грамотности по вопросам перспективного развития народного образования в провинции стимулировала деятельность земских школ. Сельская школа, приподнимая культурность семьи, создавала такие условия, при которых личность сама начинала принимать решение о получении образования [29, с. 262]. Не случайно земскую школу называли «продуктом творчества русской общественности», она заметно повлияла на уровень образованности семьи.

П. Н. Милкоков, отмечая роль общественно-педагогического движения, писал, что в большей степени популяризация его идеи о полноценном образовании привела к существенным изменениям самосознания народа: равнодушные в 1870-х гг. сменились проснувшимся интересом, а затем сознательной потребностью в знаниях «как орудия за светлую будущность» [107, с. 360]. Показательно в этом плане исследование представителя Московского комитета грамотности В. Пет-

рова об отношении семьи к необходимости получения образования детьми, которое проводилось в 1900 г. в Московской губернии. Результаты опроса обнаружили высокий уровень мотивации родителей в получении знаний детьми (более 70%). Причем наряду с гражданской обязанностью («неграмотный солдат – пропащий человек») называлось стремление к интеллектуальному росту («удовлетворить потребность в умственной деятельности») [128, с. 129].

Трактовка ценности образования в семейном воспитании как сознательное принятие знаний обусловила постановку вопроса о профессиональной направленности труда, нужной и необходимой для экономического благополучия семьи.

Актуальные проблемы семейного воспитания поднимались на страницах педагогических журналов. Среди 304 наименований наибольшим признанием пользовались «Русская школа», «Вестник воспитания», «Свободное воспитание», сумевшие организационно закрепиться на общественных позициях. Журнал «Русская школа» (1890–1917), выходивший под редакцией педагога-историка Я. Г. Гуревича (1890–1906) и общественного деятеля Я. Я. Гуревича (1906–1917), много внимания уделял новейшим педагогическим течениям. Педагогический ежемесячный журнал «Вестник воспитания» (1890–1917), издаваемый под редакцией известного детского врача Е. А. Покровского, а затем педагога Н. Ф. Михайлова, освещал вопросы всеобщего обучения. Журнал «Свободное воспитание» (1907–1917), редактируемый русским писателем, педагогом, последователем Л. Н. Толстого И. И. Горбуновым-Посадовым, отстаивал свободу инициативы и педагогического творчества.

В обозначенных журналах, кроме известных ученых, принимали участие различные авторы, чья деятельность была связана с общественным движением. Наиболее значимыми представляются статьи следующих исследователей, затрагивающих проблему семейного воспитания: редактора И. И. Горбунова-Посадова; педагога, литератора В. П. Острогорского; преподавателей петербургской гимназии С. А. Золотарева, И. Никашидзе, О. Павловича; преподавателя петербургской мужской гимназии Казмина-Вьюгова; доцента Московского народного университета М. Лахтина; членов родительской общности Н. Ареньевой, Н. Василькова, П. А. Котлярова, Н. Николаевой, И. Скворцова, Н. Скворцовой.

Анализ перечисленных первоисточников позволяет установить, какие ценности семейного воспитания в этот период, кроме образова-

ния, актуализировались общественно-педагогическим движением. Прежде всего, продолжали утверждаться следующие традиционные ценности: добро, дом, соборность, брак, любовь, целомудрие, нестяжательство, красота, природные богатства, земля. С новой силой звучит ценность Родины и державы. П. А. Котляров пишет, что воспитательное дело родителей последних лет – подготавливать русскому государству сыновей-богатырей, на плечах которых они должны нести «обширнейшее и тяжеловеснейшее здание Российской империи» [88, с. 25].

Преемственно развивались и такие ценности русской семьи, как кровное родство, мать, отец, семейный лад, здоровье, однако их содержание обогащалось под воздействием новой ценностной категории – образования. Так, утверждалось, что формирование родового чувства (источник альтруизма, взаимной любви в семье), в котором заложены следы всего рода, возможно лишь через знание и сохранение генеалогии. Поскольку каждый член семьи выступает символом своего рода, поэтому знание своей генеалогии должно входить в обязанность семейного воспитания. Традиционное значение ценности матери и отца дополняется их обязанностью сознательного просвещения. Залогом семейной гармонии – семейного лада – стала рассматриваться не только соподчиненность (дети – родителям, все члены семьи – отцу), но и семейная солидарность (отец должен прислушиваться к мнению других).

Отдельной темой общественно-педагогического движения выступает ценность ребенка, признание его как *личности*. Как пишет Н. Николаева, «дети из номера последнего превратились в номер первый» [114, с. 34]. Долг родителей перед ребенком стал соизмеряться с воспитанием в нем чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самостоятельности.

Забота о здоровье связывается с формированием активной жизнедеятельности, которая придает бодрость духа и тела. Подобную интерпретацию получает и ценность «надежда».

Общественно-педагогическое движение не упраздняло роли православной веры в воспитании, наоборот, религиозные указания признавались даже в качестве образца воспитания в русской семье. Вместе с тем, за семьей оставалось право свободного выбора пути достижения божественной сущности личности, без навязывания религиозных догматов.

Итак, общественно-педагогическое движение отстаивало традиционные ценности семейного воспитания. Одновременно вводило в сис-

тему ценностей новую духовную категорию – образование, отвечающее требованиям современного общества. Новая духовная категория обогащала традиционные, утверждая в качестве приоритетных такие нравственные ценности, как профессиональное отношение к труду, просвещенность матери и отца, сознательное получение знаний, ответственность родителей за просвещение ребенка, семейная солидарность. Выдвигая идею самостоятельной личности параллельно и одновременно с научной педагогикой, общественно-педагогическое движение вступало в определенное противоречие с позицией государства и религии относительно таких категорий, как дитя (признание чувства собственного достоинства ребенка, его жизненной активности и самостоятельности, личностных идеалов), образование (образованная личность вместо образованный благонадежный подданный). В интерпретации сущности этих ценностей общественно-педагогическое движение было схожим с научной педагогикой.

Данные зафиксированы в таблице 6.

Таблица 6

Приоритетные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. с позиции общественно-педагогического движения

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
1. Культурно-национальная и кровная самооцен-ность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду, знание и сохранение генеалогии
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом, умственном здоровье, воспитание в нем чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самостоятельности
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, просвещенность, хозяйственная распорядительность

	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина
	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушность, единение, приравнивание, семейная солидарность
	Брак	Моральная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за друга, доверительность, жалостливость, верность (нравственное и физическое единение)
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду
	Хлеб	Забота об урожае
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, мужество, жертвенность, полезность Родине, верность ей, национальная гордость
	Держава	Законопослушание, благонравие, гражданственность
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость, сознательное человеколюбие, альтруизм
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие
	Вера	Уверенность

	Надежда	Оптимистичность, терпимость, активная жизнерадостность
	Нестыжательство	простота, бережливость, заправливость, экономность
	Красота	стремление к красивому и изящному
	Личность	признание прав человека, инициативность, самостоятельность, активное участие в жизни общества, личная независимость
	Образование	образованная личность, сознательное просвещение

4.5. Сущность единства социальных факторов в преестественном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

Рассмотрение русской семьи в структуре государства, общества, нации, рода, развивавшейся в определенных природно-географических условиях, позволило определить два рода факторов, оказывавших непосредственное воздействие на семейное воспитание: социальные факторы меняющегося (со временем) содержательного воздействия и факторы относительно постоянного содержательного воздействия. К первым мы отнесли государство, религию, педагогическую науку, общественно-педагогическое движение; ко вторым – нацию, род, природно-географическую среду.

Для понимания модернизационного периода России, насыщенного преобразованиями и противоречиями, особо важное значение имел анализ влияния на семейное воспитание социальных факторов меняющегося содержательного воздействия. Такой анализ показал, что каждый социальный фактор, в соответствии со своей социальной природой и предназначением, выдвигал свою совокупность приоритетных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания.

Проведем сравнительный анализ приоритетных ценностей воспитания в русской семье с позиции всех социальных факторов во второй половине XIX – начале XX в., чтобы зафиксировать совпадающие и несовпадающие ценности. Данные занесены в таблицу 1 (см. приложение 2).

Результаты сравнительного анализа позволяют сделать заключение о наличии совпадающих и несовпадающих ценностей семейного воспитания со стороны государства, религии, научной педагогики, обще-

ственно-педагогического движения. Совпадающие ценности зафиксированы в таблице 7, а несовпадающие – в таблице 8.

Таблица 7

Совпадающие приоритетные ценности воспитания со стороны государства, религии, педагогической науки, общественно-педагогического движения во второй половине XIX – начале XX в.

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
1. Культурно-национальная и кровная самооцен-ность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение
	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина
	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, принаравливание, семейная солидарность
	Брак	Моральная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за друга, доверительность, жалостливость, верность (нравственное и духовное единение)
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак

2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду
	Хлеб	Забота об урожае
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, жертвенность, мужество, полезность Родине, верность ей, национальная гордость
	Держава	Законопослушание, благонравие, гражданственность
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добролюбие
	Вера	Уверенность
	Надежда	Оптимистичность, жизнерадостность, терпимость
	Нестыжательство	Простота, бережливость, заправливость, экономность
	Красота	Стремление к красивому и изящному
	Образование	Образованность

Таблица 8

Несовпадающие приоритетные ценности воспитания со стороны государства, религии, научной педагогики, общественно-педагогического движения во второй половине XIX – начале XX в.

Социальные факторы	Духовная ценность	Нравственная ценность
1	2	3
Научная педагогика	Кровное родство Дитя	Знание и сохранение генеалогии
Общ.-пед. движение		Знание и сохранение генеалогии
Государство		Забота об умственном здоровье ребенка
Религия		Ответственность за христианское миропонимание
Научная педагогика		Забота об умственном здоровье ребенка, воспитание в нем чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самостоятельности

Общ.-пед. движение		Забота об умственном здоровье ребенка, воспитание в нем чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самодеятельности
Государство	Мать	Просвещенность, деловой партнер
Научная педагогика		Просвещенность, хозяйственная распорядительность
Общ.-пед. движение		Просвещенность, хозяйственная распорядительность
Религия	Семейный лад	Православная семейная солидарность, кротость, покорность, смирение
Религия	Целомудрие	Благочестивость
Религия	Труд	Деятельное великодушие (активная филантропия, благотворительность), бескорыстность и самоотверженность в труде
Религия	Здоровье	Умеренность
Государство	Родина	Благонадежность, честолюбие
Религия		Благонадежность
Научная педагогика	Соборность	Альтруизм, сознательное человеколюбие
Общ.-пед. движение		Альтруизм, сознательное человеколюбие
Научная педагогика	Надежда	Активная жизнерадостность
Общ.-пед. движение		Активная жизнерадостность
Государство	Личность	Признание прав человека, его инициативность, самостоятельность, активное участие в жизни общества
Научная педагогика		Признание прав человека, его инициативность, самостоятельность, активное участие в жизни общества, признание прав человека, личная независимость
Общ.-пед. движение		Признание прав человека, его инициативность, самостоятельность, активное участие в жизни общества, личная независимость
Государство	Образование	Образованный, благонадежный подданный
Религия		Образованный, благонадежный подданный
Научная педагогика		Образованная личность, сознательное просвещение
Общ.-пед. движение		Образованная личность, сознательное просвещение

Сделаем пояснения к таблице 8.

Ценностные категории «крвное родство», «соборность», «надежда» имели отличия только с позиций научной педагогики и общественно-педагогического движения; понятие о просвещенности матери упускалось со стороны церкви, но это было важным в понимании го-

сударства, научной педагогики и общественно-педагогического движения; представленные интерпретации понятий «семейный лад», «целомудрие», «труд», «здоровье» были характерны только для церкви; категорию «личность» церковь не актуализировала, тогда как государство, научная педагогика и общественно-педагогическое движение рассматривали ее как одно из доминирующих ценностей семейного воспитания; понятие о благонадежности по отношению к Родине отвечало интересам государства и религии.

Семья, выступая в своем постоянном статусе субъекта национальной культуры, испытывала, естественно, на себе влияние различных социальных факторов. Органическое вписывание семьи в общественно-государственную структуру обуславливало более легкое восприятие ею тех влияний на семейное воспитание со стороны различных социальных факторов, которые совпадали по своему ценностному содержанию по следующим позициям:

- все социальные факторы сохраняли и отстаивали ранее сложившиеся традиционные духовные и нравственные ценности;

- основным духовным нововведением оказалось образование, признанное всеми социальными факторами и поэтому оказавшее свое влияние на содержание нравственных ценностей семейного воспитания.

Совпадающие по всем социальным факторам ценности следует считать позитивными духовно-нравственными ценностями воспитания в русской семье, сложившимися во второй половине XIX – начале XX в. (табл. 7 приложения). Они составили систему ценностей семейного воспитания периода второй половины XIX – начала XX в. *В этом и заключается роль сущностного единства социальных факторов, позволившего определить стратегию семьи по выбору духовно-нравственных приоритетов воспитания в изучаемое историческое время.*

Однако в модернизационный период развития России, насыщенный преобразованиями и противоречиями, такое совпадение наблюдалось не по всем вопросам жизнедеятельности семьи: каждый социальный фактор, в соответствии со своей социальной природой и предназначением, выдвигал и свои особые духовно-нравственные приоритеты семейного воспитания. Несовпадающие ценности, как результат рассогласованных действий социальных факторов на семью, могли оказывать определенное воздействие на воспитание в отдельных семьях, но они не могут считаться типичными для русской семьи,

поэтому не входят в систему духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье, сложившуюся во второй половине XIX – начале XX в.

Теперь сравним систему позитивных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье, сложившуюся во второй половине XIX – начале XX в., с системой позитивных традиционных ценностей, сложившейся до второй половины XIX в. (табл. 1), чтобы установить, какие традиционные ценности сохранялись неизменными, какие обогащались (содержательно изменялись), какие ценности появлялись в новых социальных условиях. Полученные данные зафиксированы в таблице 9. Курсивом выделены новые духовные ценности, чертой – новые нравственные ценности.

Таблица 9

Сравнительная таблица систем позитивных традиционных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в. и в период второй половины XIX – начала XX в.

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
Семья как субъект национальной культуры			
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа			
1. Культурно-национальная и кровная самооценность семьи	До второй половины XIX в.	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	До второй половины XIX в.	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье

	До второй половины XIX в.	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение
	До второй половины XIX в.	Отец	Ответственность за семью, мудрость
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Ответственность за семью, мудрость, <u>доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина</u>
	До второй половины XIX в.	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность
	До второй половины XIX в.	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, приноравливание
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, приноравливание, <u>семейная солидарность</u>
	До второй половины XIX в.	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость, <u>верность (нравственное и духовное единение)</u>

	До второй половины XIX в.	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Скромность, стыдливость, чистота души, <u>физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак</u>
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	До второй половины XIX в.	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Почтительность, бережливость, чуткость, сострадание
	До второй половины XIX в.	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	До второй половины XIX в.	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, <u>настойчивость</u>
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, <u>настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду</u>
	До второй половины XIX в.	Хлеб	Забота об урожае
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Забота об урожае
	До второй половины XIX в.	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость
Вторая половина XIX – начало XX в.	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, <u>жизненная активность</u>		

3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	До второй половины XIX в.	Родина	Патриотизм, героизм, жертвенность, мужество, полезность Родине, верность ей, законопослушание, благонравие, национальная гордость
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Патриотизм, героизм, жертвенность, мужество, полезность Родине, верность ей, законопослушание, благонравие, национальная гордость, <u>гражданственность</u>
	До второй половины XIX в.	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Милосердие, сопереживание, отзывчивость
	До второй половины XIX в.	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолوبие
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Доброжелательность, добротоделание, добротолوبие
	До вт. половины XIX в.	Вера	Уверенность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Уверенность
	До второй половины XIX в.	Надежда	Оптимистичность, терпение, жизнерадостность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Оптимистичность, терпение, жизнерадостность
	До второй половины XIX в.	Нестяжательство	Простота, бережливость, запасливость, экономность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Простота, бережливость, запасливость, экономность
	До второй половины XIX в.	Красота	Стремление к красивому и изящному
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Стремление к красивому и изящному

	Вторая половина XIX – начало XX в.	Образование	Образованность
--	------------------------------------	-------------	----------------

Результаты анализа показали: а) сохранение и устойчивость традиционных духовных и нравственных ценностей семейного воспитания; б) содержательное обогащение традиционных духовных ценностей («отец», «семейный лад», «любовь», «целомудрие», «труд», здоровье», «Родина»), появление новых нравственных ценностей; в) появление новой духовной ценности – «образование», ее влияние на содержание традиционных духовных ценностей.

Полученную информацию занесем в таблицу 10. Итоговая таблица ценностей семейного воспитания во второй половине XIX – начале XX в. раскрывает: а) ценности, ставшие традиционными, то есть устойчивыми в результате одинаковых воздействий на семью со стороны различных социальных факторов; б) ценности неустойчивые, исходящие от отдельных социальных факторов, как результат их несовпадающих, несогласованных воздействий на семью.

Таблица 10

**Система национальных духовно-нравственных ценностей воспитания
в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.**

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Устойчивые (традиционные) нравственные ценности	Неустойчивые нравственные ценности
1	2	3	4
Семья как субъект национальной культуры			
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа			
1. Культурно-национальная и кровная самость семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду	Знание и сохранение своей генеалогии
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение	Забота об умственном здоровье ребенка, воспитание в нем чувства

		ние, забота о физическом здоровье	собственного достоинства, личных идеалов, самостоятельности, ответственность за его христианское миропонимание
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение	Просвещенность, деловой партнер, хозяйственная распорядительность
	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина	
	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, тепла, гостеприимство, доброжелательность, дружелюбие, опрятность, чистоплотность	
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, послушание, единение, приноравливание, семейная солидарность	Православная семейная солидарность, кротость, покорность, смирение
	Брак	Моральная ответственность друг перед другом	
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость, верность (нравственное и физическое единение)	
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак	Благочестивость

2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание	
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородности	
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, старательность, добросовестность, упорство, настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду	Деятельное великодушие (активная филантропия, благотворительность), бескорыстность и самоотверженность в труде
	Хлеб	Забота об урожае	
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность	Умеренность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, жертвенность, мужество, полезность Родине, верность ей, законопослушание, благонравие, национальная гордость, гражданственность	Благонадежность, честолюбие
	Держава	Знание законов государства, благонравие, добропорядочность, законопослушание как гражданская обязанность	
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость	
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолубие	
	Вера	Уверенность	
	Надежда	Оптимистичность, жизнерадостность, терпимость	Активная жизнерадостность
	Нестязательство	Простота, бережливость, запасливость, экономность	

	Красота	Стремление к красивому и изящному	
	Образование	образованность	образованная личность, сознательное просвещение, образованный, благонадежный подданный

Проведенный анализ показывает, что ценности семейного воспитания, признаваемые всеми социальными факторами, являлись совпадающими. Совпадающие ценности становились устойчивыми – традиционными. Ценности семейного воспитания, отражающие особые приоритеты социального фактора в соответствии с его предназначением, являлись неустойчивыми.

Совпадающие духовные ценности превращались в базовые и вместе с сопутствующими им нравственными ценностями составили позитивную систему ценностей семейного воспитания периода второй половины XIX – начала XX в.

В целом, система традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. преемственно развивалась, так как появлялись новые духовные и нравственные ценности воспитания при сохранении и отстаивании устоявшихся ценностей, при содержательном обогащении (изменении) ранее сложившихся духовных ценностей. При этом согласованные воздействия внешних социальных факторов обеспечивали наибольшую восприимчивость семьи к данной позитивной системе ценностей воспитания.

Итак, систему духовно-нравственных ценностей семейного воспитания во второй половине XIX – начале XX в. можно считать новой по отношению к традиционной системе ценностей, сложившейся до второй половины XIX в., и тем не менее она будет выступать как традиционная для последующих периодов историко-культурного развития семейного воспитания.

Особенное и общее в динамике национально-региональных и общенациональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Вологодской губернии)

Данная глава посвящена анализу влияния новых социально-экономических условий в регионе на духовно-нравственное воспитание в русской семье. В ней раскрываются трудности, в которых оказалось региональное семейное воспитание, а также анализируется роль ранее выделенных социальных факторов (государства, религии, педагогической науки, общественно-педагогического движения и специфического проявления в регионе такого фактора, как община) в преодолении этих трудностей.

Исследование осуществляется с опорой на архивные материалы Российского Этнографического музея г. Санкт-Петербурга (РЭМ), Государственного архива Вологодской области (ГАВО), архива краеведческого музея г. Устюжны, на публикации в газетах «Вологодские губернские ведомости», «Вологодские епархиальные ведомости», а также на краеведческую историографию.

Вначале обратим внимание на то, какие появились трудности в духовно-нравственном воспитании семьи и чем они были вызваны.

5.1. Трудности и противоречия в духовно-нравственном воспитании в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

В новый исторический период основным направлением хозяйственной деятельности населения региона оставалось земледелие. Содержание и структура знаний земледельцев, максимально приближаясь к новационным требованиям аграрной промышленности, превращали земледелие в товарное производство. К концу XIX в. достижения в развитии агротехники привели к частичному усовершенствованию орудий труда. Предусмотренное функциональное многообразие позволяло приспособить технику к различным почвенным условиям. К примеру, быстро распространялось употребление плуга, способного переворачивать тяжелую землю. Повсеместно обсуждались вопросы «правильного ведения» сельского хозяйства, причины «печального последствия его нерационального использования» [216,

л. 1 об.; 209, л. 1]. В середине 70-х гг. XIX в. возникли маслобойные заводы, работавшие на основе местной народной и передовой научной технологии³⁷. С развитием железнодорожного транспорта в начале XX в. производство масла увеличилось в несколько раз. Это было одним из самых выгодных направлений сельхозпродукции в материальном отношении и к началу столетия получило широкое распространение не только у крупных предпринимателей, но и в крестьянских корпорациях.

Губернское правление, с 1865 г. представляющее собой исполнительный орган губернской администрации, пыталось реализовать экономическую программу государства, касающуюся правового положения крестьян в сельской общине: право выхода из общины, закрепление своего индивидуального надела в частную собственность. С этой целью губернские и уездные землеустроительные комиссии, учрежденные в марте 1861 г., широко использовали пропаганду реформы 1861 г. через прессу. Поддерживали обозначенную политику государства в своих обращениях к крестьянству и священнослужители. Так, священник Н. Сергиевский, называя Манифест от 19 февраля 1861 г. «залогом домашнего благополучия», призывал крестьян выкупать у землевладельцев свои усадьбы, подтверждая «добровольность» в служении интересам власти [151].

Но, несмотря на ссуды, бесплатное землеустройство, семена, крестьяне не стремились выделяться из деревень, предпочитая общинный быт, стараясь «удержать его вопреки всем препятствиям» [134, с. 148]. Крестьянин Семен Береза из деревни Кумбисер (в 12 верстах от Никольска – прим. Г. Потанина) очень метко пояснял значение общинного самосознания: «В дворянской перчатке у каждого пальца свой чуланчик, а в мороз они зябнут: в крестьянской рукавице все они вместе и друг друга греют» [Там же]. В конце 60-х гг. XIX в. крестьяне всем миром продолжали отстаивать свои «общинные» интересы, полученные от предков; вели упорную борьбу за сохранение прежних прав более свободного пользования землей, добиваясь частичных уступок со стороны казенного ведомства.

Неприятие северным крестьянством аграрной реформы 1861 г. объяснялось тем, что воспитанный веками совместной общинной жизнью коллективизм вызывал потребность людей в ежедневном общении, заботе и помощи друг другу в сложных климатических условиях,

³⁷ Производство знаменитого вологодского масла.

ответственности за судьбу каждого. Как пишет корреспондент ВГВ, народная культура избегала новшеств «не из любви к застою», а из опасения «оторваться от того ствола», который сообщает ему «крепость и своего рода красу»³⁸ [177, с. 158]. В то же время появление возможности приобрести землю в постоянное личное пользование заметно расширило диапазон обращений крестьянства к государственному законодательству. Возникшая необходимость снабжения губернии законодательными справочниками свидетельствует о личной заинтересованности крестьян стать полнокровными хозяевами земли, следовательно *обладать частной собственностью*.

Противоречивое восприятие проводимых реформ обусловило в крестьянской семье затруднения в выборе ценностных ориентаций воспитания детей. Прежде всего, они коснулись такой духовной категории, как труд, стоявший в центре крестьянской жизни.

Труд продолжал структурировать время, организовывать день, год, жизнь. Ценность труда утверждалась привычными моральными критериями, о чем свидетельствуют многие факты. Так, в бессознательно-ознакомительный период трудового воспитания на основе привлечения поэзии пестования ребенка приучали к мысли о том, что ценность человека своей среды определялась трудовыми качествами, тем самым внушая уважение к труду:

Спи да расти, у Бога милости проси.

Вырастешь большая, будешь гулять, с малыыми детками играть.

Еще вырастешь побольше, будешь делать-работать [195, л. 30].

Повсеместно осуждалось тунеядство, или, как его называли, «пассивное ничего неделанье». Это была одна из центральных тем, освещающаяся в местной периодической печати. Н. А. Иваницкий, изучая быт крестьян Вологодской губернии, причину появления «прогрессирующего» нищенства объясняет расцветом «профессиональной деятельности» следующих категорий лиц: ленивых, лакомок и стариков. Хотя всегда таким нищим «подают», но от души над ними посмеиваются. В то же время этнограф подчеркивает, что «истинное нищенство», возникшее по причине стечения обстоятельств (смерть кормиль-

³⁸ Как писал А. И. Герцен, община спасала русский народ в самые сложные, неоднозначные исторические периоды: от монгольского варварства, имперской цивилизации, «от выкрапленных по-европейски помещиков» и от «немецкой бюрократии». Община считалась гарантом семейного благополучия и отношений собственности [31, с. 326].

ца, неурожай, падеж скота и др.), воспринимается односельчанами с болью и сочувствием («народ это сразу видит»), с желанием всегда помочь в меру своих материальных и физических возможностей [52, с. 60].

И еще очень важное обстоятельство, которое указывало, что труд был основой всей семейной жизни крестьян: невесту или жениха выбирали в процессе наблюдения за их трудовой деятельностью (например, на сенокосе). Для молодых парней и девушек сенокос составлял «особенную, какую-то праздничную пору»: везде раздавались народные песни. Девушки готовили себе чистые белые наподольники – рубашки, с вышитой по подолу красной каймой или «с обложенными кругом его лентами и кружевами». Молодые парни носили в это время свои лучшие рубахи – кумачные, пестрядинные³⁹ и ситцевые [154, с. 326].

Однако под воздействием коммерциализации сельского хозяйства в крестьянской среде, более активного участия крестьян в общественной жизни важнейшим нравственным качеством личности становится рациональная предприимчивость. В понимании крестьянина, «это та сила», с помощью которой самые бедные в природном отношении страны получили свою известность. В этом отношении труд стал расцениваться не только как источник существования, но и накопления собственности; каждый крестьянин старался увеличить свой достаток. Принцип «кто не работает – тот не ест» стал терять свою прежнюю безусловность, заменяясь принципом «кто работает – тот ест».

С переориентацией на рациональную предприимчивость труда в семье становится неоднозначным понимание основополагающих семейных ценностей, таких, как кровное родство, отец, мать, ребенок, дом, коллективизм, соборность, нестяжательство, вера. Как показывают результаты анализа архивных материалов, во второй половине XIX в. в семье стремились к сохранению патриархального уклада. Власть отца, осуществлявшего традиционное управление, оставалась беспрекословной, поскольку была основана на признании и почитании его мудрости. В практике повседневной жизни ответственность большака за исполнение трудовых повинностей членов своей семьи сохраняла право выговаривать и бранить за «леность в работе, за пьянство и разные упущения *по обычаю*» (курсив наш. – Л.В.) [198, л. 2]. Преемствен-

³⁹ Пестрядь – грубая льняная или бумажная ткань из разноцветных ниток, обычно домотканая.

ность таких семейных норм и заповедей подкреплялась культом предков. Однако в условиях растущего товарно-денежного характера крестьянского хозяйства лидерство по возрасту должно было уступить место «расторопности и способности», вызванным умением быстро ориентироваться в обстановке семейного быта, знанием наиболее рациональных способов ведения хозяйства в условиях развития рыночных отношений. Возникла необходимость «научиться ... шевелить руками более выгодным способом» [178, с. 74].

Вместе с тем, вследствие экономического отхода в крестьянских семьях в близлежащие города старших детей, родственные связи начинали постепенно ослабевать: «стал рушиться патриархальный устрой крестьянской нравственности» [163, с. 138]. Подобная ситуация приводила к раздробленности в семье. «Жгучая потребность для нарождающихся крестьянских поколений» к самостоятельной жизни обусловила менее зависимый характер отношений супругов, родителей и детей [170, с. 21]. Кроме того, возрастающая социальная активность женщин, по выражению вологодского писателя конца XIX в. А. В. Круглова, вела к «убыли женской души», проявляющейся в ослаблении материнской любви [91, с. 10]. Ориентация на деятельность вне семьи вела к потере экономического значения многодетности.

В воспитании начинают терять свое прежнее значение такие духовные ценности, как коллективизм и соборность. Сам ход экономической жизни, по утверждению А. А. Тарутина, вел к «выработке нового человека деревни, более самостоятельного, чем прежний мирской. Заметно падение мирского согласия». Решительно «во всех проявлениях» заявлял о себе развивающийся *индивидуализм*, утверждая позицию: каждый должен полагаться на свои собственные силы. Смещение ценностных ориентаций проявилось в изменении характера помочей, которые не только стали «редки», но и начинали «более производиться» для получения «обильной пищи, в противном случае, хозяин не мог созвать необходимое количество работников [93, с. 175–176].

В результате переосмысления значения труда изменилась ориентация на материальное богатство. С одной стороны, в представлении крестьянства богатство аморально, так как всегда нажито в ущерб другим, с другой – усваивался взгляд на то, что деньги – это прямая дорога к самоутверждению. К концу XIX в. в крестьянском мире появилась относительная антиномия «богатство – бедность», которая формировалась вместе с рыночным расслоением деревни. Прежняя иерархия

отношений в семье по старшинству постепенно рушилась. Если раньше обычаи довольно строго определяли преимущества старших по возрасту, то теперь, по мере того как в деревне набирали силу зажиточные крестьяне, закреплялась привычка оказывать им почет и уважение при встрече, независимо от возраста «снятием шапки, поклоном, в величании полным именем» [199, л. 2–3]. Усиливалась ценность зажиточной жизни: «Личность купца Гладина замечательна, – восклицает Ф. А. Арсеньев. – Разбогател крестьянин за счет усердных работ по Белозерскому каналу, от которого отказывались все подрядчики» [4, с. 31].

В конце XIX в. в духовно-нравственном воспитании неоднозначной становится и позиция православной веры.

В крестьянской семье оставалась сильна потребность в религии. Соблюдались как внешние правила приличия («благочестивость»), так и внутренние установки следования традициям христианства [205, л. 7]. В церкви стремились вести себя «чинно», «благопристойно». В архиве Устюженского краеведческого музея имеется запись, сделанная корреспондентом Императорского Русского географического общества В. Н. Латкиным: «В городе не более 4,5 тысячи жителей, но церкви все содержатся очень хорошо... Это доказывает набожность граждан и дает хорошие понятия об их доброй нравственности» [498, л. 13]. В вере продолжала воплощаться идея общего блага, единства и солидарности. Она имела громадную убеждающую силу, способную поднимать русских даже на активную борьбу против национального угнетения в других странах. Председатель Тотемской уездной земской управы В. Т. Попов сообщал, что обеспокоенные газетными известиями в 1876 г. о жестоких угнетениях, истязаниях и убийствах восточных христиан турками крестьяне Тотемского уезда направили обращение к государю императору, датированное 1 января 1877 г.: «Порабощение восточных славян мусульманами всегда возмущало всех христиан, в особенности православного русского народа... Мы готовы принести всякие жертвы для освобождения их от ненавистного мусульманского ига» [34, с. 95–96].

Однако, как отмечали современники, религиозность крестьянской семьи стала приобретать «облик внешней обрядности», сопровождающейся отсутствием подлинной христианской духовности: «прежней прилежности к вере не стало» [90, с. 348]. В связи с усложнением социально-экономических отношений возникала необходимость дополнения традиционно-религиозного мировоззрения крестьян свет-

скими знаниями и научными представлениями: «Прежде что – давайте житие, а ноне историйку» [Там же, с. 348]. Об этом свидетельствуют и данные исследователей о содержании имеющихся книг в крестьянских семьях разных волостей. Книги религиозные «заводятся все больше по привычке» и в основном старшим поколением. А. А. Тарутин пишет, что за ответами на волнующие вопросы крестьяне все чаще обращались к светской книге [163, с. 139]. Расширение коммуникативных связей позволило в определенной мере повлиять на представления крестьян об образе жизни всего государства. В крестьянский обиход вошли календари, даты, сроки – то есть то, что требовало линейного восприятия времени.

Новое мироощущение было отражено и в новой художественной литературе. На ее страницах стал появляться герой, рационально-активный, добивающийся поставленной цели самостоятельными усилиями. Магия и вмешательство потусторонних сил заменяются расчетливостью и практицизмом. Хотя большая часть повседневной деятельности регулируется обычаем, поддержание этой деятельности, ее адаптация к меняющимся условиям внешней среды, а тем более ее развитие требовали повышенного старания. *Практицизм* становится необходимой моральной установкой, превращая деятельность, направленную на добывание повседневных благ, в призванное ремесло и профессию, которые являются делом чести, источником успеха и личного достоинства. А. А. Тарутин подчеркивает, что в крестьянской среде Великоустюгского уезда обретают популярность («нарасхват») произведения Григоровича, Толстого, Тургенева и других, ведущие персонажи которых признают практическое изменение жизненных условий как ценность. Анализ архивных материалов показал, что данные произведения находились в «большом уважении» у крестьян других уездов.

Итак, два обстоятельства – традиционный патриархальный уклад жизни и влияние модернизационных социальных процессов во второй половине XIX – начале XX в. – обусловили противоречивое отношение семьи к традиционным семейным ценностям и трудности духовно-нравственного воспитания в семье. С одной стороны, вроде бы внешнее благополучие. Вот как описывал семейную жизнь В. Кичин в 1871 г.:

*Заглянешь в домашний быт зырянина,⁴⁰
Видишь кроткого в нем семьянина.
Любит в невзгоде помочь он соседу,
Любит застольную с другом беседу,
Кто ведает склад бытовой зырянина.
Рисуется мысленно такая картина:
Львиное сердце, разумная речь
Не могут внимания собой не привлечь.
В дикой стране, в отдаленной глуши
Проблески чистой, высокой души
Сердцу обильное чувство дарил! [75, с. 7]*

С другой стороны, под воздействием модернизационных процессов семья оказалась в ситуации нарастания тенденций разрушения базовых традиционных ценностей воспитания.

По этому поводу сделаем краткий обзор вышесказанного. Наблюдались следующие изменения в духовных ценностях: «труд» – распространение идеи рациональной предприимчивости (вследствие признания труда источником накопления собственности); «кровное родство» – ослабление родственных связей (вследствие потребности взрослых детей к самостоятельной жизни); «отец» – ослабление власти в семье (вследствие экономического отхода главы дома); «мать» – ослабление материнской любви (вследствие возрастания ее социальной активности); «ребенок» – потеря экономического значения многодетности (вследствие отхода, самостоятельности детей); «коллективизм» и «соборность» – разрушение стремления к единению (вследствие усиленного культивирования индивидуализма); «нестыжательство» – усиление ценности зажиточной жизни (вследствие ориентации в обществе на достижение и успех); «вера» – приобретение религией «облика внешней обрядности» (вследствие дополнения религиозного мировоззрения крестьян светскими знаниями и научными представлениями). Нарастали новые ценности нравственного порядка – *обладание частной собственностью, индивидуализм, практицизм.*

⁴⁰ Речь идет о жителях Сольвычегодского уезда.

5.2. Роль социальных факторов в решении проблем духовно-нравственного воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

Русская семья Вологодской губернии, оставаясь субъектом общенациональной культуры, в рассматриваемый период истории испытывала на себе влияние общероссийских социальных факторов, показанных в главе IV, – государства, религии, педагогической науки, общественно-педагогического движения, а также особо проявляющегося в регионе фактора – общины. Важно проанализировать, какова была их роль в ситуации возникших трудностей семейного воспитания в условиях объективной необходимости модернизационных социально-экономических процессов.

Все факторы целенаправленно влияли на утверждение в семье новой духовной ценности – *образования*, которое должно «развить благоприятное отношение в семействе, уважение к закону и личности» [153, с. 247].

Земские учреждения – губернские и уездные собрания и управы⁴¹ – определяли оптимальные типы школ, соответствующие местным потребностям и местным средствам. Обращалось внимание на необходимость создания ремесленных школ, практическая направленность которых смогла бы заинтересовать крестьян в получении грамотности. С целью «содействия выработке» в учителях «разумного, единого взгляда» на воспитание поддерживалась инициатива общественно-педагогического движения по проведению съездов сельских учителей, где обсуждалось «важное значение» народного просвещения. Решались вопросы, связанные со здоровьем ребенка. В школах стали практиковаться бесплатные завтраки – «приварки», значение которых определялось как повышение «живости, сообразительности, отсутствие апатии у плохих и флегматичных учеников» [180, с. 122]. Положительно во многих уездах рассматривался вопрос об открытии ночлежных приютов, общежитий, а также ученических квартир «для выработки культурно-бытовых навыков» под наблюдением наставников. Создавались попечительские советы. Актуализировалась задача образования крестьянских женщин, «в руках которых всецело находится воспитание детей». В женских гимназиях увеличивалось число «необязательных» предметов (рисование, пение, танцы, немецкий, фран-

⁴¹ Созданы в регионе в 1870 г. в качестве государственного распорядительного органа.

цузский языки), помогающих выпускникам получить более полное образование.

Исключительно важным на уровне местного правительства признавалось сохранение патриотической верности и любви к своему краю, без которых «невозможно быть полезными членами государства» [202, л. 26–27]. Губернским земским собранием принимались постановления о разработке в рамках образовательных программ школ региона курса «Родиноведение» [211, л. 13, 15]. Государство предпринимало решительные меры по сохранению православной веры в семейном воспитании. Так, в основных положениях по содержанию земской школы фиксировались указы о необходимости устраивать начальное обучение при церквях «под непосредственным наблюдением духовного отца» [153, с. 2].

В деятельность по семейному воспитанию включались редакции государственных журналов и газет. Губернское руководство стремилось удовлетворить потребности крестьянского населения в педагогическом просвещении. По данным различных выпусков Вологодских губернских ведомостей, во многих уездах библиотеки пополнялись такими журналами центральных изданий, как «Воспитание и обучение детей», «Душеполезное чтение», «Духовная беседа», «Христианское чтение», «Детское чтение», «Педагогическая хроника», «Семья и школа», «Гражданин», «Русская школа», «Русское слово», «Русский мир», «Сын Отечества», «Северный вестник», «Домашняя Беседа», «Семейный листок», «Друг детей» и многие другие (всего 67 наименований).

Заметно увеличивалось количество изданий, при этом не оставалось без внимания и качество содержания публикуемого материала, предназначенного «народности русской с ее неиспорченными нравами». Настало время, как сообщает корреспондент ВГВ, когда от журналов «требовались истинные отеческие убеждения в пользу всего русского хорошего, чтобы наполненные подобным содержанием рассказы о русском быте привлекали и русского мужика». Только в этом случае это будет истинный русский журнал – «вестник всего нового русского, как полезного, так и необходимого». Одновременно предпринимались меры по «удешевлению цен» на данную периодику, «чтобы более сделать их доступными публике».

Активными читателями обозначенной периодики были крестьяне. Об этом свидетельствуют результаты исследований читательских интересов Вологодской губернии корреспондента С. Староверова [192], а также сводные данные по категории читающих в различных уездах.

Так, в Тотемской земской библиотеке «отрадным явлением» стало «заметное увеличение числа крестьян», пользующихся научно-популярными изданиями [166, с. 8]. Таковы были позитивные действия государственных органов по влиянию на семью.

Роль религии в решении проблем семейного воспитания была велика. В новых социально-экономических условиях свое влияние религия осуществляла, прежде всего, через церковно-приходские школы, численность которых не уступала земским. В них проводились «просветительские работы с родителями» по вопросам «правильного посещения школы» [207, л. 11]. Своей задачей, наряду с «поднятием уровня народного образования», церковные школы ставили «воспитание детей в духе православной церкви, приучения к сознательному и осмысленному отношению к священнодействиям», а также «любовь и преданность ... государю и своему отечеству». Так, расширение программы по изучению Закона Божьего предусматривало получение знаний по следующим вопросам: общие обязанности к самому себе; самопознание; попечение о чистоте совести; обязанности по отношению к ближним и родителям; духовные основания христианского брачного союза; забота о здоровье и др. [204].

Большое значение в решении вопросов семейного воспитания имели пропагандистская деятельность священнослужителей и распространение церковных книг в уездах губернии. Организация «нравственных бесед» с крестьянским населением была направлена на объяснение «права церкви» делать «новые постановки» в духовной жизни христиан [59, с. 434]. Например, епархиальный миссионер Иоанн Полянский, давая высокую оценку всякого вида труда, жизненную установку в семье ориентировал на благотворительность и меценатство [Там же]. В качестве образца нравственного поведения прославляли жития святых, по мнению духовенства, отвечающих потребностям семьи в нравственном идеале.

Следует отметить, что позитивная роль церкви проявлялась в отстаивании в семейном воспитании не только чисто религиозных позиций, но и широкого круга идей, совпадающих с заботой государства и жизненными потребностями семьи («правильное посещение школ», уровень народного образования, обязанности по отношению к родителям, сохранение святости брачного союза мужчины и женщины и др.).

Вместе с другими социальными факторами общественно-педагогическое движение в Вологодской губернии оказало сильное влияние на культурное развитие края. Характерной чертой являлось «примири-

тельное отношение» местной власти к просветительской деятельности прогрессивной интеллигенции [156, с. 304], которая добивалась содействия многим своим начинаниям со стороны земских учреждений.

Во многих уездах Вологодской губернии при поддержке губернского правления на должность председателя земской управы избирались известные общественные деятели, выходцы из крестьянского сословия (Ю. М. Зубов, В. Т. Попов и др.). Это оказало очень сильное воздействие на развитие народного просвещения.

Общественно-педагогическое движение способствовало организации педагогических курсов, кружков, различных форм внешкольного просвещения. Представители общественно-педагогического движения (учителя, врачи, писатели, учащиеся средних учебных заведений, члены родительских кружков) принимали активное участие в обсуждении проблем семейного воспитания на страницах региональной периодической печати. Наиболее значимыми из них представляются статьи редактора-издателя ВГВ В. К. Скворцова, общественного деятеля А. А. Тарутина, публициста Ф. А. Арсеньева, родительской общественности, прогрессивных учителей, многие из которых публиковались под псевдонимами.

Необходимо отметить общественную деятельность писателя-этнографа А. В. Круглова. В своих произведениях литератор отражал острые вопросы семейного быта, особо выделяя значимость таких духовных ценностей, как семейный лад, любовь, мать. А. В. Круглов подчеркивал, что семья возможна только при дружной работе, при взаимной любви мужа и семьи; в этом отношении она похожа на «коляску с дышлом», которая свое предназначение выполняет только при парной езде лошадей [91, с. 5–6].

Активная деятельность земских учреждений стимулировала, прежде всего, развитие в регионе начальных школ, общее количество которых выросло с 73 (1871) до 1220 (1914). Силами общественно-педагогического движения предпринимались кардинальные меры, дающие возможность «внести» в «местную общественную жизнь» содержание и интерес «культурных явлений» на пользу «столь животрепещущего и крайне важного дела, как образование юношества». Для отдаленных селений учреждались подвижные и передвижные школы с организованным выездом учителей [369, с. 157–158]. Каждой школой учитывался трудовой цикл крестьянской семьи, исходя из чего вносились корректировки в протекание учебного процесса. В содержании образования ориентировались на практическую деятельность будущих

хозяев земли: определялся круг предметов, необходимых в новых социально-экономических условиях (география, естествознание).

Организовывалось внешкольное просвещение, «правильный ход и постановка» которого привлекали к нему все большее количество крестьян. Распространенной формой внешкольного образования являлись публичные чтения книг со световыми картинками, среди которых были и религиозно-нравственные. «Удачные чтения» пробуждали потребность в создании собственной семейной библиотеки. Хозяин всегда охотно показывал свое книжное богатство, «со своими, конечно, замечаниями о каждой книге». Замеченное «некоторое тщеславие книгою» объяснялось тем, что все накопленное книжное богатство расценивалось как постепенно приобретаемая семейная реликвия [191, л. 7]. Новым в системе интеллектуальной крестьянской культуры становилось семейное чтение вслух.

Подобная «новая обстановка учения», как фиксировал окружной инспектор М. И. Успенский, вызвала чувство благодарности со стороны крестьян, «не внося розни между детьми и родителями», влияя на сохранение родовых отношений [168, с. 7–8].

Учителя стремились сотрудничать с родителями. В. Глаголевский в выступлениях перед педагогами подчеркивал необходимость школы «вступать в сношения с родителями учеников», чтобы, не нарушая прав семьи в воспитании детей, своевременно принимать меры «к подъему успешности» [32, с. 40]. С этой целью повсеместно создавались родительские комитеты, на которых доводили до сведения родителей задачи и методы воспитания, а также политику государства в области воспитания. Так, в докладе Я. Достойнова «Предметная система», прочитанного в родительском комитете Мариинской женской гимназии, разъяснялись прогрессивные идеи «свободной, самостоятельной личности» [45, с. 227]. Родительские комитеты обладали достаточно широкими полномочиями. При их участии обговаривались условия обучения крестьянских детей с последующим их принятием в высшие учебные заведения, открывались коммерческие классы при женских гимназиях с целью обеспечения учащимся «верного заработка на поприще ином, чем педагогическое» [203, л. 15].

Свою деятельность общественно-педагогическое движение осуществляло и через местную периодику, «оживляя» центральные издания губернии. В них появлялись статьи, преисполненные «отеческими убеждениями» об «обязанности родителей содействовать нравственному и умственному развитию детей». Так, неоднократно обсуждалась

проблема физического здоровья ребенка. Поднималась тема любви и целомудрия. Раскрывались понятия о роде, материнстве и отцовстве, браке, семейном ладе и доме. Анализировались «рациональные приемы природосбережения». Призывая к обязательному соблюдению правила православного христианина — любить ближнего как самого себя, — предлагались методы оказания необходимой помощи окружающим, попавшим в затруднительную ситуацию. Заострялось внимание на значимости в новых социально-экономических условиях таких ценностей, как достижение и успех, представляющих собой ориентир для «усердной работы»⁴².

Нравственно-просветительская работа среди крестьянского населения входила и в задачу народных чтений при бесплатных библиотеках. Повсеместно реализовывалась «широкая программа» «нравоучительного содержания для семейства», именуемая как «Отцам и матерям о детях» [122, с. 8].

Общественно-педагогическое движение в работе с семьей по вопросам духовно-нравственного воспитания опиралось на последние достижения научной педагогики. Повышению профессионализма учителей, непосредственно работающих с родителями, способствовали организованные в губернии лекции известных ученых. Среди них необходимо отметить уроженца Вологодской губернии Н. Ф. Бунакова (1837–1904), прогрессивные методы работы которого принимались, со слов самого автора, «с доверием и симпатией» [17, с. 101].

Заслуживает внимания педагогическое творчество вологодского учителя, краеведа Х. И. Пахолкова (1848–1918). Его труд «Опыт педагогической хрестоматии», популярный среди родителей и учителей, представлял собой научный сборник по «физической организации питомца» и был нацелен на обоснование «правильной активной жизни» ребенка в домашней обстановке [124, с. 3–4]. Х. И. Пахолковым в сотрудничестве с учителем начальной школы М. Куклиным была составлена книга «Вологодская губерния. Элементарный курс географии для низших классов городских училищ и элементарных школ». Несмотря на то, что эта книга выступала в качестве пособия по программе «Родиноведение», она пользовалась спросом и у родителей, которым была небезразлична история своего края [211, л. 1–2].

В новых социально-экономических условиях немаловажную роль в разрешении возникших трудностей семейного воспитания сыграла

⁴² См.: ВГВ. — 1869. — № 4, 52; 1871 — № 43; и мн. др.

община, которая составляла центр сельских коопераций, объединявших и религию, и общественно-педагогическое движение. Она была вызвана «стремлением залечить те раны, что наносит деревне современное социально-политическое положение государства» [104, с. 206].

В функции общины входили многие задачи. В соответствии с новыми социально-экономическими условиями жизни поддерживалось значение образования в семье, предлагалась посильная помощь как семьям, так и земским школам. Одновременно с этим стремились сохранить святость семейных уз: «осуществляли контроль к отходникам», прежде всего к главе дома; предпринимали различные меры, ограничивающие свободу семейных разделов; отстаивали народные юридические обычаи заключения брака. Последнее обстоятельство считаем необходимым пояснить читателю.

Вступление в брак жениха с невестой сопровождалось традиционно действием, именуемым на народном юридическом языке как «принятие в дом»⁴³ [146, с. 121]. Принятие в дом совершалось через письменные договоры, где оговаривались требования к принимающей («усыновитель») и принимаемой («приемыш», «усыновленный») сторонам. Наиболее строгие требования предъявлялись зятю, который обязывался содержать родителей жены до их смерти. Об этом свидетельствует, к примеру, содержание акта следующего характера: «Я К. принимаю его М. к себе в дом для поддержания хозяйства при старости моих лет с тем, чтобы М. вступил в брак с дочерью моей А. и затем оба они доставляли мне К. пропитание с семейством до смерти моей» [с. 125]. При этом усыновитель обязуется быть «хорошего поведения: повиноваться, не стеснять родителей жены, быть к ним почтительным» [с. 125–127]. Данное мероприятие расценивалось крестьянами как серьезное юридическое действо, о чем говорит обилие актов подобного рода.

Через общину коллективное сознание продолжало диктовать нормы поведения в обществе, отстаивая значимость такой ценности, как репутация. Строгая регламентация правил приличия не утратила своей силы. Девушек предупреждали «избегать тайных свиданий с парнями и ... более укрываться одеждой, а в разговорах с ними удерживаться неприличных выражений ... стесняться при них произносить соблазнительных неприличных речей» [193, л. 103.]. «Верхом безнравственности» считалось «обняtie девицею парня» [Там же, л. 112]. Девуш-

⁴³ Имеется в виду принятие жениха в родительский дом невесты.

кам возбранялось выходить поодиночке в общественные места, что признавалось зорным. Для свиданий строго оговаривались места встречи: в страду – это поле, где «на фоне летнего пейзажа» была возможность продемонстрировать свою «словность, красоту и вкус»; в зимнее время – посиделки и игрища. К юношам относились более снисходительно, однако его «честное поведение» было залогом уважительного отношения к нему всех членов крестьянской общины [Там же].

Осуществлялась ориентация на сохранение нравственных качеств в деловых отношениях и эмоциональном сознании: честности, справедливости, верности слову, чувства собственного достоинства.

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что в новых социально-экономических условиях во влиянии на семью в регионе не наблюдалось непримиримых противоречий и тем более противостояний государственных органов, религии, педагогической науки, общественно-педагогического движения и общины. Указанное выше противоречивое отношение семьи к традиционным ценностям возникло в результате резких социально-экономических изменений, но не в результате действий со стороны разнообразных социальных факторов. Социальные факторы, напротив, играли в целом позитивную роль в сохранении накопленного историей ценностного потенциала семейного воспитания с учетом новых обстоятельств. Решающее значение проявления этой позитивной роли имело именно отсутствие сознательных противостояний социальных факторов друг другу во влиянии на семью.

5.3. Преемственное развитие системы региональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.

Не прибегая далее к табличной форме анализа общего характера воздействий социальных факторов на семью (как это сделано в параграфе 1.3), проведем такой анализ описательно, обращая внимание на те традиционные и новые ценности, которые проявлялись как результат совместных позиций различных социальных факторов.

Поскольку *образование* становилось общепризнаваемой ценностью, то в образовательной политике наблюдалось единение позиций различных социальных факторов. Так, значительную роль в развитии церковных школ сыграли земства, подтверждая прочные исторически

сложившиеся позиции духовенства в жизни края. Совместное решение многих проблем в организации школьного дела определялось ориентацией крестьянства на духовные принципы, заложенные православием. Взрослое крестьянское население дорожило церковной школой, где учились читать при богослужении.

Заметно возрастают хлопоты отцов об обучении детей: «...учить детей грамоте родители теперь считают своим долгом и потому отдают в школу даже против их воли, приговаривая “охота дураком-то быть“» [191, л. 9]. В образовании своих детей крестьяне видели не только путь к их экономическому благополучию (обладание частной собственностью) и перспективы участия «грамотного» в земском самоуправлении (достижение и успех), что было, несомненно, важным для молодого поколения в новых рыночных условиях [163, с. 136]. Но не менее значительным было развитие земледельческого мастерства, когда само земледелие оставалось «альфой и омегой» жизни. «Наши тощие земли требуют знаний, – пишет этнограф. – Пора нам свыкаться с мыслью, что теперь труд земледельческий не может находиться без умственных усилий. Наука дает нам дренажа» [112, с. 78–79]. В связи с этим определяющими в воспитании подрастающего поколения становятся «рассудительность» и «деловитость»: «мужик зажиточный – значит он даровитый и дельный. Такому мужику каждый оказывает уважение» (!!!) [200, л. 106].

Мерилом оценки ума и характера стала способность нажить копейку и рационально ее применить, стремление к улучшению своего положения в повседневной жизни. Богатство признается наградой за труды, энергию и инициативу. Вспомним, с чем связывал корреспондент ВГВ становление «замечательной личности» купца Гладина. Конечно же, с упорной непосильной работой, от которой все отказывались, не веря в успех. «Почет и уважение у нас тому, у кого много хлеба и который, значит, погнул порядочно свою спину», – свидетельствует корреспондент российского этнографического общества Я. И. Кузнецов [200, л. 44]. В противовес ставится доставшаяся по наследству состоятельность крестьянина, который по своей «глуповатости» («скорее от лени, чем от незнания») не сумел ее не только превеличить, но и сохранить. Такого все сторонились и всегда над ним смеялись, особенно те, кто своим трудом сумел подняться над чертой бедности [Там же, л. 106]. За растрату имущества зажиточный крестьянин терял уважение к себе односельчан.

Определяющей нравственной ценностью зажиточных крестьян стало «читать доктрину – люби ближнего своего», проявляющейся в стремлении вносить «часть своего наличного капитала за недоимки общества», «хлопотах при постройке храма» и т. д. [199, л. 3]. К таким людям обращались за советом.

В укладе жизни крестьянской семьи начинает прочно утверждаться смягчение внутрисемейных отношений. Ярким примером гуманизации межличностных взаимодействий в семье является «безропотная передача первенства» более умному [183, с. 108]; все возрастающая активность младших «в особенно важных случаях» разрешать наравне со взрослыми семейные проблемы, принимать участие в обсуждении экономических вопросов домашнего хозяйства, держась со старшими «на равной ноге» [134, с. 142]; включение детей во вспомогательные работы «исподовольно, по возможности без принудительных сил»; проявление «заботливости и нежности мужа» к жене, стремление заменить грубое обращение как к детям, так и взрослым. Как результат – возникновение новой нравственной ценности: «общее согласие семейников», которое позволяло «держаться с достоинством» всем членам семьи [198, л. 3; 212, л. 47].

Заметно повысилась, не упраздняя заботу о воспитании детей, социальная активность женщин, которые «заговорили о новых женских правах» [135, с. 184]. Мнение, что «женский элемент гораздо развитие и умнее мужицкого», стало утверждаться в крестьянском сознании [123, с. 2–3]. Женщина в семье, оставаясь главной хранительницей семейного очага, становится, как пишет Г. Потанин «специалисткой, мастерицей» [135, с. 184]. Автор называет ее так не случайно, признавая, что она начинает исполнять воспитательную роль в отношении мужа. Женщина («современная») вводит в дом чистоплотность, обшивает мужа пестрядинными рубашками и снабжает носовыми платками, усложняет кухню – все то, что позволяет семье обрести «культурное начало». Как следствие – мужчина «исподволь привыкает к комфорту и начинает в женщине ценить именно искусство его создавать» [Там же].

Родители стремились воспитать «достойных женихов или невест», то есть «способных к работе» и «трудолюбивых». Девушку не выдавали замуж до тех пор, пока она не приобретет опыта работницы [193, л. 146]. Какое значение имело это обстоятельство, можно судить по сохранившемуся своеобразному обычаю «показа подолов», применяемого при смотре невесты в присутствии посторонних. Парни подходили к девицам вместе с пожилой женщиной, и она, поднимая у де-

виц сарафаны, показывала вышитые подола рубаш. По подолом женихи судили, умеют ли ткать, прясть, шить, плести кружева будущие жены. Работоспособность девицы считалась ее главным достоинством [208, л. 4 об.]. В выборе жениха обращалось внимание, например, на «умение налопатить косу»⁴⁴, в чем проявлялась большая ловкость и сноровка [199, л. 1–2].

Подготовка детей к самостоятельному ведению хозяйства имела целенаправленный половозрастной и дифференцированный характер. Половозрастная дифференциация детей воспринималась в семье как естественная биологическая данность, значение которой определялось исторически сложившимися нормами трудовой жизни отца и матери. Свидетельство тому – сохранившийся подражательный характер первых проявлений трудовых элементов. Так, мальчики «с усердием настоящего хозяина» занимались устройством шалашей из досок, строили мельницы на ручьях, рылись в земле, «воспринимая ее как настоящие гряды». Девочки плели из бересты «зыбки», шили кукол из лоскутков «с шамшурами»⁴⁵ на голове, ухаживая за ними как за настоящими, представляя женщину с грудным ребенком; стряпали маленькие пироги из глины – «точная копия по форме с больших домашних пирогов» и т. д.

В более старшем возрасте девочки принимали участие в воспитании младших. Свою первую «материнскую» функцию выполняли «с усердием и прилежанием», стремясь точно повторить все детали воспитания своей матери. В отсутствие родителей они их умывали, одевали, кормили, играли. Умело убаюкивая детей, напевали колыбельные песенки, «стараясь воспроизвести монотонность звучания, неторопливость исполнения, когда-то услышанные в детстве». По традиции старшая в семье девочка последующей за ней сестре передавала навыки ухода за детьми, приобщала к песенной и сказительной культуре. Только при такой последовательности дети становились «настоящими» помощниками: юноши приобретали все земледельческие навыки, а девушки – навыки ведения домашнего хозяйства [191, л. 7–8; 195, л. 42; 212, л. 39].

Половозрастная дифференциация распространялась и на гардероб ребенка. Дети до 15 лет имели немного одежды: до 5 лет – ситцевую

⁴⁴ Имеется в виду – наточить косу. Точили косу брусом, который в народе называли «лопаткой» (прим. авт.).

⁴⁵ Шамшура – женский головной убор, холстинный чепец (прим. авт.).

или домотканую рубаху, такой же сарафан, шапку, картуз, валеные сапоги, в весеннее или осеннее время – кожаные сапоги; с 5 до 15 лет одежды прибавлялось, но немного. К 20-летнему возрасту заводили «полный наряд», то есть «приобретали праздничную одежду». Особо выделяли девушку-невесту, которой собирали девичье имущество, отходившее в ее собственность после замужества.

Определяющим направлением жизни крестьянской семьи оставалась публичность, ориентированная на сохранение таких нравственных ценностей, как взаимная поддержка, чувство собственного достоинства, честность, верность слову; правдивость и «цельность натуры» любого из местных крестьян поражала «жителей культурных центров», которые не встречали ни одного случая обмана [188, л. 1; 12, л. 40]. Г. Потанин описывает очень интересный случай, свидетелем которого он был сам. Мальчик лет девяти принес домой налима, вынутого из чьей-то ванды⁴⁶, чьей – нельзя было узнать, потому что их всех снесло прибывшей от дождя водой и разбросало по берегу. Отец и мать ребенка решили сварить налима. Однако сын запротестовал, настаивая, что рыбу следует отнести соседу, которому, по его догадкам, и принадлежит ванда. «Взять рыбу я могу тогда, – сказал ребенок, – если сосед не признает в ней своей добычи» [135, с. 171].

Эти нравственные устои оставались незыблемыми, объективным фактором их являлось общинное владение землей, лесами и водами, то есть важнейшие и определяющие элементы производительных сил в сельском хозяйстве. Так, большие выкупные платежи за землю выплачивались всем миром, на основе круговой поруки. Если кто-то из членов крестьянского общества по каким-либо причинам (пожар, болезнь и т. д.) не мог уплатить всех этих платежей к новому году, то его часть распределялась на все общество, которое вносило подати, а потом уже взыскивало с неисправного плательщика.

Понятие о справедливости как высшем проявлении общинного сознания позволило сохранить общинный характер пользования сенокосными угодьями: копны сена самый старший разделял на хорошие и плохие. На каждую душу давалось по одной из них, очередность которой отбиралась жеребьевкой. Это распространялось и на уборку зерновых. Никто не хотел отставать, поскольку по ее окончании с согласия мира открывалась изгородь для прохода в сжатое поле скота. Для одного заленившегося срок ее открытия не продлевался, поэтому все

⁴⁶ Ванда – ловушка для рыбы (прим. Г. Потанина).

старались работать дружно. Однако, как не было снисхождения для нерасторопного, так не было преимущества и для «великоватажного»; кончив свои полосы раньше других, он не имел права впустить свой скот, пока «весь мир не отжнется» [135].

Индивидуализм не стал приоритетным направлением семейного воспитания.

Между крестьянскими семьями продолжал превалировать личностный характер общения, о чем говорит не угасающее чувство гостеприимства, щедрости и радушия «истинного севернорусского хозяина», всегда приглашавшего проезжающих оставаться на ночлег. Признаком простоты общения, равенства и традиционного дружелюбия можно назвать сохранившееся обращение на «ты» [188, л. 1].

Имеются сведения о том, что православная вера не представляла как слепая убежденность, а соединялась со знанием тех принципов, которые формировались и внедрялись в качестве истины. «Никому не поверю, что наши духовные школы и учителя плохи; мы плохи, это правда», – признается один из опрашиваемых крестьян корреспонденту ВЕВ [149]. И далее поясняет, что вера предполагает не только сознательное убеждение в истинности предписаний религии, но и решимость их придерживаться.

Главным образом в силу религиозных убеждений родители оставались «авторитетными советчиками» во всех важных делах «по гроб жизни», что подтверждает сохранившееся верование о значении родительского благословения, которое предопределяло богатую и счастливую жизнь.

Уважительное отношение к старикам в семье, повиновение родителям уже взрослых детей, беспрекословное исполнение обязанности кормить и поить родителей в старости – все это сохранялось в семейной жизни. Этим можно объяснить тот факт, что кровная связь в крестьянской семье сохранялась крепкой: никогда своего не променяют на другого, свой своему – поневоле брат. Сам обычай раздела имущества говорил о неразрывных семейных отношениях, когда «дележ ... сопровождался разрезыванием каравай хлеба ... и вместо «давай делиться» говорили: «давай краюху пополам»» [194, л. 9; 198, л. 3].

Вследствие разумного разрешения сложившихся трудностей семейного воспитания вполне закономерным можно назвать сохранение верности родной земле. Случаев массового переселения крестьян в другие губернии не наблюдалось: «И любят свой край, и желают ему счастья» [216, л. 2, 2 об.].

Итак, в новой, сложной социально-экономической ситуации второй половины XIX – начала XX в. региональной русской семьей были преодолены трудности и противоречия, связанные с выбором ценностных ориентаций духовно-нравственного воспитания в семье. Главным условием этого послужили согласованные действия государства, религии, педагогической науки, общественно-педагогического движения и крестьянской общины в вопросах домашней педагогики. Совпадение установок обеспечило семье их наиболее легкое восприятие, сохранение традиционных и развитие новых духовных и нравственных ценностей.

Вышесказанное отражено в таблице 11.

Таблица 11

Система позитивных национально-региональных ценностей воспитания в русской семье, сложившаяся во второй половине XIX – начале XX в.

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3
Семья как субъект национальной культуры		
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа		
1. Культурно-национальная и кровная самооцен-ность семьи	Кровное род-ство	Почитание предков, признательность и благодар-ность предкам, гордость за принадлеж-ность к своему роду
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье, воспитание в нем чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самостоятельности, инициативности
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, предупредительность, жалостливость, попечительность, просвещенность, социальная активность
	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина

	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство (чрезвычайное), доброжелательность, привязанность к своей обители, домоседство, хлебосольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость, опрятность, чистоплотность
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушность, единение, приноравливание, уступчивость, семейная солидарность
	Брак	Моральная ответственность друг перед другом
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость, искренность, верность (нравственное и духовное единение)
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии, знание законов природопользования
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, невероятное терпение и настойчивость, энергичность, смекалка, находчивость, мастерство, деловитость, чувство гордости за результаты своего труда, дисциплинированность, самоорганизация, умение спланировать рабочий день, рациональная предприимчивость, умение жить в достатке, профессиональное отношение к труду
	Хлеб	Забота об урожае, трепетное отношение к хлебу
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, мужественность, ловкость, проворность, привычка к долготерпению, жизненная активность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, смелость, бесстрашие, отважность, мужество, храбрость, жертвенность, полезность Родине, знание ее истории, любовь и верность своему краю, национальная гордость
	Держава	Знание законов государства, благонравие, добродетельность, законопослушание при относительной автономии, гражданственность

Коллективизм	Единодушие, ответственность, обязательство друг перед другом, забота о материальном достатке ближнего
Соборность	Милосердие, сопереживание, житейская отзывчивость, сострадание
Добро	Доброжелательность, доброделание, добро-толюбие, добродушие
Вера	Уверенность
Надежда	Оптимизм, умение радоваться жизни, остроумие, терпение, вера в свои способности противостоять трудностям, умение преодолевать трудности спокойно, с достоинством, сила воли, твердость характера в преодолении трудностей
Красота	Стремление к красивому и изящному
Свобода	Свободолюбие, духовная самостоятельность, простота души, чувство собственного достоинства
Правда	Безмерная честность, бесхитростность, прямо-душие, доверчивость, совестьливость, верность слову, искренность, доверительность
Равенство	Признание и уважение прав другого, справедливость, гуманное отношение к другим
Репутация	Стремление к положительному мнению в обществе о себе, поддержание положительной репутации о себе, высокие требования к себе
Достоинство	Ощущение собственной значимости в общественном деле, умение признавать в себе и в других положительные качества
Гражданский мир	Миролюбие, дружелюбие, уважение чужой самобытности, терпимость к чужому мнению, поведению, умение ладить с другими, немстительность, незлопамятство
Образование	Образованная личность, сознательное просвещение
Личность	Самодостаточность, стремление к личной самореализации, признание личных прав в семье
Обладание частной собственностью	Стремление к зажиточной жизни, хозяйственная предприимчивость, личная творческая инициатива, чувство уверенности, уважение чужих полномочий, хозяйственная солидарность
Практицизм	Стремление к достижению и успеху в обществе, улучшению своего положения в повседневной жизни

5.4. Региональные духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. в их отношении к общенациональным ценностям

В результате проведенного исследования нами получены две системы позитивных традиционных национально-региональных ценностей: сложившаяся до второй половины XIX в. (представлена в табл. 2 текста) и второй половины XIX – начала XX в. (представлена в табл. 11 текста). Сравним полученные данные двух систем, чтобы увидеть влияние новых социально-экономических условий периода второй половины XIX – начала XX в. на духовно-нравственное воспитание в региональной семье. Зафиксируем полученные данные в таблице 2 (см. приложение 2), чертой выделив новые духовные и нравственные ценности.

Сравнение данных таблиц позволяет сделать следующие выводы.

В новых социально-экономических условиях в семейном воспитании в Вологодской губернии наблюдается, с одной стороны, устойчивость традиционных ценностей воспитания (как духовных, так и нравственных), с другой – содержательное обогащение устойчивых традиционных духовных ценностей за счет введения новых нравственных, с третьей – введение новых актуальных духовных ценностей и исчезновение потерявших свое значение некоторых нравственных ценностей. Покажем это на примерах.

Основу семьи, как и прежде, закладывал брак, рассматриваемый православным крестьянином в качестве «домашней церкви». Брак оставался святым, потому что он воспринимался предвосхищением Царства Небесного и тем самым уже составлял маленькое царство.

Такое понимание сущности брака исходило из устойчивых воззрений на православную веру, на которую крестьянин смотрел как на залог семейного и общественного счастья. Православие придавало внутреннюю определенность семейной жизни крестьянина.

Однако почитание святости как главного источника нравственного питания шло на убыль: старая вера слабела. Святость, навеки незыблемая в крестьянской семье как ее достояние, обогащалась новыми ценностями: должен был во весь рост встать свободный человек. Но, как показало исследование, понятие «свобода» и так прочно занимало одно из центральных мест в иерархии ценностей крестьянства Вологодской губернии. Здесь стало важным соотношение категорий «свобода» и «вера», о чем будет говориться далее.

В сознании крестьянина прочно закрепилось понимание того, что сущность брака неразрывно связывается с понятием рода. Жизнь в семье – это, прежде всего, личные отношения, естественные узы крови. Духовное единство между всеми членами семьи основывалось на семейном ладе и личном достоинстве. Из первого источника происходило сострадание и взаимопомощь, из второго – уважение и доверие.

Муж и жена, являясь представителями рода, соединившись, представляли преемственный род, в котором ребенок – продолжение рода. Рождение детей оставалось одной из важнейших целей крестьянской семьи.

Духовной основой брака все также признавалась любовь. Муж и жена силой своей любви помогали друг другу реализовать себя в своем предназначении, развить свой духовный потенциал. С рождением детей супружеская любовь естественным путем переходила в любовь родительскую. Любовь в крестьянской семье имела три стороны: любовь между супругами, любовь родителей к детям, любовь детей к родителям. Любовь мужа и жены достигала своей вершины в любви матери и отца. Деторождение – главная цель и смысл брака.

Однако особое значение имело не только и не столько рождение, сколько воспитание. От воспитания детей зависело еще одно проявление любви – любовь детей к родителям. Воспитать уважение детей к себе – было долгом родителей. Семейная педагогика утверждала, что дети, мало имеющие любви к матери и отцу, мало отдавали им почтения. Почтение родителей признавалось первым в любви ближнего. На этом основывался культ предков, рассматриваемый впоследствии как этика взаимоотношений поколений.

Такая духовная атмосфера в семье (а в домашней педагогике родители отдавали приоритет отношению друг к другу, а не словам и нотациям) была способна привить ребенку потребность в чистой любви. Чистота любви, рассматриваемая как эротическая сторона крестьянской семейной жизни, предполагала, что во всем и всегда есть некая правильная мера. Чистота любви подсказывалась живым чувством такта и в особенности свойственным женщине естественным целомудрием.

Итак, любовь в различных ее проявлениях – традиционно духовная сила крестьянской семьи.

В то же время условием успешности брака стало признаваться равноправие. В брачной жизни супруги стремились образовать как бы одну нравственную личность, движимую и управляемую рассудком

мужа и вкусом жены. Семья крестьянина по природе своей была изначально призвана дарить два важнейших идеала воспитанию: идеал чистой матери, несущий любовь, милость и защиту, и идеал благого отца, дарующий питание, справедливость и разумение. Сознание нравственного закона, истины, приличия тесно связывалось с сознанием другого (право на выражение личного мнения и суждения). Традиционная этика внутрисемейных отношений обогащалась понятием о семейной солидарности.

В отечественной педагогике второй половины XIX – начала XX в. необходимым призывом был призыв к повышению человеческой активности и человеческого творчества.

Задачей родителей ставилось помочь ребенку поверить в свои силы, творческую свободу, способствуя тем самым формированию воли, причем любой поступок стал расцениваться как нравственный только тогда, когда человек руководствовался при этом собственной волей, а не волей родителей, страхом наказания. Тем самым ребенок учился пробивать себе в жизни дорогу при помощи собственной инициативы и в то же время высоко ценить и соблюдать принципы взаимопомощи. Следовательно, с одной стороны, он приобретал самостоятельность, с другой – верность.

Однако в крестьянской семье способность к самоорганизации всегда была велика. Как было показано выше, географическое положение Вологодской губернии было таковым, что крестьянин природными условиями принужден был к самоорганизации, поддержанию и сохранению миропорядка. Самоорганизация была условием его самосохранения. Признавая власть, державу, в то же время в крестьянской семье привыкли возлагать организацию жизнедеятельности на самих себя. Нравственная самодисциплина ребенка изначально рассматривалась как отдельная самостоятельная воспитательная задача. Это был источник формирования его свободы, как внутренней, так и внешней.

Внешняя свобода проявлялась в относительной самостоятельности от государственной власти. Социальным авторитетом для крестьянского мира всегда выступали интересы общины в целом и интересы отдельного ее представителя (крестьянской семьи) в частности.

Внутренняя свобода проявлялась в понимании того, что свободен не тот, кто предоставлен сам себе, а тот, кто приобретает способность владеть собой (идеал дисциплинированного человека). В данном случае у ребенка (а позднее – взрослого члена крестьянского общества) возникала возможность управлять внешними обстоятельствами, коими

виделись принуждения и запреты самодержавия в вопросах землеустройства; потребность в санкции власти не была определяющим ориентиром жизнедеятельности.

Исходя из вышесказанного, возникает закономерный вопрос: что нового привнесла пропаганда свободы и личного достоинства в частную жизнь крестьянина?

Изменения коснулись одной из главной духовной ценности крестьянского мироздания – труда: появилась возможность своей самодеятельностью и достоинством приобрести себе достаток. Все четче утверждается мысль о том, что трудолюбие – не только безопасность от недостатка, но и возможность увеличить свое состояние, т. е. обладать частной собственностью.

Вопрос об обладании частной собственностью был одним из злободневных в период становления социалистического пространства на территории России. Идеология социализма отрицала его необходимость и, напротив, подчеркивала губительное влияние на развитие коммунистических отношений в обществе (равенство во всем, в том числе и в имущественном праве). Поэтому считаем целесообразным более подробно остановиться на том, что в сущности представляло собой это явление и каково было его значение для домашней педагоги крестьянской семьи периода второй половины XIX – начала XX в.

Обладание частной собственностью рассматривается как жизненная целесообразность, удовлетворение *естественного права человека* на самодеятельность, которая повышает уровень и качество жизни. Человеку от природы реально дан индивидуальный способ бытия, последствием которого является создание индивидуальной хозяйственной культуры. Общение с материальным миром первично: оно становится основной формой жизнедеятельности человека. Хозяйственный процесс есть творческий процесс. Человеку дано художественно индивидуализировать свое отношение к внешним вещам: человек вкладывает свою личность в жизнь вещей и в их совершенствование. Частная собственность, таким образом, по своей природе имеет два значения: хозяйственно-производственное и духовно-творческое.

В связи с этим в крестьянской семье, члены которой всю свою жизнь отдавали земледельческому труду, и возникает необходимость воспитать в ребенке стремление к обладанию частной собственностью, для того чтобы стать лучшим и жить лучше, при этом нестяжательство теряет свою актуальность. Реализация данной воспитательной задачи позволяла:

- удовлетворять естественного права ребенка на духовную самостоятельность, творческую самостоятельность в хозяйстве;
- развивать в ребенке хозяйственную предприимчивость и личную инициативу;
- формировать в нем как будущем собственнике чувство уверенности;
- учить ребенка творчески любить труд и землю – основу трудовой крестьянской жизни;
- духовно единить семью, вовлекая всех ее членов в совместную хозяйственную деятельность;
- воспитывать в ребенке правосознание, обучая его разграничивать «мое» и «твое»; приучая его к правовой взаимности и уважению чужих полномочий;
- воспитывать в ребенке хозяйственную солидарность, понимание того, что конкуренция сособственников ведет к творческому напряжению, необходимому для государственной экономики.

Итак, в крестьянской семье растет осознание того, что имущество возникает в результате труда и высокой самодисциплины. Отсюда новое направление в воспитании – воспитать ребенка, который умел бы внутренне уважать самого себя и утверждать свое достоинство и свою свободу через трудовую самоорганизацию. Но и не только.

Вернемся к такой духовной ценности, как «держава», или «государство». Понятие «государство» в его духовной сущности в период второй половины XIX – начала XX в. стало интерпретироваться как Родина, оформленная публичным правом. Цель государства как некоторой духовной общины – правовое оформление государственного устройства, важными составляющими которого признаются не только государственная власть и правопорядок, но, в первую очередь, правовая солидарность. Следовательно, в воспитании потребности к обладанию частной собственностью исходило желание родителей видеть своего ребенка собственником, признающим и уважающим права другого собственника.

Призыв отечественной педагогики рассматриваемого исторического периода – повышение творческой активности ребенка – сочетался с другим призывом – быть полезным своему отечеству, для чего необходимо было иметь определенную степень образованности, или, как писали в то время, просвещенности.

Как показало исследование, идеи просвещенности прочно заняли свои позиции в системе духовно-нравственных ценностей семейного

воспитания. Однако просвещенность в крестьянской семье не заменяла веру.

Необходимо отметить, что русский язык в силу своей многогранности придает идее «веры» два различных значения: одно связывает с потребностью верить, а другое – со способностью веровать. Верят все люди, сознательно или бессознательно; веруют далеко не все.

Так, крестьянин оставался верен своей земле. Он любил свою землю во всех ее противоречиях. Без любви к своей родной земле он был бессилен что-либо сотворить. Но любовь крестьянина к земле не была рабством его по отношению к земле, не была пассивным в нее погружением. Любовь к земле воспринималась как признак мужественности и трудолюбия.

Ворование же в крестьянской семье расценивалось как опыт душевного состояния, опыт творческой жизни. Если раньше единственным источником такого опыта был Христос, его путь из жизни мирской в жизнь вечную, то теперь становится свободный человек, созданный по образу и подобию Божьему. В крестьянской семье растет осознание того, что формирование свободного человека возможно лишь только по пути просвещения. Цель просвещения – познание себя как человека разумного, не исключая при этом значения своей божественной сущности. Следовательно, просвещение (прежде всего, материальный опыт) и верование (духовный опыт), органически дополняя друг друга, не вносили противоречий в ценностный мир домашней педагогики крестьянской семьи.

Подведем итог вышесказанному.

Анализ содержания системы позитивных национально-региональных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания, сложившихся во второй половине XIX – начале XX в., позволяет заключить, что в новых социально-экономических условиях региональная крестьянская семья в качестве главных ориентиров своей воспитательной практики отстаивала традиционные ценности, которые придавали ей характер самоценности. Это обеспечивало ее духовную целостность и экономическую сохранность.

В то же время региональная крестьянская семья никогда не была абсолютно независимой единицей, она неотрывна от общественных и государственных процессов. Это подтверждается появлением в семейной педагогике новых духовных ценностей и обогащением ранее утвердившихся, ставших традиционными духовных ценностей за счет введения новых, их конкретизирующих, нравственных. Стремясь к

самосохранению, крестьянская семья принимает в качестве главных воспитательных ориентиров материальные потребности современной жизни, но при этом данные потребности подстраивает под свои духовные интересы. В этом велика роль как социальных факторов развития, единение их позиций в области вопросов семейного воспитания, так и духовных приоритетов жизнедеятельности самой крестьянской семьи.

В целом система национально-региональных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания в сложный исторический период России развивалась по механизму преемственности. Это подтверждает мысль о том, что семья как социальный институт распадается не от ускорения исторического темпа, а от духовного кризиса, который лишает ее прочного и достойного единства.

Далее покажем соотношение систем национально-региональных и национальных ценностей семейного воспитания, сложившихся во второй половине XIX – начале XX в. (на основе сравнения таблиц 10 и 11), чтобы увидеть влияние региональных особенностей, проявляющихся в изучаемый период, на систему ценностей семейного национального воспитания. Фиксируя полученные данные в таблице 3 (см. приложение 2), приходим к следующим выводам.

Региональная система ценностей семейного воспитания содержала те же традиционные ценности, что и общенациональная система. Утверждение традиционных ценностей русской семьи как основы духовно-нравственного воспитания в русской региональной семье закладывает понимание того, что русская региональная семья является субъектом национальной культуры.

Заметно влияние новых социально-экономических условий на обе системы ценностей: они содержательно изменялись. Изменения коснулись как духовных, так и нравственных ценностей. Но в этом вопросе есть некоторые различия. Если возникновение новой духовной ценности в системе общенациональных ценностей было связано с возникновением новых потребностей всей страны, то в региональной – потребности не только страны, но и региона.

Итак, во второй половине XIX – начале XX в. система национально-региональных ценностей преемственно развивалась вместе с общенациональной, в то же время дополняла и расширяла ее. В этом – историческая роль региональных особенностей, которые содержат в себе свои, дополнительные ресурсы для дальнейшего преемственного развития системы как национально-региональных, так и общенациональных ценностей семейного воспитания.

Как, наверное, уже стало понятно читателю, обращение к истокам становления и преемственного развития традиционных национальных ценностей воспитания в русской семье продиктовано отсутствием единых духовных ориентиров современной семьи в ее воспитательной практике. К каким выводам пришел автор в результате последовательного изучения проблемы?

Исследование историко-культурного развития семейной аксиологии до второй половины XIX в. позволило, во-первых, зафиксировать нелинейное накопление компонентов семейного воспитания: в разные периоды развития страны доминирующими становились разные духовные ценности, их совокупности; во-вторых, выявить совокупность устойчивых доминирующих компонентов семейного воспитания, повторяющихся в разные историко-культурные периоды до второй половины XIX в.; в-третьих, представить данную совокупность как систему позитивных традиционных национальных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания.

В монографии раскрыт механизм становления национально-региональной системы духовно-нравственных ценностей семейного воспитания. Ценности воспитания в русской семье в региональных условиях, вырастая на этногенетической почве, выступают как наличный мир духовно-нравственных потребностей, развивавшихся и веками адаптировавшихся жизненной активностью семьи к конкретным местным условиям. Региональные условия жизнедеятельности семьи имеют природно-географические, социальные и этнические особенности, каждая из которых имеет наибольшее значение для формирования содержательной специфики отдельных базовых (традиционных) духовных ценностей семейного воспитания. Эти базовые духовные ценности определяют возникновение других духовных, а также нравственных ценностей, их содержательное своеобразие и нюансы.

Традиционная национально-региональная система духовно-нравственных ценностей семейного воспитания имеет как общие, так и особые черты по отношению к традиционной общенациональной системе: содержит те же базовые общерусские духовные и нравственные ценности, содержательно обогащает базовые национальные духовные ценности, культивирует другие духовные ценности, дополняет совокупность нравственных ценностей другими ценностными смыслами воспитания.

В результате исследования приходим к выводу, что коренные социально-экономические преобразования в России во второй половине XIX – начале XX в. оказали существенное влияние на духовно-нравственное воспитание в русской семье. На социально-психологическом уровне мы проследили это применительно к региональным условиям. Преобразования, накладываясь на традиционный патриархальный уклад жизни, обусловили:

- противоречивое отношение к традиционным семейным ценностям;
- проблемы и трудности духовно-нравственного воспитания в семье;
- нарастание тенденций разрушения традиционных семейных ценностей;
- недостаточную возможность адекватного проявления ранее накопленного воспитательного потенциала семьи.

Есть основание предполагать, что подобное было типичным для различных регионов России.

В результате исследования выявлено два рода факторов, оказавших свое воздействие на духовно-нравственное воспитание в истории русской семьи, в том числе в модернизационный период:

- социальные факторы меняющегося (со временем) содержательного воздействия (государство, религия, крестьянская община, педагогическая наука, общественно-педагогическое движение);
- факторы относительно постоянного содержательного воздействия (нация, род, природно-географическая среда).

В период социально-экономических преобразований во второй половине XIX – начале XX в. решающую роль в сохранении региональной семьи как сферы воспитания, в преодолении трудностей и разрешении возникших противоречий семейного воспитания сыграло разумное и согласованное воздействие на семью совокупности социальных факторов, проявлявшихся в регионе: государственных органов, религии, крестьянской общины, педагогической науки, общественно-педагогического движения. Социальные факторы активно, целенаправленно и достаточно согласованно отстаивали базовые ценности воспитания, одновременно прокладывая дорогу новым семейным ценностям, адекватным новым обстоятельствам. Под их влиянием традиционные и вновь возникающие ценности воспитания не противоречили друг другу, а встраивались в изменяющийся уклад жизни; традиционные ценности обогащались новым содержанием, новые находили опору в традиционных основах семейного воспитания.

Согласованные воздействия внешних социальных факторов в регионе на семейное воспитание обеспечивали их наибольшую восприимчивость семей.

Изучение проблемы выявило влияние модернизационных процессов периода второй половины XIX – начала XX в. на содержание систем традиционных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания.

Национальная система ценностей преемственно развивалась: сохранялись и отстаивались традиционные ценности воспитания, содержательно обогащались (изменялись) ранее сложившиеся духовные ценности, появлялись новые духовные (образование) и нравственные ценности воспитания.

Национально-региональная система ценностей характеризовалась, с одной стороны, устойчивостью традиционных национально-региональных ценностей, с другой – появлением новых духовных ценностей, с третьей – обогащением традиционных национально-региональных духовных ценностей за счет введения новых нравственных ценностей, с четвертой – потерей изначального смыслового содержания некоторых духовных и нравственных ценностей. В целом система национально-региональных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания в сложный исторический период России преемственно развивалась.

По результатам исследования нами определено значение региональных особенностей для становления и сохранения семейного воспитания:

- регион вносит свой вклад в накопление и содержательное обогащение системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье;

- в нем могут по-особому проявляться все социальные факторы для позитивного решения проблем семейного воспитания, возникающих в модернизационные периоды;

- региональные особенности содержат в себе свои, дополнительные ресурсы для дальнейшего преемственного развития системы ценностей семейного воспитания.

В этом состоит историческое значение региональных особенностей.

Результатом исследования является также обобщение условий сохранения и преемственного развития позитивных ценностей духовно-нравственного воспитания в русской семье:

– складывающееся изначально многообразие духовных и нравственных ценностей воспитания, позволявшее русской семье гибко адаптироваться к исторически меняющимся социальным обстоятельствам;

– согласованное и разумное позитивное воздействие на семейное воспитание социальных факторов (государство, религия, крестьянская община, педагогическая наука, общественно-педагогическое движение);

– самосохранение и самовоспроизведение семьи как субъекта национальной культуры в результате ее активно-адаптивной жизнедеятельности.

Наше исследование показывает, что модернизационные социально-экономические процессы, какими бы глубокими они ни были, сами по себе не имеют решающего значения в изменении (разрушении) традиционных духовно-нравственных ценностей семейного воспитания. *Решающая роль в их изменении и (или) сохранении принадлежит согласованным и разумным действиям государственных, общественных, научных структур и активной позиции самой семьи.*

Анализ соотношения систем ценностей семейного воспитания в различные исторические периоды привел к ряду других выводов.

– Целостная система духовно-нравственных ценностей русского семейного воспитания является исторически подвижной: в ней наблюдается сохранение традиций, их содержательное обогащение, появление новых духовных и нравственных ценностей, разрушение отдельных ценностей (или отказ от них). Основой системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье всегда выступали духовные этнические константы: заглавные и базовые духовные ценности.

– Устойчивая система ценностей, сложившаяся до конкретного исторического периода, выступает как традиционная. Функционирующая и развивающаяся система ценностей в данный (рассматриваемый) период времени является исторически современной. Поэтому система ценностей семейного воспитания второй половины XIX – начала XX в. будет исторически современной по отношению к системе ценностей, определившихся до второй половины XIX в., но она же будет выступать как традиционная по отношению к последующим периодам истории страны.

– Русская семья, как субъект национальной культуры, в ходе исторического развития накопила силу самосохранения и самовоспроиз-

водства, источник которого составляют традиционные духовные и нравственные ценности.

Результаты исследования подтвердили актуальность обращения к культурному наследию в духовно-нравственном воспитании в семье. Раскрытые в исследовании условия решения проблем семейного воспитания в кризисные периоды открывают возможность улучшить современное семейное воспитание в России и оздоровить ситуацию в обществе в целом.

Проведенное исследование позволяет сделать выводы рекомендательного характера:

– в целях создания единой духовной основы современной практики семейного воспитания насыщать государственные федеральные и региональные документы материалом, ориентирующим на сохранение традиционных и поддержание новых позитивных ценностей семейного воспитания;

– в образовательный процесс (с учащимися, педагогами, родителями) вводить содержательные выводы исследования, раскрывающие значимость общенационального и регионального опыта преемственности и развития традиционных ценностей семейного воспитания.

В качестве заключения хотелось бы напомнить слова известного педагога начала XX в. Н. К. Грунского, ставшие непреходящей аксиомой семейной педагогики: «Так как семья служит основой обществу, государству, то и само культурное состояние народа находится всегда в прямом отношении к культурному состоянию его семьи ... хорошо ли дурно будет воспитание, первоначально получаемое человеком в молодости в семье, оно даст соответствующих членов общества, обладающих большей или меньшей степенью цивилизации и гуманности» [35].

Список литературы и архивных источников

1. А. Кое-что о здешней природе жителей и их нуждах / А. // ВГВ. – 1863. – № 18. – С. 57 – 58.
2. Аврамов В. Жители Яренского уезда и их хозяйственный быт / В. Аврамов // ВГВ. – 1859. – № 29. – С. 247–249; № 31. – С. 272–274; № 32. – С. 283; № 35. – С. 307–310; № 36. – С. 316.
3. Арепьев Н. Ф. Родительские кружки и союзы. Родительский кружок в Петербурге / Н. Ф. Арепьев. – СПб., 1906. – 115 с.
4. Арсеньев Ф. А. Очерк кубенского края / Ф. А. Арсеньев // ВГВ. – 1863. – № 10. – С. 31–32.
5. Арсеньев Ф. А. Очерк кустарных промыслов по изделиям, собранным Вологодским губернским земством / Ф. А. Арсеньев. – Вологда, 1882. – 60 с.
6. Бакланова Е. Н. Переписная книга 1717 г. как источник по истории крестьянской семьи в Вологодском уезде / Е. Н. Бакланова // Материалы по истории Европейского Севера СССР. – Вологда, 1970. – С. 170–181.
7. Балакшин Р. А. Родной город / Р. А. Балакшин // Избранное: В двух книгах. – Вологда, 2005. – С. 6–17.
8. Белов В. И. Лад. Очерки о народной эстетике / В. И. Белов. – М.: Молодая гвардия, 1989. – 421 с.
9. Бердяев Н. А. Метафизика пола и любви / Н. А. Бердяев // Бердяев Н. А. Новое религиозное сознание и общественность. Сочинения. – М.: Канон +, 1999. – С. 213–249.
10. Бердяев Н. А. Эрос и личность. Философия пола и любви. – М.: Азбука, 2008. – 224 с.
11. Берштейн Б. М. Традиция и социокультурные структуры / Б. М. Берштейн // Советская этнография. – 1982. – № 2. – С. 107–109.
12. Бехтерев В. М. Вопросы воспитания в возрасте первого детства в связи с постановкой его в Педологическом институте / В. М. Бехтерев // Образование. – СПб., 1909. – № 2. – С. 24–60.
13. Боборыкин П. Д. За полвека / П. Д. Боборыкин // Воспоминания. В 2-х т. / П. Д. Боборыкин. – М.: Художественная литература, 1965. – Т. 1. – 567 с.
14. Бромлей Ю. В. Очерки теории этноса / Ю. В. Бромлей. – М.: Наука, 1983. – 412 с.

15. Брусилов Н. Опыт описания Вологодской губернии / Н. Брусилов. – СПб., 1833. – 64 с.
16. Булгаков С. Почитание Богоматери и святых в православии / С. Булгаков // Булгаков С. Православие. Очерки учения православной церкви. – М.: Терра, 1991. – С. 253–276.
17. Бунаков Н. Ф. Записки Н. Ф. Бунакова: Моя жизнь, в связи с общерусской жизнью, преимущественно провинциальной, 1837–1905 / Н. Ф. Бунаков. – СПб.: Типография Т-ва «Общественная польза», 1909. – 364 с.
18. Бунаков Н. Ф. О русских исторических песнях ига монгольского / Н. Ф. Бунаков // ВГВ. – № 39. – С. 415–419.
19. Буторина Т. С. Культурно-образовательные традиции русского Севера / Т. С. Буторина // Образование и культура Северо-Запада России. – СПб., 1999. – С. 264–272.
20. Вернадский В. Г. История России. Киевская Русь / В. Г. Вернадский. – Тверь: Леан-М.: Аграф, 2000. – 448 с.
21. Вернадский В. Г. Начертания русской истории / В. Г. Вернадский. – СПб.: Лань, 2000. – 326 с.
22. Взгляд на состояние промышленности и торговли // ВГВ. – 1866. – № 8. – С. 56–57; № 10. – С. 78–79; № 25. – С. 234–235; № 31. – С. 303–304.
23. Витте С. Ю. Царствование Николая II (1894 – окт. 1905) / С. Ю. Витте // Воспоминания в 3-х томах / С. Ю. Витте. – М.: Соцэкгиз, 1960. – Т. 2 (1894 – окт. 1905). – 639 с.
24. Власова И. В. Дорогами земли Вологодской. Этнографические очерки / И. В. Власова. – М., 2001. – 280 с.
25. Военно-статистическое обозрение Российской Империи, издаваемое по высочайшему повелению при 1-м отделении Департамента Генерального Штаба. – СПб., 1850. – Т. 2: Вологодская губерния. – 382 с.
26. Волков П. Из Кокшеньги Тотемского уезда / П. Волков // ВГВ. – 1865. – № 46. – С. 435–436.
27. Воронина Е. А. Духовно-нравственное просвещение учащихся младших школьников средствами музыки: дисс. ... канд. пед. наук / Е. А. Воронина. – Вологда, 2002. – 197 с.
28. Выготский Л. С. Проблема культурного развития ребенка / Л. С. Выготский. – М., 1938. – 115 с.
29. Галанин Д. Д. Современные задачи просветительских обществ / Д. Д. Галанин // Труды Первого всероссийского съезда деятелей

- обществ народных университетов и других просветительских учреждений частной инициативы. – СПб., 1908. – С. 260–265.
30. Герасимов М. К. Обычаи, обряды и поверья в Череповецком уезде / М. К. Герасимов // Этнографическое обозрение. – 1990. – № 3. – С. 13–137.
31. Герцен А. И. Русский народ и цивилизация / А. И. Герцен // Собр. соч. в 30 т. – М., 1956. – Т. 7. – 677 с.
32. Глаголевский В. Значение воспитания в гимназии и его задачи / В. Глаголевский // Журнал Министерства народного просвещения. – 1871. – Ч. 153. – С. 26–44.
33. Гончаров И. Ф. Русская душа / И. Ф. Гончаров. – Вологда: Изд-во Вологодского института развития образования, 1999. – 52 с.
34. Город Тотьма Вологодской губернии. Исторический очерк / сост. В. Т. Попов, председатель Тотемской уездной земской управы. – Вологда, 1886. – 127 с.
35. Грунский Н. К. Лекции по педагогике / Н. К. Грунский. – Юрьев, 1914. – 269 с.
36. Гумилев Л. Н. Этнос: его свойства и особенности / Л. Н. Гумилев // Конец и вновь начало. Сочинения / Гумилев Л. Н. – М.: Танаис и Ди-Дик, 1994. – С. 37–61.
37. Гуревич П. С. Философия культуры / П. С. Гуревич. – М.: Аспект-Пресс, 1994. – 317 с.
38. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1989. – Том второй: И – О. – 779 с.
39. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка / В. И. Даль. – М.: Русский язык, 1990. – Том третий: П. – 555 с.
40. Данилов В. Кадниковский уезд Вологодской губернии. Очерки истории, географии, промышленности и быта населения / В. Данилов // Север. Книга ¾, 1923. – С. 215–262.
41. Демкин И. И. Вологодский край / И. И. Демкин. – СПб., 1901. – 32 с.
42. Демков М. И. О русском семейном воспитании / М. И. Демков // Вестник воспитания. – 1891. – № 3–4. – С. 25–48.
43. Демографический ежегодник Вологодской области. Статистический сборник / Росстат. – Вологда, 2009. – 67 с.
44. Домострой / сост., вступ. ст., пер. и коммент. В. В. Колесова; подг. текстов В. В. Рождественской, В. В. Колесова и М. В. Пименовой. – М.: Советская Россия, 1990. – 304 с.

45. Достойнов Я. Предметная система: (Доклад, читанный в родительском комитете Мариинской женской гимназии / Я. Достойнов // Северная Земля. – 1906. – № 11. – С. 227.
46. Ерасов Б. С. Культура, религия и цивилизация на Востоке (очерки общей теории) / Б. С. Ерасов. – М.: Наука, 1990. – 205 с.
47. Жук В. Н. Брак и добрачная жизнь отца / В. Н. Жук // Жук В. Н. Мать и дитя. Гигиена в общедоступном изложении. – СПб., 1900. – С. 17–60.
48. Забелин И. Е. История русской жизни с древнейших времен / И. Е. Забелин / под ред. А. В. Орешникова. – М., 1912. – 503 с.
49. Загоровский А. И. Курс семейного права / А. И. Загоровский. – Одесса, 1902. – 564 с.
50. Замалеев А. Ф. Лекции по истории русской философии / А. Ф. Замалеев. – СПб.: Изд-во С.-Петербургского университета, 1999. – 312 с.
51. Зеньковский В. В. На пороге зрелости. Беседы с юношеством о вопросах пола / В. В. Зеньковский. – М.: Воскресение, 1991. – 49 с.
52. Иваницкий Н. А. Материалы по этнографии Вологодской губернии / Н. А. Иваницкий // Н. А. Иваницкий. Сборник для изучения быта крестьянского населения России. – М., 1890. – Вып. 2. – 234 с.
53. Иваницкий Н. А. Пословицы Вологодского уезда / Н. А. Иваницкий / Статистический сборник Вологодской губернии. – Вологда, 1883. – Т. 3. – С. 229–266.
54. Из быта крестьян Устюжской волости Устюженского уезда // ВГВ. – 1865. – № 6. – С. 1–2.
55. Иконникова С. Н. Диалог о культуре / С. Н. Иконникова. – Л.: Лениздат, 1987. – 205 с.
56. Иларион. Слово о законе и благодати / Иларион // Русская идея / сост. и авт. вступ. статьи М. А. Маслин. – М., 1992. – С. 18–36.
57. Ильин И. А. Путь духовного обновления / И. А. Ильин // Ильин И. А. Путь к очевидности. – М., 1993. – С. 134–289.
58. Ильминский Н. И. Беседы о народной школе / Н. И. Ильминский // Антология педагогической мысли России второй половины XIX – начала XX в. / сост. П. А. Лебедев. – М.: Педагогика, 1990. – С. 163–164.
59. Иоанн Полянский. Епархиальный миссионер. Поездки Вологодского Епархиального миссионера в 1897 / И. Полянский // ВЕВ. – 1897. – № 21. – С. 433–438.

60. Иосиф Волоцкий. Просветитель. – Москва, 1998 г. – 215 с.
61. Итоги Всероссийской переписи населения: В 14 т. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – Т. 1. Численность и размещение населения. – 574 с.
62. Кавелин К. Д. Наш умственный строй. Статьи по философии русской истории и культуры / К. Д. Кавелин. – М.: Правда, 1989. – 654 с.
63. Каган М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – СПб.: Петрополис, 1996. – 416 с.
64. Камкин А. В. Крестьянское правотворчество и государственное законодательство (по материалам второй половины XVIII в.). / А. В. Камкин // Проблемы истории крестьянства европейской части России (до 1917 г.): межвузовский сборник научных статей. – Пермь: Пермский университет, 1992. – С. 175–189.
65. Камкин А. В. Правосознание государственных крестьян второй половины XVIII века (на материалах Европейского Севера) / А. В. Камкин // История СССР. – 1987. – № 2. – С. 163–173.
66. Канторович Я. А. Законы о детях / Я. А. Канторович. – СПб., 1899. – 330 с.
67. Каптерев П. Ф. Значение христианства в постановке первоначального воспитания и христианской теории / П. Ф. Каптерев // Энциклопедия семейного воспитания и обучения: в 50-ти вып. – СПб., 1900. – Вып. 27. – 31 с.
68. Каптерев П. Ф. Ответственность родителей перед детьми / П. Ф. Каптерев // Воспитание и обучение. – 1901. – № XI. – С. 337–350.
69. Каптерев П. Ф. Педагогический процесс / П. Ф. Каптерев. – СПб.: Типо-литография Б. М. Вольфа, 1908. – 138 с.
70. Каптерев П. Ф. Энциклопедия семейного воспитания и обучения / П. Ф. Каптерев. – СПб., 1898. – 28 с.
71. Карамзин Н. М. История государства Российского / Н. М. Карамзин // Карамзин Н. М. Собрание сочинений: В 12 т. – Калуга: Золотая Аллея, 1993. – Т. 5–6. – 576 с.
72. Катков М. Н. Имперское слово / М. Н. Катков. – М.: Редакция журнала «Москва», 2002. – 502 с.
73. Кизеветтер А. А. Русский Север. Роль Северного края Европейской России в истории русского государства. Очерк / А. А. Кизеветтер. – Вологда: Типография Союза Северных Кооперативных Союзов, 1919. – 66 с.

74. Кичигин А. О религиозном воспитании детей в семье / А. О. Кичигин // Школа православного воспитания. – М., 1999. – С. 313–339.
75. Кичин В. В зырянском крае / В. Кичин // ВГВ. – 1871. – № 49. – С. 7.
76. Кичин Н. В. Свадебные обряды в Васьяновской волости Кадниковского уезда / Н. В. Кичин // ВГВ. – 1860. – № 53. – С. 373–375.
77. Ключевский В. О. Два воспитания / В. О. Ключевский // Очерки и речи. Второй сборник статей / Ключевский В. О. – Пг.: Литературно-Издательский Отдел Комиссариата Народного Просвещения, 1918. – С. 210–238.
78. Ключевский В. О. Курс русской истории. Ч. I / В. О. Ключевский // Сочинения. В 9 т. / Ключевский В. О.; под ред. В. Л. Янина. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – 430 с.
79. Ключевский В. О. Православие в России / В. О. Ключевский. – М.: Мысль, 2000. – Т. 2: Власть и культура. – 621 с.
80. Ковригин В. А. Здравоохранение / В. А. Ковригин // Очерки русской культуры XIX века. В 3-х т. – М., 2000. – С. 394–470.
81. Колесников П. А. Воздействие народных масс на государственное законодательство России XVII–XVIII вв. / П. А. Колесников // Проблемы истории крестьянства европейской части России (до 1917 г.): межвуз. сб. науч. ст. – Пермь: Пермский университет, 1992. – С. 158–174.
82. Колесников П. А. Северная деревня в XV – первой половине XIX века / П. А. Колесников. – Вологда: Северо-Западное книжное издательство, 1976. – 416 с.
83. Колесников П. А. Северная Русь / П. А. Колесников. – Вологда, 1971. – 208 с.
84. Копанев А. И. Крестьянство русского севера в XVI в. / А. И. Копанев. – Л.: Наука, 1978. – 245 с.
85. Корнилов И. П. Задачи русского просвещения в его прошлом и настоящем / И. П. Корнилов. – СПб.: Типография А. П. Лопухина, 1902. – 444 с.
86. Костомаров Н. И. Домашняя жизнь и нравы великорусского народа / Н. И. Костомаров. – М.: Экономика, 1993. – 399 с.
87. Костомаров Н. И. Рассказ из времен XVII в. / Н. И. Костомаров. – СПб., 1865.
88. Котляров П. А. Воспитатели внуков / П. А. Котляров // Вестник воспитания. – 1895. – № 6. – С. 1–55.

89. Крестьяне // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1895 – Т. 32. – С. 724–725.
90. Круглов А. В. Господа крестьяне. Деревенские силуэты (1890–1891) / А. В. Круглов. – М.: Типография Э. Лисснера, 1897. – 409 с.
91. Круглов А. В. Кто виновник убыли женской души / А. В. Круглов. – М.: Типо-литография «Русского товарищества». – Вологда, 1899. – 24 с.
92. Крылова Н. Б. Культурология образования / Н. Б. Крылова. – М.: Народное образование, 2000. – 272 с.
93. Кторский. Несколько слов о помочах Вологодской губернии / Кторский // Этнографические обозрения. – СПб., 1894. – № 2. – С. 174–191.
94. Лахтин М. Исследование семьи и рода и их роль в борьбе с вырождением / М. Лахтин // Вестник воспитания. – 1909. – № 3. – С. 73–91.
95. Левитинский П. Черты нравов крестьян Тотемского уезда / П. Левитинский // Этнографический сборник. – 1862. – Вып. V. – С. 54–57.
96. Лесгафт П. Ф. Школьные типы / П. Ф. Лесгафт // Избранные педагогические сочинения в 2-х т. / Лесгафт П. Ф. – М., 1951. – Т. 1. Семейное воспитание ребенка и его значение. – С. 7–186.
97. Литвак Б. Г. Русское православие в XIX веке / Б. Г. Литвак // Русское православие: вехи истории. – М., 1989. – С. 309–381.
98. Лихачев Д. С. Раздумья о России / Д. С. Лихачев. – СПб.: LOGOS, 1999. – 672 с.
99. Лотман Ю. М. Статьи по семиотике и типологии культуры / Ю. М. Лотман // Избр. статьи в 3-х т. / Ю. М. Лотман. – Таллин, 1992. – Т. 1. – 479 с.
100. Лурье С. В. Историческая этнология / С. В. Лурье. – М.: Аспект пресс, 1997. – 448 с.
101. Лушников И. Д. Традиции и новаторство в современном образовании / И. Д. Лушников // Педагогика. – 2000. – № 10. – С. 21–25.
102. Макарий (Невский). Ныне много знаний, но мало воспитания / Макарий // Школа православного воспитания. – М.: Паломник, 1999. – С. 308–312.
103. Маркарян Э. С. Теория культуры и современная наука / Э. С. Маркарян. – М.: Мысль, 1983. – 284 с.
104. Машкин А. Просветительская деятельность сельских коопераций / А. Машкин // Русская школа. – 1909. – № 7–8. – С. 206–213.

105. Медведков А. П. Краткая история русской педагогики / А. П. Медведков. – СПб.: Изд-во Я. Башмакова, 1913. – 188 с.
106. Мижуев П. Г. Влияние народного образования на народные богатства, здоровье и нравственность и другие стороны общественной жизни / П. Г. Межуев. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова, 1901. – 148 с.
107. Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры / П. Н. Милюков // Сочинения в 3-х т. / П. Н. Милюков. – М.: Прогресс-Культура, 1994. – Т. 2. – Ч. 2. – 496 с.
108. Миронов Б. Н. Социальная история России периода империи (XVIII– начало XX в.): Генезис личности, демократической семьи, гражданского общества и правового государства: В 2-х т. – СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1999. – Т. 1. – 549 с.
109. Миропольский С. Школа и государство. Обязательность обучения в России (исторический этюд) / С. Миропольский. – СПб.: Типография А. М. Котомина, 1876. – 227 с.
110. Мономах В. Поучения / Владимир Мономах // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. – М.; Л.: Педагогика, 1985. – С. 164–170.
111. Морозов С. Т. Дед умер молодым. Документальная повесть / С. Т. Морозов. – М.: Рубикон, 1992. – 199 с.
112. Народ. Богат. Необходимые условия для успехов русского земледелия // ВГВ. – 1864. – № 24. – С. 78–79.
113. Неволин К. Н. Введение и книга первая о союзах семейственных / К. Н. Неволин // Неволин К. Н. История российских гражданских законов: В 3-х т. – СПб., 1852. – Т. 1. – 472 с.
114. Николаева Н. Страницы к истории нашего женского домашнего воспитания в недавнюю старину / Н. Николаева // Русская школа. – 1893. – № 5. – С. 30–63; № 6. – С. 28–56.
115. Новиков Н. И. О воспитании и наставлении детей / Н. И. Новиков // Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. – М., 1985. – С. 289–329.
116. Обнорский П. Пословицы и поговорки, собранные в Вологодском и Грязовецком уездах / П. Обнорский // ВГВ. – 1899. – № 4. – С. 10.
117. Овчинников А. В. Правовое обеспечение развития общего образования в России / А. В. Овчинников // Историко-методологические и философские проблемы развития педагогики и образо-

вания в России во второй половине XIX века / под ред. Егорова С. Ф., академика РАО. – М., 2005. – С. 62–134.

118. Описание одного прихода в Грязовецком уезде // ВГВ. – 1863. – № 1. – С. 9–10; № 2. – С. 13–14; № 3. – С. 9–10; № 6. – С. 30.
119. Орлова Э. А. Руководство по методологии культурно-антропологических исследований / Э. А. Орлова. – М., 1991. – 329 с.
120. Острогорский А. Н. Семейные отношения и их воспитательное значение / А. Н. Острогорский // Энциклопедия семейного воспитания и обучения / под ред. П. Ф. Каптерева. – СПб., 1898. – Вып. 2. – 31 с.
121. Осьминский Т. И. Очерки по истории края (Вологодская область) / Т. И. Осьминский, Н. В. Озерин, И. И. Брусенский. – Вологда: Вологодское книжное издательство, 1960. – 456 с.
122. Отчет о народных чтениях в г. Вологде. – Ярославль, 1899. – 37 с.
123. П. П. Некоторые черты в жизни прикубинских крестьян / П. П. // ВГВ. – 1875. – № 92. – С. 2–3.
124. Пахолков Х. И. Физическое воспитание / Х. И. Пахолков // Опыт педагогической хрестоматии. Идеалы воспитания и обучения. Выпуск третий / Х. Пахолков. – Казань: Типография Б. Л. Домровского, 1896. – 121 с.
125. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Вологодская губерния. Тетрадь 2 / сост. Н. Троицкий. – СПб., 1904. – 208 с.
126. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. Н. А. Троицкого. – СПб., 1905. – Т. 1. – 89 с.
127. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Общий свод по империи результатов разработки данных первой всеобщей переписи населения, произведенной 28 января 1897 года / под ред. Н. А. Троицкого. – СПб., 1905. – Т. 2. – 416 с.
128. Петров В. Об отношении народа к грамотности / В. Петров // Вестник воспитания. – 1904. – № 4. – С. 127–141.
129. Письма Александра I к княгине Голицыной от 7 августа 1801 г. // Русская старина. – Т. 1. – С. 447.
130. Победоносцев К. П. Народное просвещение / К. П. Победоносцев // Школа православного воспитания. – М., 1999. – С. 47–60.
131. Поверья жителей Васьяновской волости Кадниковского уезда // ВГВ. – 1863. – № 35. – С. 115.

132. Полоцкий Симеон. Наказание чадам // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV–XVII вв. – М.; Л.: Педагогика, 1985. – С. 341–348.
133. Посошков И. Т. Завещание отеческое / И. Т. Посошков // Антология педагогической мысли России XVIII в. / сост. И. А. Соловков. – М., 1985. – С. 64–68.
134. Потанин Г. Никольский уезд и его жители / Г. Потанин // Древняя и новая Россия. – СПб., 1876. – Т. 3. – № 10. – С. 136–156.
135. Потанин Г. Этнографические заметки на пути от г. Никольска до г. Тотьмы / Г. Потанин // Живая старина. – СПб., 1899. – Вып. 1. – С. 23–60.
136. Путин В. В. Послание Федеральному Собранию Российской Федерации / В. В. Путин // Российская газета. – 2006. – 11 мая (№ 97). – С. 1–3.
137. Радищев А. И. Беседа о том, что есть сын Отечества / А. И. Радищев // Антология педагогической мысли России XVIII в. – М.: Педагогика, 1985. – С. 378–380.
138. Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения 1802–1902 гг. / С. В. Рождественский. – СПб.: Изд. Министерства народного просвещения, 1902. – 785 с.
139. Розанов В. В. Русская церковь / В. В. Розанов // Собрание сочинений. В темных религиозных лучах / Розанов В. В. – М., 1994. – С. 8–29.
140. Розанов В. В. Семейный вопрос в России / В. В. Розанов. – М.: Республика, 2004. – 829 с.
141. Российский статистический ежегодник. 2008 г.: Статистический сборник / Росстат. – М., 2009. – 819 с.
142. Рубцов П. П. Русский Север / П. П. Рубцов. – СПб., 1871. – 293 с.
143. Рыбаков А. А. Вологодская икона. Центры художественной культуры земли Вологодской XIII – XVIII веков. – М.: Галарт, 1995. – 435 с.
144. Савваитов П. Дорожные заметки. От Вологды до Устюга / П. Савваитов // Московитянин. – 1842. – Ч. 6. – № 12. – С. 310–336.
145. Садовская В. С. Педагогические основы формирования культуры быта: монография / В. С. Садовская. – М.: МГУК, 1996. – 206 с.

146. Сборник народных юридических обычаев / под общей ред. действительного члена общества С. В. Пахмана. — СПб., 1900. — 425 с.
147. Свод законов Российской империи повелением государя императора Николая Павловича. Законы гражданские и межевые. — СПб., 1842. — 1138 с.
148. Свод законов Российской империи. Уставы благочиния. — СПб., 1842. — 1849 с.
149. Семейное воспитание как подготовка к школе // ВЕВ. — 1906. — № 18. — С. 71–78.
150. Семейный кодекс РФ: с изменениями и дополнениями на 1 мая 1999 г. — М.: Проспект, 1999. — 72 с.
151. Сергиевский Н. По прочтении Высочайшего Манифеста 19 февраля / Н. Сергиевский // ВГВ. — 1861. — № 16. — С. 108–111.
152. Сикорский И. А. Педагогическое значение первого детства / И. А. Сикорский // Антология педагогической мысли России второй половины XIX — начала XX вв. / сост. П. А. Лебедев. — М., 1990. — С. 283 — 292.
153. Скворцов И. О воспитании родового чувства / И. Скворцов // Вестник воспитания. — 1892. — № 1. — С. 63–84.
154. Скворцов Н. Быт и зимние занятия крестьян Маньчловского прихода Тотемского уезда / Н. Скворцов // ВГВ. — 1866. — №. 31. — С. 303–306.
155. Славинецкий Е. Гражданство обычаев детских / Епифаний Славинецкий // Антология педагогической мысли Древней Руси и Русского государства XIV — XVII вв. — М., 1985. — С. 314–330.
156. Смирнов А. В. Общественное движение и школа Вологодской губернии в 60–х годах XIX века / А. В. Смирнов // Вологодский край. — Вологда: Вологодское книжное издание, 1960. — Вып. II. — С. 294–327.
157. Соборное уложение 1649 года. — Л.: Наука, 1987. — 448 с.
158. Соловьев В. С. Оправдание добра: Нравственная философия / В. С. Соловьев // Собрание сочинений в 2-х т. / В. С. Соловьев. — М., 1990. — Т. 1. — С. 47–548.
159. Соловьев В. С. Право и нравственность / В. С. Соловьев. — СПб.: Изд-во Я. Канторовича, б/г. — 179 с.
160. Справка о работе по образованию единичных владений // ВГВ. — 1913. — № 42. — С. 3.

161. Стоюнин В. Я. Наша семья и ее исторические судьбы / В. Я. Стоюнин // Педагогические сочинения / В. Я. Стоюнин. – СПб., 1903. – С. 1–90.
162. Судаков Г. В. Лексические диалектизмы в северорусских актах XVI–XVII вв. / Г. В. Судаков // Северорусские говоры. – Л., 1984. – Вып. 4. – С. 76–79.
163. Тарутин А. А. Что читают крестьяне Удимской волости и как они относятся к школе и книге / А. А. Тарутин // Русская школа. – 1892. – № 1. – С. 136–147.
164. Татищев В. Н. Духовная моему сыну (1685–1750) / В. Н. Татищев. – СПб., 1896. – 83 с.
165. Тишков В. А. Нация / В. А. Тишков // Новая философская энциклопедия: В 4-х т. – М., 2001. – Т. 3. Н–С. – С. 41–43.
166. Тотемская земская библиотека за 35 лет существования. – Вологда, 1915. – 81 с.
167. Тугаринов В. П. Теория ценностей в марксизме / В. П. Тугаринов // Избр. филос. труды. – Л., 1988. – С. 256–291.
168. Успенский М. И. По учебным заведениям Вологодской губернии (Из заметок окружного инспектора) / М. И. Успенский. – Пг.: Сенатская типография, 1915. – 68 с.
169. Ушинский К. Д. Труд в его психическом и воспитательном значении / К. Д. Ушинский // Избранные педагогические произведения / К. Д. Ушинский. – М., 1968. – С. 159–180.
170. Ф. Щ. Общинно-земельные порядки крестьян Воробинской волости Сольвычегодского уезда / Ф. Щ. // Вологодский сборник / под ред. Ф. А. Посеньева. – Вологда, 1879. – Т. 1. – С. 1–22.
171. Федоров В. А. Православная церковь и государство / В. А. Федоров // Очерки русской культуры XIX века. В 3-х т. – М., 2000. – Т. 2. Власть и культура. – С. 265–329.
172. Федосов И. А. Российский абсолютизм и бюрократия / И. А. Федосов, Е. Н. Долгих // Очерки русской культуры XIX века. В 3-х т. – М., 2000. – Т. 2. Власть и культура. – С. 10–102.
173. Флиер А. Я. Культурология для культурологов / А. Я. Флиер. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2002. – 492 с.
174. Христианское воспитание детей. – М. Синодальная типография, 1905. – 59 с.
175. Чайкина Ю. И. Названия лиц по ремеслу и занятиям в деловой письменности русского Севера XVI – XVII вв. / Ю. И. Чайкина // Северорусские говоры. – Л., 1984. – Вып. 4. – С. 63–75.

176. Чарнолуцкий В. К. Съезды по народному образованию. Сборник постановлений и резолюций / В. К. Чарнолуцкий. – Пг., 1915. – 345 с.
177. Черты нравственно–религиозной жизни поселян некоторых уездов Вологодской губернии // ВГВ. – 1865. – № 16. – С. 132–133; № 18. – С. 157 – 158; № 21. – С. 199–201.
178. Шелгунов Н. В. Домашняя летопись. Провинция / Н. В. Шелгунов // Русское слово. – 1865. – № 2. – С. 29–74.
179. Шершеневич Г. Ф. Учебник русского гражданского права (по изданию 1907 г.) / Г. Ф. Шершеневич. – М.: Спарк, 1995. – 556 с.
180. Школьные завтраки // Журналы совещания представителей губернских и уездных земств Вологодской губернии по вопросам просвещения. – Вологда, 1910. – С. 119–125.
181. Шокальский Ю. Вологодская губерния / Ю. Шокальский // Энциклопедический словарь: В 82 т. / Ф. А. Брокгауз, И. А. Ефрон. – СПб., 1892. – Т. 17. – С. 61–65.
182. Штукенберг И. Ф. Описание Вологодской губернии / И. Ф. Штукенберг // Статистические труды. Статья XXIII / И. Ф. Штукенберг. – СПб., 1858. – 56 с.
183. Шустиков А. А. Тавреньга Вельского уезда (Вологодская губерния) / А. А. Шустиков // Живая старина. – 1895. – Вып. II. – С. 171–198.
184. Шустиков А. А. Троищина Кадниковского уезда: Бытовой очерк / А. А. Шустиков // Живая старина. – 1892. – Вып. II. – С. 71–91; 1892. – Вып. III. – С. 106–138.
185. Юности честное зерцало, или Показание к житейскому обхождению: Собрание от разных авторов. – СПб., 1717. – 215 с.

Архивные источники

*Российский Государственный исторический архив
г. С.-Петербурга (РГИА)*

186. Ф. 1061. – Оп. 1. – Д. 6. Рукописи Е. А. Покровского по вопросам воспитания детей (без даты). – Л. 1 – 62.

*Архив Российского этнографического музея г. С.-Петербурга (РЭМ)
Фонд 7. Тенишева Вячеслава Николаевича.*

187. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 115. Аристархов А. Местные условия жизни. Физические и природные свойства крестьян Вологодского уезда, 1899 г. – Л. 1 – 12.

188. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 117. Аристархов А. Личные отношения крестьян Вологодского уезда, 1899 г. – Л. 1 – 15.
189. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 157. Суворов И. Бытовые традиции Вологодского уезда, 1989 г. – Л. 1 – 13.
190. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 162. Чапурский В. Бытовая жизнь крестьян, 1899 г. – Л. 1. – 9.
191. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 171. Шестеряков В. Личные отношения в семье Вологодского уезда, 1899 г. – Л. 1 – 12.
192. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 208. Староверов С. Книгочтение в Грязовецком уезде (1898 г.). – Л. 1. – 91.
193. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 210. Староверов С. Сближение молодежи Грязовецкого уезда, 1898 г. – Л. 1 – 163.
194. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 214. Староверов С. Крестьянский род в Грязовецком уезде, 1898 г. – Л. 1 – 62.
195. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 215. Староверов С. Воспитание детей в Грязовецком уезде (1898 г.). – Л. 1. – 45.
196. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 234. Дилакторский П. Пословицы и поговорки Кадниковского уезда, 1898 г. – Л. 1 – 8.
197. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 253. Малинин А. Помочи в Кадниковском уезде, 1898. – Л. 1 – 17.
198. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 257. Мерцалов А. Семья и семейные отношения в Кадниковском уезде, 1897 г. – Л. 1 – 7.
199. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 309. Суровцев А. О крестьянской гордости. Никольский уезд. Лузянская волость, 1899 г. – Л. 1 – 15.
200. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 557. Кузнецов Я. И. Общественные условия, обычаи и законы, регулирующие отношения крестьян к обществу и государственному строю, 1899 г. – Л. 1 – 110.
201. Ф. 7. – Оп. 1. – Д. 676. Вересов Л. Воспитание в Белозерском уезде, Новгородской губернии, 1899 г. – Л. 1 – 15.

Государственный архив Вологодской области (ГАВО)

Фонд 455. Вологодская 2-я женская гимназия

202. Ф. 455. – Оп. 1. – Д. 26. Руководящие указания для начальных и средних учебных заведений, 1907 г. – Л. 1–42.
203. Ф. 455. – Оп. 1. – Д. 40. Об открытии коммерческого отделения во второй женской гимназии, 1910 г. – Л. 1–37.
204. Ф. 455. – Оп. 1. – Д. 181. Программы по подготовительному классу на 1913–1914 гг., 1914 г. – Л. 1–53.

Фонд 652. Вологодское общество по изучению Северного края

205. Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 22. Путевые заметки экскурсии по восточной части Вологодской губернии, 1910 г. – Л. 1–73.
206. Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 47. П. А. Дилакторский. Выписки из статьи С. Пономарева «Артельщина и дружество как особый уклад народной жизни», 1888 г. – Л. 1 – 11.
207. Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 52. Исторический очерк Согорской Воскресной одноклассной церковно-приходской школы Никольского уезда Вологодской епархии, 1884 г. – 1909. – Л. 1 – 14.
208. Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 65. Деревенское веселье в Вологодском уезде (Вл. Александров по указателю Дилакторского), 1864 г. – Л. 1–10.
209. Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 108. П. А. Загоровский. Первый шаг в деле улучшения полевой культуры у крестьян Тотемского уезда Вологодской губернии, 1885 г. – Л. 1 – 17.
210. Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 112. Список народных слов Вологодской губернии, вошедших в словарь В. И. Даля, без даты. – Л. 1 – 25.
211. Ф. 652. – Оп. 1. – Д. 127. О выработке программы изучения северного края для преподавания в школе, 1909 – 1912 гг. – Л. 1 – 12.

Фонд 4389. Вологодское общество по изучению Северного края

212. Ф. 4389. – Оп. 1. – Д. 144. Соболевская В. М. Очерки быта кокшаров и присухонских крестьян, 1920 г. – Л. 1 – 75.
213. Ф. 4389. – Оп. 1. – Д. 145. Предсказания и приметы по физическим явлениям природы из жизни человека, собранные А. А. Шустиковым в Кадниковском уезде Вологодской губернии, 1920 г. – Л. 1 – 17.
214. Ф. 4389. – Оп. 1. – Д. 208. О каргопольском уезде: – рукопись С. Скороходова (Сергей Бродяга), 1923 г. – Л. 1 – 18.
215. Ф. 4389. – Оп. 1. – Д. 219. Анкеты, заполненные ВИКаами Вологодской губернии, характеризующие местность в естественно-историческом, культурном и экономическом отношении (т. 2), 1927 г. – Л. 1 – 92.

Архив краеведческого музея г. Устюжны

216. Ф. 3. – Оп. 37. – Д. 30/2. Общий взгляд на Новгородскую губернию, 1849. – Л. 1 – 11.

Гезаурус

По результатам исследования введен ряд новых понятий и систематизированы понятия, связанные с духовно-нравственными ценностями семейного воспитания:

– *духовные ценности* – обобщенные смысловые образования, от-рефлектированные субъектом восприятия и ставшие ориентиром в различных жизненных ситуациях;

– *нравственные ценности* – смысловые образования, отражающие отдельные аспекты обобщенных смыслов и ставшие ориентиром в аспектно-конкретных жизненных ситуациях;

– *национальные духовные и нравственные ценности*, относящиеся к культуре определенного этноса;

– *региональные духовные и нравственные ценности* – особенные, возникающие в специфических условиях региона;

– *национально-региональные духовные и нравственные ценности* – ценности этноса, приобретшие определенные особенности в условиях конкретного региона;

– *заглавные духовные ценности* – духовные универсалии, играющие роль мировоззренческих ориентиров в семье: это те объективно данные семье явления, в структуру которых она органично вписана, имманентно присуща им (род, нация, общество, государство, природа);

– *базовые духовные ценности* – духовные константы, сохраняющиеся во времени и определяющие все содержание нравственных характеристик семейного воспитания (кровное родство, дитя, мать, отец, дом, семейный лад, любовь, целомудрие, природные богатства, земля, труд, хлеб, здоровье, Родина, соборность, добро, вера, надежда, нестяжательство, красота);

– *доминирующие духовные и нравственные ценности* – наиболее значимые, приобретавшие главное значение для семейного воспитания в разные историко-культурные периоды;

– *приоритетные духовные и нравственные ценности* – главные для разных социальных факторов (государства, религии, общины, пе-

дагогической науки, общественно-педагогического движения) в их воздействии на семейное воспитание;

- *традиционные духовные и нравственные ценности* – устойчивые, переходящие из одного поколения к другому, унаследованные от предшествующих поколений, предшествующего опыта семейного воспитания;

- *новые духовные и нравственные ценности* – вновь появляющиеся под влиянием изменившихся обстоятельств;

- *современные духовные и нравственные ценности* – проявляющиеся в настоящее время, как результат сочетания традиционных и новых ценностей;

- *позитивные духовные и нравственные ценности* – признаваемые в качестве положительных в конкретный исторический период;

- *общие духовные и нравственные ценности* – идентичные национальным (общенациональным);

- *локальные духовные и нравственные ценности* – идентичные региональным.

Таблица сравнения систем позитивных традиционных национальных и позитивных традиционных национально-региональных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Системы ценностей	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
Семья как субъект национальной культуры			
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа			
1. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи	Национальная	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Национально-региональная		Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Национальная	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье
	Национально-региональная		Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье, <u>воспитание в нем чувства собственного достоинства</u>
	Национальная	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение
	Национально-региональная		Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, <u>предупредительность, жалостливость, попечительность</u>

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Системы ценностей	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	Национальная	Отец	Ответственность за семью, мудрость
	Национально-региональная		Ответственность за семью, <u>забота о самодостаточности семьи</u> , мудрость
	Национальная	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, опрятность, чистоплотность
	Национально-региональная		Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство (<u>чрезвычайное, широкое</u>), доброжелательность, <u>привязанность к своей обители, домоседство, хлебосоольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость</u> , опрятность, чистоплотность
	Национальная	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, приравнивание
	Национально-региональная		согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, приравнивание, <u>уступчивость</u>
	Национальная	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость
	Национально-региональная		Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость, <u>искренность</u>

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Системы ценностей	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	Национальная	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души
	Национально-региональная		Скромность, стыдливость, чистота души
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Национальная	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Национально-региональная		Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Национальная	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии
	Национально-региональная		Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии, <u>знание законов природопользования</u>
		Национальная	Труд
	Национально-региональная		Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, <u>невероятное терпение и настойчивость, энергичность, смекалка, находчивость, мастерство, деловитость, чувство гордости за результаты своего труда, дисциплинированность, самоорганизация, умение спланировать рабочий день, рациональность, наблюдательность, умение жить в достатке</u>
	Национальная	Хлеб	Забота об урожае
	Национально-региональная		забота об урожае, <u>трепетное отношение к хлебу</u>

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Системы ценностей	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	Национальная	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость
	Национально-региональная		Сила, выносливость, работоспособность, крепость, <u>мужественность, ловкость, проворность, привычка к долготерпению</u>
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Национальная	Родина	Патриотизм, героизм, жертвенность, мужество, полезность Родине, верность ей, знание ее истории, знание ее законов, благонравие, национальная гордость, добропорядочность, законопослушание
	Национально-региональная		Патриотизм, героизм, жертвенность, мужество, полезность Родине, <u>горячая любовь и верность родительскому краю</u> , знание ее истории, знание ее законов, благонравие, национальная гордость, добропорядочность, <u>законопослушание при относительной автономии</u>
	Национальная	Соборность	Милосердие, сопереживание, житейская отзывчивость, сострадание
	Национально-региональная		Милосердие, сопереживание, житейская отзывчивость, сострадание
	Национальная	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолубие
	Национально-региональная		Доброжелательность, добротоделание, добротолубие, <u>добродушие</u>
	Национальная	Вера	Уверенность, убежденность
	Национально-региональная		Уверенность, убежденность

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Системы ценностей	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	Национальная	Надежда	Оптимистичность, терпение, жизнерадостность
	Национально-региональная		<u>Оптимистичность, умение радоваться жизни, остроумие, терпение, вера в свои способности противостоять трудностям, умение преодолевать трудности спокойно, с достоинством, сила воли, твердость характера в преодолении трудностей</u>
	Национальная	Нестяжательство	Простота, бережливость, запасливость, экономичность
	Национально-региональная		Простота, бережливость, запасливость, экономичность, простота, <u>умеренность желаний, умение довольствоваться малым, бережливость, запасливость, экономичность, рациональность в ведении домашнего хозяйства</u>
	Национальная	Красота	Стремление к красивому и изящному
	Национально-региональная		Стремление к красивому и изящному
	Национально-региональная	<u>Коллективизм</u>	<u>Ответственность, обязательство друг перед другом</u>
	Национально-региональная	<u>Свобода</u>	<u>Свободолюбие, духовная самостоятельность, простота души, чувство собственного достоинства</u>
	Национально-региональная	<u>Правда</u>	<u>Безмерная честность, бесхитрость, прямодушность, доверчивость, совесть, верность слову, справедливость, искренность, доверительность</u>

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Системы ценностей	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	Национально-региональная	<u>Равенство</u>	<u>Признание и уважение прав другого, справедливость</u>
	Национально-региональная	<u>Репутация</u>	<u>Стремление к положительному мнению в обществе о себе, поддержание своей репутации, высокие требования к себе</u>
	Национально-региональная	<u>Достоинство</u>	<u>Ощущение собственной значимости в общественном деле, умение признавать в себе и в других положительные качества</u>
	Национально-региональная	<u>Гражданский мир</u>	<u>Миротребие, дружелюбие, уважение чужой самобытности, терпимость к чужим мнениям, поведению, умение ладить с другими, немстительность, не-злопамятность</u>

Сравнительная таблица систем традиционных национально-региональных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в. и национально-региональных ценностей во второй половине XIX – начале XX в.

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
Семья как субъект национальной культуры			
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа			
I. Культурно-национальная и кровная самоценность семьи	До второй половины XIX в.	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	До второй половины XIX в.	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье, воспитание в нем чувства собственного достоинства
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье, воспитание в нем чувства собственного достоинства, <u>личностных идеалов, самостоятельности, инициативности, забота о его образовании</u>
	До второй половины XIX в.	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, предупредительность, жалостливость, понечительность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, предупре-

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
			длительность, жалостливость, попечительность, <u>просвещенность, социальная активность</u>
	До второй половины XIX в.	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, <u>просвещенность, добродоропорядочность хозяина</u>
	До второй половины XIX в.	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство (чрезвычайное), доброжелательность, <u>привязанность к своей обители, домоводство</u> , хлебосоольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость, опрятность, чистоплотность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство (чрезвычайное), доброжелательность, хлебосоольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость, опрятность, чистоплотность
	До второй половины XIX в.	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, <u>приноравливание</u>
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, <u>приноравливание, семейная солидарность</u>
	До второй половины XIX в.	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
			друга, доверительность, жалостливость, искренность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг за друга, доверительность, жалостливость, искренность, <u>верность (нравственное и духовное единение)</u>
	До второй половины XIX в.	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Скромность, стыдливость, чистота души, <u>физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак</u>
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	До второй половины XIX в.	Природные богатства	Почтительность, бережливость, чуткость, сострадание
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Почтительность, бережливость, чуткость, сострадание
	До второй половины XIX в.	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии, знание законов природопользования
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии, знание законов природопользования
	До второй половины XIX в.	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, невероятное терпение и настойчивость, энергичность, смекалка, находчивость, мастерство, деловитость, чувство гордости за результаты своего труда, дисциплинированность, самоорга-

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
			низация, умение спланировать рабочий день, предприимчивость, умение жить в достатке
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Трудолюбие, потребность трудиться, упорство, старательность, добросовестность, невероятное терпение и настойчивость, энергичность, смекалка, находчивость, мастерство, деловитость, чувство гордости за результаты своего труда, дисциплинированность, самоорганизация, умение спланировать рабочий день, <u>рациональная предприимчивость</u> , умение жить в достатке, <u>профессиональное отношение к труду</u>
	До второй половины XIX в.	Хлеб	Забота об урожае, трепетное отношение к хлебу
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Забота об урожае, трепетное отношение к хлебу
	До второй половины XIX в.	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, мужественность, ловкость, проворность, привычка к долготерпению, жизненная активность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Сила, выносливость, работоспособность, крепость, мужественность, ловкость, проворность, привычка к долготерпению, жизненная активность

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	До второй половины XIX в.	Родина	Патриотизм, героизм, смелость, бесстрашие, отважность, мужество, храбрость, жертвенность, полезность Родине, знание ее истории, законов, любовь и верность своему краю, благонравие, национальная гордость, добропорядочность, законопослушание при относительной автономии
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Патриотизм, героизм, смелость, бесстрашие, отважность, мужество, храбрость, жертвенность, полезность Родине, знание ее истории, законов, любовь и верность своему краю, благонравие, национальная гордость, добропорядочность, законопослушание при относительной автономии, <u>гражданственность</u>
	До второй половины XIX в.	Коллективизм	Единодушие, ответственность, обязательство друг перед другом
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Единодушие, ответственность, обязательство друг перед другом, <u>забота о материальном достатке ближнего</u>
	До второй половины XIX в.	Соборность	Милосердие, сопереживание, житейская отзывчивость, сострадание
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Милосердие, сопереживание, житейская отзывчивость, сострадание
	до второй половины XIX в.	Добро	Доброжелательность, добро-тоделание, добротолوبие, добродушие
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Доброжелательность, добро-тоделание, добротолобие, добродушие

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	До второй половины XIX в.	Вера	Уверенность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Уверенность
	До второй половины XIX в.	Надежда	Оптимизм, умение радоваться жизни, остроумие, терпение, вера в свои способности противостоять трудностям, умение преодолевать трудности спокойно, с достоинством, сила воли, твердость характера в преодолении трудностей
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Оптимизм, умение радоваться жизни, остроумие, терпение, вера в свои способности противостоять трудностям, умение преодолевать трудности спокойно, с достоинством, сила воли, твердость характера в преодолении трудностей
	До второй половины XIX в.	Красота	Стремление к красивому и изящному
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Стремление к красивому и изящному
	До второй половины XIX в.	Нестяжательство	Бережливость, экономность, разумность, умеренность, простота
	Вторая половина XIX – начало XX в.		—
	До второй половины XIX в.	Свобода	Свободолюбие, духовная самостоятельность, простота души, чувство собственного достоинства
	Вторая половина XIX –		Свободолюбие, духовная самостоятельность, простота

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	начало XX в.		души, чувство собственного достоинства
	До второй половины XIX в.	Правда	Честность, бесхитростность, прямотушие, доверчивость, совестливость, верность слову, искренность, доверительность
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Безмерная честность, бесхитростность, прямотушие, доверчивость, совестливость, верность слову, искренность, доверительность
	До второй половины XIX в.	Равенство	Признание и уважение прав другого, справедливость, гуманное отношение к другим
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Признание и уважение прав другого, справедливость, гуманное отношение к другим
	До второй половины XIX в.	Репутация	Стремление к положительному мнению в обществе о себе, поддержание положительной репутации о себе, высокие требования к себе
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Стремление к положительному мнению в обществе о себе, поддержание положительной репутации о себе, высокие требования к себе
	До второй половины XIX в.	Достоинство	Ощущение собственной значимости в общественном деле, умение признавать в себе и в других положительные качества
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Ощущение собственной значимости в общественном деле, умение признавать в себе и в других положительные качества

Системные основы духовно-нравственных ценностей	Исторические периоды	Духовные ценности	Нравственные ценности
1	2	3	4
	До второй половины XIX в.	Гражданский мир	Миролюбие, дружелюбие, уважение чужой самобытности, терпимость к чужому мнению, поведению, умение ладить с другими, немстительность, незлопамятство
	Вторая половина XIX – начало XX в.		Миролюбие, дружелюбие, уважение чужой самобытности, терпимость к чужому мнению, поведению, умение ладить с другими, немстительность, незлопамятство
	Вторая половина XIX – начало XX в.	Образование	<u>Образованная личность, сознательное просвещение</u>
	Вторая половина XIX – начало XX в.	Личность	<u>Самодостаточность, стремление к личной самореализации, признание личных прав в семье</u>
	Вторая половина XIX – начало XX в.	Обладание частной собственностью	<u>Стремление к зажиточной жизни, хозяйственная предприимчивость, личная творческая инициатива, чувство уверенности, уважение чужих полномочий, хозяйственная солидарность</u>
	Вторая половина XIX – начало XX в.	Практицизм	<u>Стремление к достижению и успеху в обществе, улучшению своего положения в повседневной жизни</u>

**Сравнительная таблица систем национально-региональных и национальных
духовно-нравственных ценностей семейного воспитания
второй половины XIX – начала XX в.**

Системные основы духовно- нравственных ценностей воспитания	Общенациональные ценности		Региональные ценности	
	Духовные	Нравственные	Духовные	Нравственные
1	2	3	4	5
Семья как субъект национальной культуры				
Заглавные духовные ценности семьи: род, нация, общество, государство, природа				
1. Культурно-национальная и кровная самооценность семьи	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду	Кровное родство	Почитание предков, признательность и благодарность предкам, гордость за принадлежность к своему роду
	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье	Дитя	Любовь к ребенку, желание добра в жизни, ответственность за нравственное поведение, забота о физическом здоровье, <u>воспитание в нем чувства собственного достоинства, личностных идеалов, самостоятельности, инициативности, забота о его образовании</u>
	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение	Мать	Доброта, нежность, заботливость, мудрость, справедливость, терпение, <u>предупредительность, жалостливость, попечительность, просвещенность, социальная актив-</u>

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Общенациональные ценности		Региональные ценности	
	Духовные	Нравственные	Духовные	Нравственные
1	2	3	4	5
				<u>ность</u>
	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина	Отец	Ответственность за семью, мудрость, доверительность в семье, просвещенность, добропорядочность хозяина
	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, опрятность, чистоплотность	Дом	Дом как жилище для организации частного быта семьи, теплота, гостеприимство, доброжелательность, опрятность, чистоплотность <u>гостеприимство (чрезвычайное), хлебосоольство, радушие, щедрость, услужливость, домовитость</u>
	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, приравнивание, семейная солидарность	Семейный лад	Согласованность, уважительность, почтительность, послушание, единение, приравнивание, семейная солидарность
	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость, верность (нравственное и физическое единение)	Любовь	Духовная привязанность, заботливость, ответственность членов семьи друг перед другом, доверительность, жалостливость, верность (нравственное и физическое единение). <u>искренность</u>

Системные основы духовно- нравственных ценностей воспитания	Общенациональные ценности		Региональные ценности	
	Духовные	Нравственные	Духовные	Нравственные
1	2	3	4	5
	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак	Целомудрие	Скромность, стыдливость, чистота души, физическая и нравственная зрелость как готовность к вступлению в брак
2. Природно-географические основы русской семьи и семейного воспитания	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание	Природные богатства	Почитание, бережливость, чуткость, сострадание
	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии	Земля	Бережное отношение к земле, забота о ее плодородии, <u>знание законов природопользования</u>
	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, старательность, добросовестность, упорство, настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду	Труд	Трудолюбие, потребность трудиться, старательность, добросовестность, упорство, настойчивость, предприимчивость, профессиональное отношение к труду, <u>невероятное терпение и настойчивость, энергичность, смекалка, находчивость, мастерство, деловитость, чувство гордости за результаты своего труда, дисциплинированность, самоорганизация, умение спланиро-</u>

Системные основы духовно-нравственных ценностей воспитания	Общенациональные ценности		Региональные ценности	
	Духовные	Нравственные	Духовные	Нравственные
1	2	3	4	5
				<u>вать рабочий день, рациональная предприимчивость</u>
	Хлеб	Забота об урожае	Хлеб	Забота об урожае, <u>трепетное отношение к хлебу</u>
	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность	Здоровье	Сила, выносливость, работоспособность, крепость, жизненная активность
3. Общественно-государственные основы русской семьи и семейного воспитания	Родина	Патриотизм, героизм, смелость, бесстрашие, отважность, мужество, храбрость, жертвенность, полезность Родине, благонравие, национальная гордость, добропорядочность, гражданственность	Родина	Патриотизм, героизм, смелость, бесстрашие, отважность, мужество, храбрость, жертвенность, полезность Родине, благонравие, национальная гордость, добропорядочность, гражданственность, <u>любовь и верность своему краю, знание истории Родины, ее законов, законопослушание при относительной автономии</u>
	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость	Соборность	Милосердие, сопереживание, отзывчивость
	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие	Добро	Доброжелательность, добротоделание, добротолюбие

Системные основы духовно- нравственных ценностей воспитания	Общенациональные ценности		Региональные ценности	
	Духовные	Нравственные	Духовные	Нравственные
1	2	3	4	5
	Вера	Уверенность	Вера	Уверенность
	Надежда	Оптимизм, терпе- ние, активная жиз- нерадостность	Надежда	Оптимизм, терпе- ние, активная жиз- нерадостность, <u>умение радоваться</u> <u>жизни, остроумие,</u> <u>вера в свои способ-</u> <u>ности противосто-</u> <u>ять трудностям,</u> <u>умение преодоле-</u> <u>вать трудности</u> <u>спокойно, с досто-</u> <u>инством, сила воли,</u> <u>твёрдость характе-</u> <u>ра в преодолении</u> <u>трудностей</u>
	Красота	Стремление к кра- сивому и изящному	Красота	Стремление к кра- сивому и изящному
	Образова- ние	Образованность	Образова- ние	Образованность, <u>образованная лич-</u> <u>ность, сознательное</u> <u>просвещен</u>
			Личность	<u>Самодостаточ-</u> <u>ность, стремление к</u> <u>личной самореали-</u> <u>зации, признание</u> <u>личных прав в</u> <u>семье</u>
			Свобода	<u>Свободолюбие,</u> <u>духовная самостоя-</u> <u>тельность, простота</u> <u>души, чувство соб-</u> <u>ственного досто-</u> <u>инства</u>

Системные основы духовно-правственных ценностей воспитания	Общенациональные ценности		Региональные ценности	
	Духовные	Правственные	Духовные	Правственные
1	2	3	4	5
			Правда	<u>Безмерная честность, бесхитрость, прямота, доверчивость, совесть, верность слову, искренность, доверительность</u>
			Равенство	<u>Признание и уважение прав другого, справедливость, гуманное отношение к другим</u>
			Репутация	<u>Стремление к положительному мнению в обществе о себе, поддержание положительной репутации о себе, высокие требования к себе</u>
			Достоинство	<u>Ощущение собственной значимости в общественном деле, умение признавать в себе и в других положительные качества</u>
			Гражданский мир	<u>Миротворение, дружелюбие, уважение чужой самобытности, терпимость к чужому мнению, повседневно, умение ладить с другими, немстительность, незлопамятность</u>

Системные основы духовно- нравственных ценностей воспитания	Общенациональные ценности		Региональные ценности	
	Духовные	Нравственные	Духовные	Нравственные
1	2	3	4	5
			Обладание частной собственностью	<u>Хозяйственная предприимчивость, личная творческая инициатива, чувство уверенности, уважение чужих полномочий, хозяйственная солидарность</u>
			Практицизм	<u>Стремление к достижению и успеху в обществе, улучшению своего положения в повседневной жизни</u>

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора.....	3
ГЛАВА 1. Духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье как феномен российской действительности. Методологические основания.....	7
1.1. Опыт духовно-нравственного воспитания в русской семье с позиции культурологического подхода.....	8
1.1.1. Положения аксиологической концепции культуры в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье	8
1.1.2. Положения антропологической концепции культуры в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье	10
1.1.3. Положения информационно-знаковой концепции культуры в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье	15
1.2. Частные методологические положения в интерпретации опыта духовно-нравственного воспитания в русской семье	15
1.3. Модель исследования духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье.....	22
ГЛАВА 2. Историко-культурные предпосылки традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	27
2.1. Зарождение духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период культуры языческой Руси (VIII в. – 990-е гг.).....	29
2.2. Осмысление духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период христианизации Древней Руси (990 – 1240 гг.).....	34
2.3. Содержание духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период монгольской эпохи (1241 – середина XV в.)	38

2.4. Обогащение духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в период Московской великокняжеской Руси (середина XV – XVII в.)	39
2.5. Становление духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье в эпоху формирования Российской империи (XVIII – первая половина XIX в.).....	45
2.6. Система общенациональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	49
ГЛАВА 3. Влияние региональных особенностей на систему общенациональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в. (по материалам Вологодской губернии).....	
3.1. Природно-географическая среда в становлении системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	53
3.2. Социальные особенности в определении системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	65
3.3. Этнические условия в формировании системы духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	78
3.4. Система региональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье до второй половины XIX в.	80
ГЛАВА 4. Факторы преемственного развития духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	
4.1. Роль государства в преемственном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	86
4.2. Влияние религии в преемственном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	97

4.3. Значение научной педагогики в преемственном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	103
4.4. Воздействие общественно-педагогического движения на преемственное развитие духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	111
4.5. Сущность единства социальных факторов в преемственном развитии духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	117
ГЛАВА 5. Особенное и общее в динамике национально-региональных и общенациональных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Вологодской губернии)	130
5.1. Трудности и противоречия в духовно-нравственном воспитании в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	130
5.2. Роль социальных факторов в решении проблем духовно-нравственного воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	138
5.3. Преемственное развитие системы региональных традиционных духовно-нравственных ценностей воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в.	145
5.4. Региональные духовно-нравственные ценности воспитания в русской семье во второй половине XIX – начале XX в. в их отношении к общенациональным ценностям	154
Вместо эпилога.....	161
Список литературы и архивных источников.....	166
Приложения.....	181